

ОЛЬГА АНДРЕЕВА

**Стоит
только
расхотеть**

Мужчины всегда возвращаются, такая у них натура... Алиса Шер

Ольга Андреева

Стоит только расхотеть

Она столкнулась с ним возле подземного перехода. Шел проливной дождь, и многочисленные прохожие, застигнутые врасплох, спешили укрыться от непогоды. Она старалась на ходу выудить зонт из бездонной сумки, чертыхаясь про себя и кляня привычку носить с собой кучу ненужных вещей. Ключи, кошелек, мобильник, документы, косметичка... Воистину черная дыра! Наконец, поиски увенчались успехом, но в этот самый момент она столкнулась с человеком, выходящим из подземного перехода. Туба с чертежами полетела в одну сторону, сумочка-в другую, а нос уткнулся в грудь незнакомца. Грудь, запахнутая в летнее пальто, пахла дорогим мужским парфюмом. Чем-то мускусно-древесным, от чего слегка закружилась голова и захотелось просто стоять вот так, под дождем, вдыхая волнующий запах. Получалось очень неудобно. Пауза затягивалась, и надо было извиниться. Уже набрав в грудь воздуха и открыв рот, она подняла глаза на лицо незнакомца... Слова застряли у нее в горле. Набранный воздух позорным всхлипом покинул легкие. Синие глаза с до боли знакомым прищуром и длинными девчачьими ресницами, нос с горбинкой, полные губы, русые волосы. Все то, что было ее наваждением на протяжении трех лет, все то, что она долго и тяжело забывала, все, что уже почти забыла и, забыв, начала новую и счастливую жизнь. И надо же было случиться их встрече именно сейчас! Сразу стало как-то стыдно, а в глубине души снова появилось то ноющее, похожее на зубную боль, чувство. Спohватившись, что рассматривает его слишком бесцеремонно, она отвела глаза. Между тем, ее тоже узнали. Сначала синие глаза смотрели с раздражением, потом с удивлением, которое, в свою очередь, сменилось восхищением. Пухлые губы растянулись в улыбке, такой же открытой и детской, как и тогда, три года назад. Улыбке, которая не может солгать. Так она тогда считала. Но ошиблась. — Вика! Это ты? Фантастика! Выглядишь просто потрясно. Тебя не узнать! — Ну здравствуй, Дим — ей тоже удалось выдавить из себя подобие улыбки. Наверное кому-то в небесной канцелярии она сегодня крепко насолила. Потому, что если бы он ее не узнал, если бы не заговорил с ней, то все было бы намного проще. Уйти, убежать, вот прямо в ту же минуту, а потом внушить себе, что ничего и не было, что обозналась она и жить дальше припеваючи. Но нет же! Она как дурочка продолжала стоять перед ним, не зная, что сказать. Он же, тем временем, будто назло, продолжал ее разглядывать. — Давай я тебя подвезу, — наконец нарушил он молчание, — ты совсем промокла. Забыла зонтик? — Зонтик в сумке, я как раз собиралась его доставать... — черт! Сумка и чертежи до сих пор валялись на мокром асфальте. Вика бросилась их подбирать. В эту минуту запиликал ее мобильник: заждавшаяся в кафе Камилла напоминала о себе. — Меня ждут, спасибо, конечно, за предложение, но мне пора. Рада была тебя видеть! — последние слова дались Вике с трудом. Не дав себе больше времени на созерцания, она развернулась и решительно направилась в переход. — Ну пока... — протянул ей вслед Дима, провожая Вику задумчивым взглядом.

Камилла раздраженно поглядывала на часы. Вика задерживалась уже на двадцать минут, что для такого пунктуального человека было совсем нетипично. Наконец, дверь кафе открылась, и ее потеря, мокрая как мышь, прошла к столику и села напротив. Выглядела Вика неважно: потерянная, дрожащая, с глазами побитой собаки. — Да ты никак привидение увидела, а, подруга? — попыталась пошутить Камилла, хотя у самой на душе стало беспокойно. — Хуже, Мил. Я столкнулась с Черкасовым... — Вика всхлипнула. — Да

ну?? Где ты его откопала? Ну ты даешь! — удивилась Камилла — Говорю же, я с ним столкнулась... У подземного перехода. Шла к тебе в кафе, тут этот дождь дурацкий... Пока зонтик искала, наткнулась на человека. Я глаза поднимаю — а это он! — По-подожди, ты прежде чем рассказывать хлебни кофе, согрейся и успокойся, ладно? А то у тебя зубы так стучат, что я все равно ничего не пойму. — Мила будто вернулась на два года назад, когда она впервые увидела Вику. Тот же затравленный взгляд, тот же срывающийся голос. Её неприятно поразила такая реакция на мимолетную встречу с бывшей любовью. Впрочем, с бывшей ли? Неужели столько усилий было потрачено зря? Однако виду Камилла не подала. — А пока ты пьешь кофе, позволь тебе зачитать список гостей. Значит так: у нас ожидаются родители — четыре штуки, твой брат с девушкой, Женина бабушка, твоя покорная слуга с дражайшей половиной, друзья жениха-три штуки, кузены, кузины, тетушки — общим числом десять... Виктория Александровна, Вы меня слышите? — Вика сидела в прострации, глядя в одну точку и прихлебывая кофе. — Нет, Астахова, скажи мне, свадьба-то у кого? У меня или у тебя все-таки? — Да, извини, просто, на работе сегодня устала, знаешь, там с этим проектом все как с ума посходили, да еще встреча эта... Так что там с гостями?

Черкасов плеснул себе виски в стакан. Весь сегодняшний вечер он не мог сосредоточиться на деле. В конце-концов он просто послал к черту бизнес-план, в который безуспешно вчитывался, и закрыл глаза. Память тут же услужливо подсунула образ Вики. Не той пышки с круглым лицом, длинной русой косой, серыми глазищами и пухлыми красными губами, которую он знал 3 года назад. Нет, эта матрешка осталась в прошлом. Сегодня он увидел совсем другую Вику. И едва ее узнал. Пожалуй, только бездонные серые глазищи да длинные волосы остались в ней от прежней Вики. В остальном эта фантастическая женщина ничем не напоминала угловатую девчонку, влюбленную в него по уши. Пышная грудь, тонкая талия, и соблазнительный зад... С такой не стыдно было появиться перед друзьями. Три года назад Черкасов бы дорого дал, чтобы подобная богиня обратила на него внимание. Забавная штука-жизнь! Когда-то Вика готова была бегать за ним, а теперь и он был не прочь за ней приударить. Интересно, есть ли у нее кто? От этой мысли Черкасову вдруг стало досадно. Он налил себе еще виски. Определенно, она не одна. Не может девушка с такой роскошной фигурой быть одинока... Заснул Дима далеко за полночь в обнимку с полуприговоренной бутылкой «Талмор Дью», ящик которого он когда-то выиграл в том глупом споре.

Вика никак не могла попасть ключом в замочную скважину. На лестничной площадке перегорела лампочка, и было темно, хоть глаз коли. Пришлось рыться в сумке в поисках мобильника, что впотымах тоже было тем еще удовольствием. В который раз пообещав себе, что больше в жизни не купит чего-то большего, чем ридикюль, она-таки умудрилась выудить мобильник и посветить на дверь. Наконец, замок был открыт и Вика очутилась у себя в квартире. Точнее, в их с Женей квартире. Самой Вике пришлось бы долго и упорно зарабатывать на что-то подобное в Питере. Поначалу, она не хотела съезжаться до свадьбы. Не потому, что была поборницей морали, которая «до свадьбы ни-ни». Просто не хотелось чувствовать себя приживалкой, в пока еще чужом доме. Был у нее, почему-то, в голове такой «пунктик»: считать своим только лично заработанное. Но Женька настаивал, Камилла крутила пальцем у виска, и Вика сдалась. Вот уже полгода она жила с Женей в его просторной «двушке». Закрыв дверь и скинув туфли, Вика пошла на кухню и поставила чайник. В мокрой одежде было холодно, и всю дорогу до дома она мечтала о горячем чае и

горячей ванне. Сначала, пожалуй, о ванне. Вика вышла из кухни, и скидывая с себя на ходу мокрые пиджак и брюки, пошла набирать воду, а потом нежилась в душистой пене. Вот теперь она ожила. Можно было подумать и об ужине. Однако так ничего и не успела приготовить. Пока Вика пила чай, домой вернулся Женя. Она услышала, как хлопнула входная дверь, но, почему-то, не было никакого желания сегодня встречать его в прихожей. — А где «поцеловать любимого»? — Женька вошел на кухню и обнял ее за плечи. — Ой, прости, задумалась, и не услышала, как ты пришел... — почему-то соврала Вика, удивляясь себе все больше. И дальше уже совершенно искренне и виновато улыбнулась: — Я совсем ничего не успела приготовить... Пришла час назад мокрая, как курица. Пришлось лезть в ванну... Вот, как раз сидела и думала, что приготовить, а ты уже пришел. — она чмокнула его в нос. — И это все? — взревел он, — Женщина, ты сегодня не приготовила голодному мужчине ужина, не поцеловала его как следует, я накажу тебя за это! — он резко выдернул ее из-за стола, так, что Вика вскрикнула от неожиданности, оказавшись тесно к нему прижатой. Она глядела в темно-зеленые глаза, в которых плясали озорные чертики. — И как же ты меня накажешь? — выдохнула Вика — Я тебя съем-хрипло сказал Женя, и в следующее мгновение крепко ее поцеловал...

За окном плавало ночное небо, похожее на черничный кисель. Проливной дождь уже давно превратился в мелкий и брызгливый. Под его размеренный стук было хорошо засыпать, но Вике, почему-то, не спалось. Рядом сопел Женя, крепко прижимая ее к себе. В его объятьях ей всегда становилось спокойно, а сегодня она чувствовала себя не в своей тарелке. Все этот проклятый Черкасов! Смотрел сегодня на нее своими синими глазюгами, улыбался своей противной улыбкой, бередил душу. Сколько сил она потратила, чтобы его забыть! Встретила лучшего мужчину на Земле, собралась за него замуж, спит рядом с ним, а вспоминает все равно этого урода. Не то, чтобы Вика совсем растаяла, или, Боже упаси, почувствовала, что до сих пор его любит, нет... Но их встреча определенно выбила ее из колеи. Так, наверное, чувствует себя рыба, которую резко выдергивают из воды. Вроде как привет из прошлого, напоминание Вике о том, кем она была еще совсем недавно. Да! Прошлое...

Вика всегда была себе на уме. Друзей особых у нее не было. Это и понятно. Кроме учебы и рисования она ничем не интересовалась с самого детства. Особенно ей нравились геометрия и черчение, поэтому когда она объявила родителям в девятом классе, что хочет быть архитектором, те и не удивились даже. Поступить в ГАСУ ей, золотой медалистке, страстно влюбленной в архитектуру, не составило никакого труда. Только и там талантливой студентке было все равно легче с учебниками, чем с одноклассниками. Остальные ребята справедливо полагали, что учеба-учебой, но молодость бывает только раз в жизни, а потому влюблялись, развлекались, дружили, в общем, решительно не собирались карпеть все свое свободное время над учебниками, как это делала странная заучка с внешностью «кустодиевской барышни» Вика Астахова. За русую косу до пояса, пышные формы и кукольное лицо ее прозвали Матрешкой. Она, однако, не обращала на это никакого внимания. Как не обращала внимания и на парней. До определенного момента.

Это случилось в мае, за месяц до окончания четвертого курса. Вика уже сдала все зачеты и курсовые. И, предвкушая поездку домой на каникулы и практику в родной Тихвин, начала готовиться к экзаменам. Однако, в один далеко не прекрасный день (Вика до сих пор отчетливо его помнила), она решила засесть в университетской библиотеке. Уже на подходе к университету ее подрезала белая «Тойота». Вика, очень испугавшись, отпрыгнула в последний момент. Она уже собиралась высказать, что думает о всяких мажорах, не соблюдающих ПДД, но, взглянув на парня, сидевшего за рулем, только выдохнула: это была помесь Тома Круза с Игорем Петренко, причем и от первого, и от второго она вобрала в себя только лучшее. Красивый синеглазый шатен улыбался ей самой умопомрачительной улыбкой, на которую только мог быть способен мужчина. Вика забыла, как дышать. Она просто стояла и смотрела на ожившую статую Аполлона. А он, тем временем, вышел из машины и подошел к Вике.

— Привет, ты же Вика Астахова? — у Аполлона в числе прочих достоинств оказался еще и прекрасный голос. Баритон, от которого у нее вдоль позвоночника промаршировал взвод мурашек. — Меня зовут Дима Черкасов. Ты прости меня, что напугал. Просто я тебя уже третий день по всему универу ищу. Видишь, какое дело. Я учусь на последнем курсе, диплом, знаешь ли, не за горами, но у меня с чертежами непорядок. А у тебя, я знаю, с этим все хорошо. И я подумал, ну... не могла бы ты мне ммм... помочь немного, небезвозмездно,

конечно... Заплачу, сколько скажешь. Ты согласна?

Вика смотрела на него снизу вверх, так как при своих ста семидесяти сантиметрах роста доставала ему только до груди. Она не слушала, что он ей говорит, а только рассматривала его лицо с каким-то детским восторгом и наслаждалась тем, как звучит его голос. Поэтому очнулась она только тогда, когда Дима, усмехнувшись, повторил свой вопрос. От него не укрылся произведенный на нее эффект и Черкасов самодовольно улыбнулся. Ну еще бы! На него оказывается, даже деревянные куклы реагируют.

— Ну, в общем, да, конечно, я помогу... Да и денег не надо — сказала она это неожиданно для себя, ибо не привыкла трудиться на лентяев безвозмездно, считая, что ее работа должна оплачиваться. И бралась иногда за подобные подработки.

— Правда? Ой, спасибо тебе, касавица. Если бы не ты, пропала бы моя буйна голова! Так значит, мы можем встретиться сегодня вечером? Я объясню тебе, что нужно начертить. Ты будешь свободна сегодня, ну скажем, в 7? — он сказал это таким тоном, будто на свидание приглашал. Вика покраснела. До того ее ни разу никто не называл красавицей.

— Хорошо, я живу...

— Знаю, где ты живешь, мне твои одноклассники рассказали. Так что жди сегодня меня в гости. До вечера — выдохнул он. При этом Дима увидел, как и без того большие глаза распахнулись еще сильнее, а на переносице выступили капельки пота. Он мог бы и не паясничать, но уж очень большое удовольствие ему доставляло смущать эту недотрогу. Подумать только, даже мисс «Не влезай-убьет» не устояла!

Он сел в машину и укатил. А Вика еще некоторое время стояла, тупо уставясь в ту сторону, куда уехала машина. На душе вдруг стало так легко, как бывает только в детстве, когда кажется, что нет ничего невозможного и вот-вот взлетишь в облака. В груди приятно щекотало, и хотелось петь. Наконец, она вспомнила, что договаривалась подойти в библиотеку к десяти утра, так как была последняя пятница мая и там намечался санитарный день. Нужно было поторапливаться, если она не хотела опоздать. А опаздывать Вика не любила.

Весь день прошел как во сне. Такого хорошего настроения она у себя не припоминала уже давно. Пожалуй с тех самых пор, как поступила в ГАСУ. Управилась намного быстрее, чем рассчитывала и уже в четыре она пришла в общежитие. Окинув критичным взглядом комнату, Вика решила прибраться. Все равно делать нечего, а с экзаменами скоро не до того будет. Хорошо еще, что все соседки уже разъехались, кто на практику, а кто домой- к сессии готовиться. Никто не помешает бурной деятельности.

Она едва успела закончить уборку, когда в дверь постучали. На пороге стоял Дима, олицетворяя собой, по мнению Вики, образец моды и стиля. На этот раз она уловила запах дорогого парфюма, исходивший от него, и со смущением отметила, что от нее самой пахнет средством для мытья полов, а вид ее оставляет желать лучшего. Однако, собрала волю в кулак, изобразила на лице вежливую заинтересованность и пропустила гостя в комнату.

— Привет еще раз! Я смотрю, ты уборкой занялась. Не помешал? — расплылся Дима в улыбке.

— Нет, что ты, проходи, садись. — Вика указала рукой на стул рядом с небольшим письменным столом.

Чертежи, которые требовалось сделать, оказались несложными, но их было много. Чтобы управиться с таким объемом потребовалось бы дня четыре, не меньше. Вика нахмурилась, прикидывая в уме, как она все успеет. Но делать было нечего, сама

согласилась.

— Так что, когда можно будет их забрать? — вкрадчиво спросил Дима.

— Думаю, что не раньше среды. Да, позвони мне через четыре-пять дней-неуверенно протянула Вика.

— Ты-чудо! Если справишься, с меня причитается. И не спорь-Дима пресек все попытки протеста. — Не возьмешь деньгами- все равно найду способ расплатиться. Можно записать твой телефон?

Через десять минут, одарив растерянную Вику очередной неотразимой улыбкой, Дима закрыл за собой дверь и направился к машине. Сейчас он заскочит домой, а потом сразу в клуб, где его будут ждать друзья. Ему пришла в голову одна любопытная мысль, и он вознамерился претворить ее в жизнь.

Культурный питерский клуб «Воздух» был в этот вечер полон народу. Протиснувшись к vip-зоне, где его уже ждали друзья, Черкасов опустился на мягкий диван и потянулся за кальяном. Виталик Романов и Игорян Орлов, его закадычные приятели, уже сидели за столиком. Все трое были из одного круга «золотой молодежи», за ними стояли отцы-воротилы бизнеса, у всех были общие интересы: тусовки, девочки, крутые тачки и выпивка. Черкасов выделялся среди друзей своей внешностью, и, пожалуй, самым толстым кошельком. Если бы Вика дружила с кем-то из одноклассниц, то они рассказали бы ей, что ее почтил своим вниманием первый ловелас ГАСУ, у которого девушки менялись раз в неделю, что он сын «цементного короля» Виктора Черкасова и наследник немалой империи «Евроцемент индустри». Однако, папочка не желал видеть сына недорослем, и, в обмен на спонсирование немалых трат Димы, требовал от него получить специальность инженера-строителя, справедливо полагая, что президент такой крупной компании обязан разбираться и в технологических цепочках и особенностях изготавливаемой продукции, едва ли не больше, чем в финансовых отчетах. Но у самого Димы душа ко всему этому не лежала, он едва разбирался в сопромате и черчении, курсовые и лабораторные покупал у более умных, но небогатых студентов, экзамены сдавал с третьего раза, в общем, держали его в университете только потому, что не было формальных поводов отчислить. Вроде учился и вроде что-то знал, так что преподаватели просто рукой махнули, догадываясь, что в случае отчисления ректорату придется связываться с богатеньким папой непутевого мажора.

Похожая ситуация была и у Игоря Орлова, с той лишь разницей, что он «мотал срок» в ГАСУ по специальности архитектора, был на год младше Димы, и, в общем-то, понимал, чему его учат. Так что практически все чертежи делала себе сам, за исключением одной курсовой год назад. Он никак не мог понять, как правильно расположить проекции. Тогда-то Игорян и попросил помощи у местного вундеркинда — Вики Астаховой. Он давно обратил внимание на полненькую одноклассницу с умным и серьезным взглядом. Она ему нравилась. Да только Вика не смотрела ни на смешливого рыжего Игоря, ни на какого-либо другого парня. Видела только свои учебники и чертежи. И он решил подождать. У него были девушки. Много девушек: блондинки, брюнетки, рыжие... Они менялись с такой быстротой, что Игорь даже лиц их не запоминал, а в голове была все равно Вика. Он удивлялся, спрашивая себя, чем же его так зацепила простая девчонка далеко не модельной внешности. И пришел к выводу, что в ней был стержень, содержание. Да просто непохожесть на всех знакомых ему девушек. Его всегда тянуло на нестандарт, и, хотя он стыдился этой симпатии и даже старался ее скрыть, но поделаться с собой ничего не мог. Окружающие парни смеялись над Викторой, называя ее заучкой, Матрешкой, ватрушкой. Игоря это злило и радовало одновременно. Значит, она никому не интересна, и у него, пока, нет соперников.

Конечно, Игорь ее стеснялся. Но собраться с духом времени не было: до часа «х» оставалось три дня. На одной из перемен он подошел к ней, и, протараторя что-то про помощь бедному студенту, попросил сделать чертеж. Вика справилась на удивление быстро. Уже на следующий день он стал счастливым обладателем чертежа. Проекция, над которой Игорь неделю ломал голову, легла у нее на бумагу легко и естественно. Он даже рассмеялся, до чего все просто оказалось. Однако быстро стушевался под удивленным взглядом серых глаз, и общение заглохло без какого-либо продолжения.

Именно поэтому, когда лучший друг Игоряна Димка пожаловался ему, что никак не может начертить графическую часть диплома, и никто уже за это не возьмется, он посоветовал найти Вику Астахову. Сказал, что при всех своих бзиках и странностях, она-архитектор от Бога, и что если уж она не возьмется, то не возьмется никто.

Димка первым делом навел справки. Оказалось, что у этой Вики действительно руки из того места растут и голова варит по части чертежей. Оставалось только ее разыскать. Игорь посоветовал покрутиться у общаги, сказав, что на до сих пор там обитает, а домой уедет только после сессии. Однако задачка все равно оказалась не из простых. Дима уже десять раз успел позавидовать Виталику. Он-то учился на экономиста, где проблем с чертежами не могло возникнуть в принципе. Но сегодня Чекасов был очень доволен. Он-таки нашел Вику, о чем, поздоровавшись, и сообщил друзьям

— Ну что, пацаны, поймал я эту неуловимую мстительницу! Пришлось даже подрезать, так сказать, для пущега эффекта. Но зато она согласилась, даже денег не взяла.

— Что напугал деваху до мокрых штанишек? — гоготнул Виталик

— Да нет, ребят, тут такое дело... Она на меня запала. — сделал Димка круглые глаза.

— Ну, это не удивительно. Телки на тебя гроздьями вешаются! — пожал плечами Виталик.

— Нет, эта не такая — задумчиво протянул Игорян, и, поймав заинтересованный взгляд Димки, поспешно продолжил развязным тоном, — да будет тебе известно, Виталыч, что большей недавалки наш универ не знал аж со дня основания! Да она только от учебников возбуждается!

— Точно, — кивнул Димка, хитро поглядывая на Игоряна, — и вот эту недавалку я ровнехонько на свой выпускной собираюсь уложить в койку. Вроде как, «последнее прости» родному универу.

— Зачем она тебе? Она же круглая, как матрешка, не твой типаж? — Игорь чувствовал, что его уши отчаянно краснеют и радовался тому, что в полутемном павильоне этого не было видно.

— Неет, друг, ты не понимаешь. Дело не в том, что она толстая, серая мышь, или одевается хуже, чем огородное пугало. Дело в том, что она- недавалка, а мне даст. Причем с радостью!

— А я говорю, не обломится тебе! — с каким то злобным ожесточением возразил Игорян.

— Да ты никак запал, а Рыжий? — тоном змея-искусителя осведомился Димка. От негс не укрылось, как Игорян отчаянно хотел отговорить его от этой идеи. И его изрядно забавляла перспектива еще и позлить лучшего друга. Просто так, для спортивного интереса.

— Нет, с чего ты решил? — открестился Игорь.

— Тогда предлагаю пари. Если в до своего выпускного я не уложу ее в постель причем, — тут он посмотрел на Игоря-добровольно, то я покупаю тебе ящик вискаря «Талмор Дью». Если нет- проставляешься ты. Слабо?

— Ну ничего ж себе! — присвистнул Пашка, взъерошив белобрысую челку, — денадцать бутылок, по четыре косаря каждая... сорок штук. Она того стоит?

— Экономист ты, Виталик... — рассмеялся Димка — стоит! Так что, Игорян, принимаешь пари, или струсил? — он протянул другу руку.

— Черт с тобой, принимаю! — Игорь с раздражением пожал протянутую руку.

— Да, и еще одно. Ты, друг, лицо, заинтересованное. Поэтому можешь вставлять мне

палки в колеса. А значит, я не хочу, чтобы ты до конца сессии ошивался рядом с Астаховой, понял? А то я ведь и рассказать Вике могу... про пари. И роль твою во всем этом уж точно скрывать не стану...

— Понял! — прошипел Игорь. На душе у него было препогано.

— Ну вот и ладушки. Витос, разбей. — улыбнулся Черкасов. Сегодня он был очень доволен собой.

Вика закончила Димины чертежи во вторник вечером и теперь ждала звонка, каждые полчаса проверяя мобильник. В этом, разумеется, не было никакой надобности, ведь она бы все равно его не пропустила. Вика могла и сама могла позвонить, но не догадалась тогда спросить Димин номер. Оставалось ждать. Не забудет же он, в самом деле, о собственном дипломе? Все эти дни Вика не переставала себе удивляться. И даже немного сердиться. В конце-концов с чего это она так расплылась от сладких улыбок? Мало того, что безвозмездно подрядилась чертить этому красавчику диплом, так еще и сидит у телефона, как пришитая. Будто влюбленная школьница. Влюбленная... «А что, если...? Да нет, быть не может!». Вика отмахнулась от глупой мысли, как от назойливой мухи. Просто обычная реакция на красивое лицо. Ей всегда было неуютно с парнями. Вот и в этот раз с непривычки растерялась под сладкими улыбками. А вообще, не надо было соглашаться на эту авантюру. Что ей стоило тогда отказать?

Невеселые размышления прервала трель мобильника. Вика подскочила, как ужаленная, и трясущимися руками взяла телефон. Это был Черкасов.

— Здравствуй, Виктория — прозвучал в трубке знакомый баритон, от которого у нее в груди разлилось приятное тепло — Я по поводу чертежей. Прости, что так поздно, ты наверное уже спишь?

— Н-нет- Вика очень надеялась, что предательской дрожи в голосе он не услышал. Да что ж это такое в конце-концов?! — я не сплю. Да. Четежи готовы. Ты можешь забрать их завтра.

— Хорошо, договорились. Во сколько я могу к тебе за ними подъехать?

— Ммм, ну давай к 5 вечера. Сможешь?

— Хорошо. Буду у тебя в 5. Спасибо тебе, красавица. Спокойной ночи — последнюю фразу Дима произнес сладким полупшепотом, отчего у нее перехватило дыхание.

— Спокойной ночи- растерянно прошептала она и услышала в трубке гудки. Еще минут пять Вика растерянно смотрела на телефон, а потом, придя в себя, со злостью швырнула его на стол. Подумать только, ее кадрят как наивную девочку, а она, дура, тает! Все, завтра она отдаст этому синеглазому выскочке его чертежи, и дело с концом. С этими мыслями Вика открыла учебник и попыталась читать, но знакомые буквы упорно не хотели складываться в слова. Поняв, что сегодня уже ничего не выучит, она пошла спать. «Надо будет все-таки спросить с Черкасова за чертежи»-подумала Вика перед тем, как заснуть.

На следующий день она взяла с собой учебник, пару бутербродов, яблоко и отправилась в ближайший парк. Подальше от ненужных мыслей и синеглазых красавчиков. Погода стояла на редкость чудесная. Такая может быть только в конце весны, когда яркое солнце заливает все вокруг светом, и глаза, привыкшие к постоянной питерской серости, радуются свежей зелени и голубому небу. Вика устроилась на скамеечке у пруда, открыла учебник и углубилась в чтение. То ли на свежем воздухе училось быстрее, то ли сказался полноценный (впервые за эти пять дней) сон, но училось удивительно легко. Она успела разобрать пятнадцать вопросов из пятидесяти, когда в сумке заиграл мобильник. Поморщившись, Вика достала его из сумки и охнула. Часы показывали половину пятого, а звонил, естественно, Черкасов. Чертыхнувшись, она ответила.

— Привет, Вика. Я звоню сказать, что через полчаса буду у тебя. Ты в общежитии? —

удивительно, но она была настолько зла на Диму, что его голос в этот раз не возымел своего магического действия. А за что собственно зла? Он ей ничего плохого не сделал. Вот разве не высypалась она почти неделю из-за того, что этот красавчик ничего не смыслит в черчении. Да, это все недосып.

— Уже почти. Подъезжай. — буркнула в трубку она, нисколько не заботясь о том, как это прозвучало. Недосуг ей политесы разводить с синеглазыми мажорами. Нажав «отбой», Вика закинула на плечо сумку и пошла по направлению к общежитию.

Когда она подошла к дверям общаги, знакомая белая «Тойота» уже стояла там. Завидя ее, Черкасов вышел из машины и направился прямо к Вике. Та хмуро глядела на приближающегося Диму, и едва пробубнив «Привет!» зашла внутрь. Черкасов шел за ней, не понимая, что происходит. Неужели он ошибся и совершенно ей не нравится? Но ведь сам же видел... Показалось? Если так, то он попадал в очень глупое положение с этим дурацким пари. Вот смеху-то будет! Неотразимый Черкасов сел в лужу... Они уже подошли к Викиной комнате, когда Дима, наконец, решился нарушить молчание:

— Вика, я тебя чем-то обидел? — спросил он смиренным тоном и попытался заглянуть в глаза, но она упорно отводила их в сторону.

— Абсолютно ничего плохого, просто я не высypалась... пять раз подряд — пробубнила Вика, все так же не глядя ему в лицо. Черкасов стоял слишком близко к ней, и от этого ноги становились ватными, а кровь прилиwała к лицу. Она воспользовалась тем, что нужно было открывать комнату. — Проходи- неопределенно махнула рукой в сторону стола — там лежат твои чертежи.

Дима подошел к столу и стал рассматривать графическую часть своей дипломной работы. Надо признаться, начерчено было виртуозно. Даже у их препода — великого и ужасного Госмана так не получались гайки и шурупы в «разных позах». Черкасов, забыв на миг обо всем, восхищенно рассматривал Викину работу. Наконец, оторвавшись, неожиданно наткнулся на пристальный взгляд серых глаз. В них было любопытство, напряженность и... восхищение? Так значит, ему не показалось? Сейчас проверим.

Он отошел от стола, вплотную приблизившись к Вике, и выдохнул с восторгом:

— Вика, это здорово! Я потрясен. — Черкасов наклонился к ее лицу, отмечая про себя, что то по цвету приблизилось к вишне. Неужели стесняется? В следующую минуту Вика подтвердила его догадку. Она сделала шаг назад и сказала резким хриловатым голосом:

— А ну, брось эти свои штучки! Иди и окучивай моделей, красавчик!

Димка изобразил на лице вселенское раскаяние, хотя внутренне хохотал. У него камень с души свалился. Как все просто, однако, оказалось. Девочка стесняется, а значит, явно к нему равнодушна.

— Ладно, прости, привычка... С тобой не буду, обещаю. Кстати, я услышал про твой недосып, и мне неловко, что заставил тебя столько работать. Обещание расплатиться с тобой в силе. Так что выбирай, что тебе по душе — я все исполню, ты меня спасла и я раб твой... — он молитвенно сложил руки на груди.

Вика задумалась. Чего бы она сейчас хотела больше всего? Пожалуй...

— Своди меня в театр. Я очень давно там не была.

Черкасов ожидал чего угодно, но только не этого! Видимо растерянность была написана у него на лице слишком явно, потому, что Вика прыснула со смеху. Похоже, ее «давно»-ничто, по сравнению с Димкиным. А бывал ли он там вообще?

— Вот, например, в театре Комиссаржевской идет очень хороший спектакль

«Безымянная звезда». Пойдем в субботу? Только, чур, ты платишь!
— А пойдем! — неожиданно развеселился Димка.

В 6 часов вечера в субботу Дима заехал за Викой в общежитие. Ему это было в новинку — идти в театр. За все свои 23 года Черкасов там ни разу не был. Билеты они взяли еще в четверг, и то еле успели — Димке пришлось заплатить почти двойную цену. Он подумал, что «Безымянная звезда» — этакий театральный блокбастер, на который просто так не попасть. Надо признать, что его сильно позабавил такой поворот событий: Черкасов ведет девушку в театр! Да, узнай его друзья об этом, они бы сильно удивились. Но ничего не попишешь: сам обещал сделать все, что Вика попросит.

Он не стал подниматься к ней в комнату и остался в машине. Вика не заставила себя долго ждать. Уже через пять минут она вышла из общежития. И тут Черкасова ожидал сюрприз: оказалось, что Вика тоже может выглядеть хорошо. В черных свободных брюках и темно-синей блузке, застегнутой под горло, с распущенными волосами она совсем не походила на привычную матрешку в мешковатой толстовке и джинсах. Он даже подумал, что полненькие девушки тоже могут быть привлекательными.

— Ты чего так пристально смотришь? Что-то не так? — Вика уже успела сесть рядом с ним и пристегивала ремень безопасности.

— Нет, просто ты сегодня выглядишь замечательно-восхищение в его голосе было абсолютно искренним, но она не поверила:

— Черкасов, мы же договаривались, что все свои томные придыхания и пылкие взгляды ты оставляешь для красоток, а у нас — чисто деловые отношения. — это было сказано так категорично, что Дима едва сдержал улыбку.

— Я сказал чистую правду, и придыхания здесь не при чем. Ты настолько не похожа на обычную себя... — он поперхнулся словами, понимая, что сказал глупость.

— Вот и не забывай, что рядом с тобой ботан Вика Астахова, а не Синди Кроуфорд! — его окатил колючий взгляд.

— Злюка! Ладно, не обижайся. Мир? — Дима протянул руку. Вика строго посмотрела на него, но руку пожала.

— Ладно, что с тобой поделаешь... Мир. А теперь поехали, не то еще опоздаем.

— Как скажете, босс. — Дима шутливо склонил голову и включил зажигание.

В театре этим вечером было полно народу. Диме даже показалось, что не приедь они заблаговременно, мест бы им не досталось. Но вот прозвенел третий звонок, погас свет и поднялся занавес. Первые полчаса Дима с трудом улавливал смысл происходящего, но, постепенно, увлекся и даже испытал сожаление, когда спектакль окончился. Все-таки театр-штука волшебная!

— Ну как, понравилось тебе? — спросила Вика, когда они подошли к машине.

— Да- Дима рассмеялся — ты знаешь, проняло. Вроде и история банальная, и герой-лох, и героиня-вертихвостка, а есть в ней что-то такое... завораживающее.

— То есть ты хочешь сказать, что спектакль о том, как герою — неудачнику не подфартило встретить ветреную девицу? — Вика хитро улыбнулась.

— Да нет, если серьезно, по-моему основная мысль пьесы: не надо мечтать о несбыточном. Ибо как там сказано? «Звезды никогда не сходят со своих орбит».

— А мне кажется, наоборот. Основная мысль здесь о том, что в жизни обязательно

нужно быть немного идеалистом: верить в мечты, в себя, в любовь, наконец... Ведь Мира и Марин были счастливы, пока были вместе.

— А ты, значит, идеалистка и веришь в любовь? — Вика смутилась под его пристальным взглядом. Что она могла ему ответить? Что любовь бывает только в книжках, которые ей читать не интересно, потому что Вику ее с «тараканами» в голове никто так не полюбит? Что в свои 22 года она ни разу не посмотрела в сторону парней, потому, что едва ли они могли заинтересоваться такой серой мышью, как она?

— Скажем так, я не исключаю ее существования. Просто кому-то везет найти свою любовь, кому-то нет. Да, общем, не важно, идеалистка я или нет... К пьесе это отношения не имеет. А знаешь, когда я училась в школе, мы часто выбирались всей семьей в театр на выходных. Мама, папа и мы с младшим братом. Ехали в Питер из Тихвина на машине, чтобы посмотреть спектакль, а по дороге домой обсуждали постановку... Вот как мы с тобой сейчас. — «Ну да, Астахова, зачетная попытка сменить тему разговора, и, главное, как непринужденно получилось!» — раздраженно подумала она, искренне надеясь, что Димка не станет докапываться до ее комплексов. К счастью, Черкасов сосредоточено смотрел на дорогу, погруженный в свои мысли. Повисло неловкое молчание, и, чтобы его нарушить, Вика спросила:

— А тебя, разве, родители в театр не водили? — спросила и тут же пожалела. Лицо Димы стало непроницаемо-холодным. Он неопределенно хмыкнул, и долго молчал. Вика уже было решила, что он не хочет разговаривать, но Димка неожиданно ответил:

— Да, отцу, знаешь ли, не до того было. Он ковал благополучие семьи — голос его стал ядовитым. — Ты, наверное слышала о Викторе Черкасове? Так вот он мой отец.

— Не может быть! Тот самый Черкасов? — удивилась Вика.

— Да, представь себе, тот самый — невесело усмехнулся Димка. — И работа у него-превыше всего.

— А мама? — Вика сидела как на иголках, не зная, что сказать, чтобы отвлечь его от неудобной темы.

— Мама? Мама-замечательный человек. Хочешь, я тебя с ней познакомлю? Прямо сейчас? — Дима резко крутанул руль и развернул машину, ударив по газам. Вика взвизгнула.

— Ккуда мы? — она подумала, что Черкасов был, определенно, не в себе.

— Увидишь! — прошипел Димка

Через двадцать минут белая «Тойота» остановилась у ворот Волковского кладбища. Дима вышел из машины.

— Пойдем, — коротко бросил он растерянной Вике и потащил ее за руку по кладбищенским дорожкам. После нескольких минут блужданий они остановились перед черным мраморным памятником. На нем была изображена удивительно красивая женщина. Она смотрела с портрета загадочным колдовским взглядом, точь-в-точь какой бывал у Димки, когда он пытался очаровывать Вику и улыбалась его улыбкой. Под портретом было выбито: «Черкасова Анна Михайловна. 18.05.1965 — 01.06.2002». Дима оперся на кованую ограду и прошептал: «Здравствуй, мамочка!».

У Вики ком застрял в горле. Она чувствовала жгучий стыд, жалость к Димке и проклинала себя за свой длинный язык.

— Ддимочка, Дима, прости меня пожалуйста! Я не знала... Прости мои дурацкие вопросы — она была готова расплакаться.

— Все в порядке. Я, наверное, тебя напугал- он с трудом выдавливал из себя слова. —

Наоборот, это я тебе «спасибо» сказать должен. Я давно здесь не был. Ты мне напомнила... Знаешь, ты бы ей понравилась... Она была очень светлым человеком. Любила отца без памяти... Всегда ждала его с работы... Она казалась мне вечной, но в какой-то момент ее стали мучить боли в животе. Врачи диагностировали рак кишечника в последней стадии... Мы ничего не успели сделать. Понимаешь? Сделать уже ничего было нельзя! — его голос начал срываться. Она лежала в клинике, ее мучали страшные боли, а отец, он... он практически не навещал маму. Знаешь, как она его ждала? Каждый раз спрашивала, скоро ли он придет. Я тогда тринадцатилетним пацаном был. Школу прогуливал, чтобы с матерью побыть. Она меня ругала...говорила, что я учиться должен, чтобы дело отца продолжить. А я тогда возненавидел и его, и бизнес его проклятый. Мама умерла через пять месяцев... Отец тогда ей такие пышные похороны отгрохал. А что толку? Маму они бы все равно не вернули. И года не прошло, как он привел в дом свою подстилку. Пока мать умирала папочка с ней в постели кувыркался! — Димка сказал это с такой злостью, что Вике стало страшно. Она смотрела на него огромными глазами, в которых стояли слезы. Черкасов отвернулся от памятника и посмотрел на нее.

— Ладно, Вик, пойдем отсюда. Нечего нам ночами по кладбищам шляться. Ты, вон, продрогла.

Всю обратную дорогу они молчали. Вика видела, как Димке тяжело. Уже около общаги, когда он вышел из машины проводить ее до двери, она вдруг, сама не понимая, что делает, порывисто его обняла.

— Дим, не надо так, убиваться, ладно? Я очень перед тобой виновата.

— Ну вот только не надо жалости — пробурчал Димка. — Еще раз повторишь, что ты виновата, и я тебе поверю! — добавил он шутливым тоном. — И тогда тебе придется каждый вечер ходить со мной по театрам, музеям и куда там еще? — Вика улыбнулась. Кажется, он успокоился.

— Я готова гулять с тобой каждый день, лишь бы ты не был таким, как сегодня — воскликнула она, и тут же поняла что сболтнула лишнего. Еще подумает себе... Оставалось только надеяться, что ночью, хоть и белой, ее румянец будет не так заметен.

— Ловлю тебя на слове, красавица! Значит завтра я за тобой заезжаю, часов, скажем, в 12 и мы идем, куда скажешь.

— Договорились! Тогда до завтра. — Улыбнулась Вика и скрылась за дверью.

Димка дождался, пока в ее окошке загорится свет и поехал домой. Сегодня он напьется. Черкасов ругал себя последними словами за то, что потащил Вику на кладбище. За то, что рассказал ей, по сути чужому человеку, о том, что рассказывать не следовало. Теперь она его будет жалеть. А Димка не хотел жалости.

Дима с Викой встречались каждый день по вечерам. Черкасов заходил за ней, и они шли гулять. Вика много рассказывала ему об истории и архитектуре Питера, а Дима слушал и удивлялся. Как мало он, оказывается, знал о родном городе! Казанский собор и Адмиралтейство, Петропавловская крепость и Медный Всадник, Эрмитаж и Александринская колонна, бывшие для него до того просто частью пейзажа, обрели теперь свое лицо. Да и сам Питер, окутанный волшебной дымкой белых ночей, казался ему, порой, сказочным живым существом, которое с любопытством разглядывало их тысячью своих окон. Они гуляли по широким проспектам и узеньким улочкам, любовались на развод мостов и роскошное ночное небо, отражавшееся в Неве. А если вдруг погода подводила и накрапывал ворчливый питерский дождик, Димка затаскивал Вику в какую-нибудь кафешку и они часами болтали, прихлебывая ароматный кофе. Так прошло две недели. Черкасов больше не делал явных попыток обольстить Вику, и она расслабилась. Однако и безо всякого обольщения ее тянуло к Димке с каждым разом все сильнее. Вика уже давно поняла, что он ей нравится, но как могла, старалась бороться с этим, понимая, что такой парень никогда на нее не посмотрит иначе, как на интересного собеседника. Иногда, впрочем, она ловила на себе пристальный Димин взгляд. Когда он думал, что Вика его не видит, то внимательно глядел на нее, будто решая что-то для себя. Но как понять, что было у Черкасова на душе в тот момент, она не знала.

Однако хуже всего было то, что Вика, похоже, безнадежно проигрывала собственным эмоциям. Она стала замечать за собой, что вместо усердной подготовки к экзаменам, то и дело смотрит на часы, ожидая, когда он за ней зайдет. Хорошо еще, что на успешной сдаче это, пока, никак не отражалось. Хотя, надо признать, что от сессии она уже устала. Счастливчик этот Черкасов! Отстрелялся еще в апреле, впереди его ждал только диплом.

Как-то раз, после сдачи очередного экзамена, она получила от Димки смс: «Будь готова сегодня к 10 вечера, у меня для тебя сюрприз». Заинтригованная, Вика попыталась ему перезвонить, но его мобильный был вне зоны доступа. Оставалось только смириться и ждать вечера. «Будь готова! Вот забавный. К чему готова и как готовиться?» — усмехнулась Вика про себя. Однако к назначенному времени она оделась понаряднее, закрутила косу в тугий валик, и даже накрутилась, что случалось с ней крайне редко.

— Что, Астахова, на свидание собралась? Размечталась, дорогая? Ну-ну, помечтай! — Вика придирчиво разглядывала себя в старенькое зеркало, висевшее на стене. Оно было небольшим, и, чтобы увидеть себя полностью, ей пришлось отойти к противоположной стене. В зеркале отражалась полноватая девушка в светло-голубых джинсах и белой кофточке. Оглядев себя со всех сторон, чего за ней никогда не водилось, Вика воззрилась на часы над дверью. Часы показывали без пяти минут десять. Тут она услышала, как внизу просигналил автомобиль. За ней приехали. Вика сбежала по ступенькам и вышла навстречу Димке, который уже поджидал ее у машины. Он молча оглядел ее с головы до ног, но ничего не сказал, и Вике стало досадно. Хотя, чего она ожидала? Громких восторгов? Пусть уж лучше так, зато честно.

Черкасов открыл ей дверь и сел за руль.

— Ну что, готова к сюрпризу? — хитро подмигнул он

— Куда мы едем? — покосилась на него Вика.

— Сейчас ты все узнаешь. Запасись терпением.

— Черкасов, ты меня заинтриговал... Так нельзя поступать с другом. Я даже не знаю к чему готовиться!

— Ну что ж, поехали... друг — он произнес последнее слово с какой-то странной интонацией и снова посмотрел на нее странным долгим взглядом, на этот раз, уже не таясь.

Димка привез ее к причалу, где уже стоял речной пароход.

— Прошу Вас, мадемуазель Астахова, составить мне компанию на ночной экскурсии по Неве!

Вика смотрела на него, не зная, что сказать. Она уже давно хотела увидеть ночной Питер со стороны Невы, но никак не ожидала, что он угадает ее желание.

— Ну же, соглашайтесь. Иначе вы меня очень опечалите — рассмеялся Димка, глядя на ее лицо. — Что, думала, только ты умеешь удивлять меня странными просьбами?

Экскурсия была замечательной. От видов со стороны реки захватывало дух. Гид что-то рассказывал, но Вика не слушала. Она смотрела на ночной город, на воду, в которой отражались огни фонарей, на небо, где полыхал закат и не могла отделаться от мысли, что попала в сказку. А Черкасов смотрел на ее лицо, которое причудливая игра света и теней сделала похожим на лицо сказочной феи, на подрагивающие от ночной свежести плечи и думал, что она все-таки красива. Однако не той броской красотой, что эффектно смотрится на обложке журнала и через какое-то время приедается глазу. Нет, на Вику можно было сейчас смотреть бесконечно, и чем больше он смотрел, тем больше его к ней тянуло. Димке вдруг очень захотелось ее поцеловать, однако он сдержался: кругом люди, и не известно, как бы она на это отреагировала. Не сейчас. Вместо этого он снял с себя куртку и накинул ей на плечи.

— Ты, ведь, совсем замерзла. Надо было тебя предупредить, чтобы куртку взяла. — Вика посмотрела на него непонимающим взглядом. Она не сразу сообразила, чего от нее хотят. Дима улыбнулся ей.

— Как здесь красиво — тихо сказала Вика. — Как в сказке! Спасибо тебе, Дим.

Экскурсия, тем временем, подошла к концу. Они сошли на берег и еще какое-то время стояли, любуясь ночным городом. Потом Дима отвез Вику домой. Он вышел из машины по привычке, чтобы проводить ее до дверей. Вика благодарно ему улыбнулась и потянула за рукав куртки, намереваясь отдать ее законному владельцу. Тут Черкасова будто бес толкнул: он взял ее за руку и привлек ее к себе, крепко обняв. Она удивленно вскинула на него глаза. Димка смотрел на нее жадным взглядом:

— Вика — шепотом позвал он. Не успела она ответить, как Черкасов поцеловал ее. Вика начала было сопротивляться, но он только крепче ее обнял и, пошептав в самые губы «Не надо», продолжил поцелуй, и она перестала.

Вика потеряла счет времени. Ей казалось, что земля ушла из-под ног и она парит в воздухе. Где-то в груди бешено колотилось сердце, а в животе щекотало от восторга. Наконец, Димка слегка отстранился от нее, и Вика порадовалась, что он все еще ее обнимает, иначе она бы точно упала.

— Дима, я... — она хотела было сказать, что любит его, но Черкасов приложил палец к губам.

— Тсс... Скажи лучше — ты будешь моей девушкой? — тихо спросил он

— Да-не задумываясь выдохнула потрясенная Вика.

— Спасибо тебе! — Дима поцеловал ей руку. — И спокойной ночи, моя милая.

— Спокойной ночи, Дим — только тут Вика заметила, что Черкасов разжал объятья. Она на негнущихся ногах подошла к двери.

Очувшись у себя в комнате, Вика упала на кровать. Она долго лежала, глядя в потолок и спрашивая себя, уж не сон ли это? Но Димкина куртка, лежавшая рядом была вполне реальной и даже пахла чем-то терпким, от чего у нее кружилась голова.

Черкасов вернулся к себе за полночь. После того, как он проводил Вику, Димка еще долго катался по городу, пытаясь привести мысли в порядок. Она была неправильная, и это выбивало его из колеи. Другая бы на ее месте уже через пару дней растаяла от страстных Димкиных взглядов. А эта, напротив, начинала злиться, стоило ей только заметить, что он пытался произвести на нее впечатление. И ведь Черкасов явно видел, что еще одно маленькое усилие с его стороны — и она начнет бегать за ним, как собачка. Только вот, никак не мог понять, как это самое усилие приложить. Привычных сладких ему улыбочек она не выносила, с ней приходилось быть самим собой. Самим собой... А кому нужен озлобленный и запутавшийся парень, у которого десять лет назад страшная болезнь в одночасье отняла самое дорогое? Такой парень мог вызвать только жалость, да, максимум, желание подружиться. Жалости Димка не переносил, а дружить... Вот она и дружила, засовывая подальше свои чувства. Дружила, черт подери! А ему от нее нужно было нечто большее, чем дружба. И дело здесь было далеко не в том дурацком пари. Просто впервые после смерти матери Димка встретил человека, который был готов принимать его таким, какой он есть. Безоговорочно и полностью. Он и сам не заметил, как эта странная пухленькая девушка вошла в его мысли и начала волновать воображение похлеще любой модели. Черкасов маялся, сам не понимая от чего, когда ее не видел. А когда они встречались, его перевернутый мир становился на место. С Викой ему было спокойно и неправильно одновременно. Он никак не мог понять, чем же она его так притягивает. Иногда, украдкой глядя на нее, пока Вика не видела, Черкасов пытался решить, что ему теперь делать со всем этим. Похоже, он всерьез увлекся. Димка растерялся.

А началось все с того дурацкого срыва после посещения театра. Вика так заманчиво рассказывала о своей семье, о том, чего у него не было уже давно... Черкасов тогда вдруг разозлился на нее за то, что разбередила, за то что напомнила. Захотелось доказать, что он тоже нормальный, что у него тоже была мама и семья. Кому доказать? Ей? Себе? Он не знал. И долго потом ругал себя за этот порыв. Боялся увидеть в серых глазах жалость. Однако, она и здесь повела себя нестандартно: ни разу, после того не показала, что жалеет его. По-прежнему ругалась, если он пытался флиртовать, по-прежнему держала себя с ним приветливо, но не более. Так прошло две недели. Две недели, за которые он привязался к этому чуду. Она расслабилась, а значит перестала ожидать от Димки подвоха. Поэтому он решил пойти ва-банк и пригласить ее сегодня на романтическое свидание. Однако, ничего ей об этом не сказал, опасаясь, что она откажет. Обставил это все как сюрприз, написал ей сообщение и выключил телефон: знал, что будет звонить.

Когда Вика вышла из общаги, Черкасов в очередной раз поразился, насколько притягательно она может выглядеть. Только вслух ничего не сказал: боялся, что она опять начнет подозревать его в «грязных поползновениях». А потом на пароходе... он и сам не знал, что на него нашло, но Димка вдруг осознал, что самая красивая девушка, которую он когда-либо встречал, стоит сейчас рядом с ним. И что он непременно должен заполучить ее, во что бы то ни стало. А еще хотелось, до черта хотелось ее поцеловать. Прямо там, на глазах у всех, чтобы видели. Однако, не решился. И только на прощание не сдержался. Вел себя как полоумный: набросился на нее, зацеловал, да еще пробормотал что-то несуразное. Какая глупость: «Ты будешь моей девушкой?». Хотя сказать после поцелуя было что-то нужно. Она

ведь в любви ему собиралась признаться. А что он мог ей ответить? Ничего. Вот и заставила его не вовремя проснувшаяся совесть заболтать признание первым попавшимся вопросом. Зачем? Потому, что он, как самая последняя свинья, заключил на нее пари. И признаваться в том, чего не чувствовал, или пока не чувствовал, Черкасов посчитал неправильным. А пари? Пари теперь казалось досадной ошибкой. И Дима решил, что просто купит Игорю злосчастный ящик «Талмор дью», и забудет об этом недоразумении. Да, так он и поступит. Это решение пришло само собой и Черкасов чувствовал, что оно правильное.

Только придя к такой мысли, Димка прекратил наматывать круги по ночному городу и отправился к себе. Он уже лет пять как жил отдельно от Черкасова-старшего: слишком тяжело было видеть в особняке, который отец построил для матери, эту его Снежанну. Да и папочку своего, если честно, тоже. Так что, едва дождавшись совершеннолетия, он съехал в двухкомнатную квартиру, доставуюся в наследство от матери. Она располагалась далековато от центра и была не в лучшем состоянии на момент вселения, но Димка быстро переделал ее под себя. Теперь он был полновластным хозяином довольно просторных апартаментов, а главное — это избавляло его от досадной необходимости видется со своей «семьей». Кроме, разве что, еженедельных ужинов по пятницам. Как же он их не любил! Но делать было нечего — пока и поскольку он жил на деньги отца, ни в чем себе не отказывая, то и порвать с ним окончательно не мог. Но когда-нибудь он обязательно это сделает.

Придя домой, Черкасов первым делом отправился в душ. Холодный: страстные поцелуи с Викой не прошли даром. Ну, по крайней мере, теперь она-его девушка. Вика не оттолкнула и не начала ершиться, а значит на сегодня он добился того, чего хотел. Что будет потом, Димка загадывать не стал. Слишком уж вся эта история была необычной для него.

На следующий день он, по обыкновению, заехал за Викой, и тоном, не терпящим возражений объявил, что они собираются в ресторан. Вот прямо сейчас, и возражения не принимаются. Однако, Вика и не думала возражать. Она глядела на него таким ласковым и любящим взглядом, что Черкасов даже ступешался. Так на него еще никто не смотрел. Он в ответ просто притянул ее к себе и крепко поцеловал.

— Если ты продолжишь в том же духе мы процелуемся с тобой еще часа два, и уже никуда не успеем — рассмеялась Вика. — Но мне нравится!

— Ну тогда собирайся, а я подожду тебя в машине — вздохнул Димка и вышел за дверь.

Оставшись одна, Вика задумалась. Ей было совершенно нечего надеть. Конечно, Черкасов тоже был не при параде, но не в джинсах же туда идти? Поколебавшись между единственными нарядными брюками и платьем, что были у нее в общежитии, она выбрала платье. Простое черное платье — футляр с вырезом — лодочкой и длиной до колена, по ее мнению, больше подходило случаю. Оглядев себя в зеркало в последний раз, Вика спустилась вниз.

В ресторане их встретил администратор и проводил к заранее заказанному столику. Вика с удивлением оглядывалась по сторонам. Такого роскошного ресторана она еще не видела. Ей было даже немного неловко среди всей этой старинной мебели, позолоты и хрусталя. Им принесли меню и Димка углубился в его изучение, а Вика, увидев баснословные цены, просто закрыла его. Да здесь стакан воды стоит больше, чем обед в ином кафе! Чтобы скрыть свое смущение, она отвернулась в сторону и принялась разглядывать хрустальную люстру. Внезапно, Вика почувствовала на себе пристальный взгляд и обернулась: у двери стояла холеная блондинка со сногсшибательной фигурой и внимательно смотрела в их сторону, как будто разглядывая их. Она уже хотела было

спросить Димку, кто эта дама, но та уже прошла к столику в другом конце зала. «Наверное, обозналась» — решила Вика. В следующую минуту она уже забыла о блондинке, потому, что Дима оторвался от меню, и, улыбнувшись спросил, что она будет заказывать.

— То же самое, что и ты — смутилась Вика. — Я не знаю что мне выбрать. Глаза разбегаются — соврала она.

— Хорошо, тогда возьмем седло барашка под мятной корочкой, теплый яблочный пирог и красное вино... — сделал заказ подошедшему официанту Димка.

— А что мы празднуем? — поинтересовалась Вика.

— Как что? У меня появилась девушка — это раз, — начал загибать Димка пальцы, — у тебя появился парень-это два. Наконец, я что, не могу сводить тебя в ресторан просто так?

— Можешь, конечно, просто это как-то неожиданно... Роскошь вся эта... — Вика выразительно обвела глазами зал.

— Расслабься, Вик. Я все равно частенько сюда навещаюсь. У нас в семье это был любимый ресторан, до того как...

— Я поняла — быстро проговорила Вика. Ей вовсе не хотелось видеть на лице Черкасова то же выражение, что было у него на кладбище. — А ягненок — твое любимое блюдо? — перевела она тему разговора.

— Скажем так, здешний шеф-повар готовит его восхитительно. Ты сейчас сама все поймешь...

Вечер прошел замечательно. Вика была просто счастлива. Ей казалось, будто она спит и видит сон. Еще два дня назад она мучила себя необходимостью скрывать свои чувства к Черкасову, потому, что думала, он никогда не обратит на нее внимания. А сейчас могла без стеснения смотреть на Димку влюбленными глазами, видеть в его взгляде теплоту и нежность и не бояться, что это просто притворство.

Они уже прощались, когда Черкасов, погрузнев, сказал ей, что завтра они, скорее всего не увидятся.

— Почему? — расстроилась Вика — Что-то случилось?

— Да нет, малыш, просто Черкасов-старший вернулся из командировки, и я должен присутствовать на семейном ужине. Не хочу ужасно, а что делать? — погладил ее по голове Димка. — Зато я тебе обещаю, что всю субботу и воскресенье буду с тобой, как верный паж и отвезу тебя в понедельник на консультацию в универ. Не обижайся, ладно?

— Не буду. — вздохнула Вика...

С самого утра Черкасов был не в настроении. Сегодня снова придется сидеть за столом с отцом и его женой, изображать внимание к делам компании. С тяжелым сердцем он подъехал к роскошному особняку на Приморском шоссе. Черкасов-старший уже ждал его в кабинете. Это был высокий статный мужчина. Нельзя было сказать, что он красив. Его лицо, скорее, имело ту породистую мужскую некрасивость, на которую так падки женщины. Всем своим видом он демонстрировал силу и властность. Сухо поздоровавшись с ним, Димка подсел к столу и приготовился слушать про надоевшие бизнес-планы, рентабельность и проблемы с запуском новых линий производства. Однако отец внимательно посмотрел на него и неожиданно спросил:

— Как дела, сын?

Димка даже опешил. Излишних сантиментов за родителем не водилось. Тот даже не трудился спрашивать, как у него с учебой. Может, считал, что Дима уже достаточно

взрослый и сам ответственный за себя, а может просто был полностью поглощен делами бизнеса. Что бы там ни было, а интерес к делам сына со стороны Виктора Григорьевича был такой же редкостью, как снег в июле.

— Нормально с утра были, а что? — насторожился Димка.

— Да так, решил поинтересоваться. Впрочем, не бери в голову. Идем к столу. Снежанна уже ждет. — Дима поморщился, как от зубной боли, а Черкасов-старший, видя это, только усмехнулся.

Они прошли в просторную дорого обставленную столовую, где за длинным столом уже сидела ухоженная блондинка. Она была пятнадцатью годами старше самого Димки. Снежанна Владимировна Черкасова. Вторая жена «цементного короля», одна из главных светских львиц Санкт-Петербурга. Так горячо ненавидимая Димой мачеха, относившаяся к нему с холодной неприязнью.

Ужин проходил в принужденном молчании, изредка прерываясь репликами на отвлеченные темы. Дима ковырялся в тарелке, отчаянно желая, чтобы все это поскорее кончилось.

— Дима, я хотела спросить тебя, кто та серая мышка, что сидела с тобой в «Европе»? — неожиданно поинтересовалась Снежанна. Черкасов-младший зло посмотрел на нее и процедил:

— Это не должно Вас касаться.

— Пойми, мальчик мой, ты- персона публичная. Если папарацци застукают тебя с ней, сплетен не оберешься. Самый завидный жених Петербурга и мошь — с притворным участием щебетала мачеха. У Димки в глазах потемнело от бешенства. Он покосился на отца. Тот молчал, с интересом наблюдая за его реакцией.

— Я уже давно не мальчик. А если Вы так заботитесь о том, что напишут папарацци, то можете их порадовать. Эта девушка вовсе не мошь. Ее зовут Виктория Астахова, и она-моя невеста. Так что я попросил бы ее уважать. — он ляпнул это не подумав, просто, чтобы досадить Снежанне и с удовлетворением отметил, как вытянулось ее лицо. Однако он совсем не учел реакции отца.

— Что? Какая-токая невеста? И давно, позволь спросить? — голос Черкасова-старшего не предвещал ничего хорошего.

— Довольно-таки. Я просто еще не успел вас порадовать — куражился Димка

— Сын, не глупи. Женщина рядом с тобой- твой статус. А если это серая мышь, как говорит Снежанна, то она тебе не пара.

— По части статуса ты, папа, действительно специалист. У Виктора Григорьевича Черкасова все самое дорогое: дома, автомобили и проститутки — Димка посмотрел в на Снежанну в упор.

— Ты забываешься, Дима. Не смей мне дерзить — голосом мачехи можно было запросто наморозить льда для виски.

— И что же из мною сказанного Вы отнесли на свой счет, Снежанна Владимировна? — Димка встал из-за стола. — Спасибо, я, пожалуй, сыт. Поеду домой. Спокойной ночи — он посмотрел на побелевшую от злости Снежанну и отца, который, похоже начинал закипать.

— Я тебя еще не отпустил, сын — прорычал Черкасов-старший.

— А меня уже здесь нет. — обернулся Димка возле двери.

— Витя, ты слышал, что он себе позволяет??? — возмущенно зашипела Снежанна, когда дверь за Димкой закрылась.

— Снежана, не будь душой. Ты его зацепила, и он просто решил тебя побесить. Однако с невестой ты права-перебор. Надо будет разузнать о ней побольше. Пойду в кабинет, поработаю. — не обращая больше внимания на шипящую жену, Виктор Григорьевич ушел к себе.

Он был раздражен. Раздражен из-за Димкиных выходок, из-за того, что тот до сих пор не смог принять смерть матери. Да что говорить, Виктор Григорьевич и сам не мог себя простить за то, что тогда фактически ушел с головой в работу, вместо того, чтобы почаще бывать у жены. Он повел себя тогда как жалкий трус. Не было сил смотреть на то, как болезнь превращает любимую женщину в ходячий труп. Он привык все держать под контролем, а состояние здоровья жены контролю не поддавалось. И он сломался, видя, как все его огромные деньги не способны это остановить. Она умерла, а он так и не успел увидеться с ней в последний раз, не сказал, что до сих пор ее любит. А потом в его жизни появилась недалекая, но красивая Снежанна. Он видел ее насквозь. Черкасов-старший понимал, что ни о какой любви здесь речи не идет. Да и сам не испытывал к ней особенно нежных чувств. Это была игра на публику. Говорят, японцы улыбаются даже тогда, когда у них случилась трагедия. И эта улыбка означает: «Я не сломался». Вот и женитьба на Снежане стала для Виктора Григорьевича такой улыбкой. «Не дождетесь, у меня все будет хорошо».

Очнувшись от невеселых воспоминаний, Черкасов-старший вызвал начальника охраны и поручил тому найти всю доступную информацию о Вике Астаховой. На всякий случай.

Димка выскочил из отцовского особняка в бешенстве. Так вот, значит, с чего папочка стал интересоваться, как у него дела! Снежана увидела их с Викой в ресторане и рассказала все Черкасову-старшему. Что, испугались сплетен? Не будет сплетен. Не потому, что он боится раговоров. А потому, что не хочет впутывать в эту грязь Вику. В этот момент слова, сказанные сгоряча, начали казаться ему хорошей идеей. Он просто женится на ней. А что? Она добрая, милая, умная, она всегда его поймет. И пошли все к черту!

На следующее утро Черкасов напрямик поехал к Вике. Сунув под нос ворчавшей что-то о ранних посетителях комендантше студенческий билет, он взлетел по лестнице на третий этаж и постучался в знакомую дверь. Никто не открывал. Димка подождал с минуту и забарабанил сильнее. За дверью послышалась невнятная возня и сонный Викин голос спросил, кто там. Посмотрев на часы, он чертыхнулся. Было только девять утра.

— Вика, открой, это я!

Она распахнула дверь и сонно улыбнулась Черкасову. Вика стояла на пороге, завернувшись в одеяло. Такая теплая, уютная и трогательная, что Димка не утерпел, крепко обнял ее, закружил по комнате и зацеловал.

— Пусти, пусти, Димка, мне же страшно! Да что на тебя нашло? — смеялась она.

— Как это что? Я, между прочим, тебя целые сутки не видел. Соскучился. Представляешь, каково мне было вчера просиживать штаны за столом с моей дражайшей семейкой? Я теперь должен как следует отдохнуть. А знаешь что? Поехали за город на выходные!

— Какой «загород»? У меня во вторник предпоследний экзамен, между прочим. — Вика стояла, уперев руки в бока и глядела на Димку снизу вверх.

— Экзамен? Экзамен-это серьезно — кивнул Черкасов. — В таком случае, займемся подготовкой. Ты учишь, а я тебе мешаю. Но- на природе. Едем к нам на дачу, и готовься там, сколько влезет. А в понедельник с утра я отвезу тебя на консультацию, идет? — он улыбнулся своей самой очаровательной улыбкой.

— А твой отец? Его там не будет? — Димка покривился.

— Нет, конечно, он там никогда не появляется. Так что собирайся и выдвигаемся. Только побыстрее- я жду.

Димка спустился в машину, чтобы не мешать Вике одеваться. А она остановилась посреди комнаты в растерянности. Последние недели они только и делали, что постоянно куда-то ходили или ездили. И Вике это нравилось. Прогулки по городу, театр, ресторан, кафе, ночная экскурсия, наконец... Только каждый раз все заканчивалось вечером, рядом с дверями общежития. А сейчас она проведет с ним наедине целых два дня. И ночи. При мысли об этом, Вике стало неловко. Но делать было нечего: позволила себя убалтать и Черкасов уже ждал в машине. Ну не убьет же он ее в конце-концов! Вздохнув, она принялась за сборы...

Димкина дача находилась недалеко от Питера в небольшом поселке с ярким названием «Солнечное». Поселок стоял на берегу озера, окруженный сосновым бором. Они подъехали к небольшому аккуратному домику, приютившемуся на самом берегу. Вика вылезла из машины, и, пока Димка выгружал еду, купленную по дороге, восторженно оглядывалась вокруг.

— Димка, какая здесь красота! А этот домик- и есть ваша дача?

— Ну да. — пропыхтел Черкасов из-под груды пакетов. — А ты что же, ожидала дворец? Дворец промышленников Черкасовых! А что? Звучит.

— Нет, просто я думала, это будет что-то вроде двухэтажного коттеджа. А увидела домик с терасой. — Вика с интересом разглядывала Димкину дачу. Это и в самом деле была бревенчатая избушка с мансардой и открытой верандой. Ни высокого сплошного забора, ни новомодного садового дизайна. Зато, около самого крыльца шумели вековые сосны.

— Уж не думаешь ли ты, что у богатых людей, что ни дом-то особняк? — рассмеялся Димка. И, увидев растерянность на ее лице, добавил, — Черкасов-страший купил этот участок специально для нас с мамой. Тут тебе и озеро, и воздух чистый. Короче все, что нужно для счастливого детства. Правда, часто бывать нам здесь не пришлось. Большую часть времени дом пустует. Но территория поселка охраняется, и за домами приглядывают, так что наша избушка еще не скоро придет в запустение.

Димка отпер дверь и они казались в просторном помещении.

— Смотри. Здесь- кухня. Отсюда идет лестница на мансарду. Наверху две спальни и санузел. Дверь в противоположной стене ведет в подвал. Там есть душ и бойлер. Надеюсь, ты захватила полотенца? — подмигнул Черкасов и Вика, почему-то, смутилась. Димка это заметил:

— Не переживай. Я не буду покушаться на твою девичью честь, хоть и очень хочется. Так что коварных планов по твоему изнасилованию в моей голове не зреет. — серьезно заявил он.

— Да я и не... подозреваю, в общем — проямлила Вика. — Ладно, я наверх пойду- вещи разбирать.

— Давай, а я пока здесь с продуктами разгребусь — кивнул Димка.

Остаток дня они провели на воздухе. Димка вознамерился пожарить шашлыки, и теперь колдовал над мангалом в беседке за домом. А Вика сидела в кресле-качалке и читала учебник. Оторвалась она только тогда, когда в воздухе разлился аппетитный аромат жареного мяса и над ее головой прозвучало:

— Прошу к столу! — Димка церемонно поклонился и пронес в дом полное блюдо шашлыка. Вика не заставила себя упрашивать дважды. Они оба сильно проголодались, так что в какие-то полчаса ужин был окончен.

На тихий поселок опускались жидкие летние сумерки. В воздухе разлилась та тягучая тишина, которая бывает только на утренней зорьке и перед закатом. Вика стояла на берегу озера и глядела как оранжевый шар солнца лениво спускается к горизонту. Идти домой ей не хотелось. Уж больно красивый выдался вечер. Однако постепенно усталость взяла свое, и Вика направилась к домику. Сейчас она помоеется, добредет до кровати и упадет спать. Хорошо бы, Димка ей душ освободил. А то и на ходу заснуть недолго.

Душ оказался свободен. Вика наскоро помылась, переделалась в пижаму, и, уже в полусне, поднялась к себе в комнату. Она добрела до кровати, откинула одеяло, и неожиданно для себя, оказалась в крепких объятьях.

Она вмиг проснулась. Над ней нависал довольный Черкасов.

— Решила составить мне компанию? — хитро блеснул синими глазами Димка. — Я рад.

— Дима, извини, пожалуйста, я ошиб... — договорить ей не дали. Черкасов сгреб ее в охапку и принялся целовать. Но это не было похоже на привычные Вике Димкины

нежные поцелуи. Он будто с цепи сорвался. Черкасов целовал ее настойчиво, жадно, не давая отстраниться. Так, что у Вики заболели губы. Она хотела было оттолкнуть его от себя, но тело перестало слушаться. Более того, Вика с изумлением обнаружила, что сама тоже его целует. Поцелуи уже грозили перерасти во что-то большее, когда Димка неожиданно отодвинулся.

— Иди к себе — глухим голосом сказал он, избегая смотреть ей в лицо. — Ты ошиблась дверью, а я не сдержался. Пунцовая от стыда, Вика смогла только кивнуть. Она опрометью выбежала из комнаты, и только захлопнув дверь своей спальни, смогла отдышаться. Ей было очень неловко за то, что она сама полезла к Димке в кровать, но, в то же время Вика осознавала, что ей этот поцелуй очень понравился.

На следующий день они упорно избегали друг друга. Черкасов ругал себя за несдержанность. Как же: сам пообещал, что не тронет, и потом набросился, словно дикарь. Теперь она его боится. А Вике просто было стыдно смотреть ему в глаза. Она так и просидела у себя в комнате до вечера, пытаясь выучить хоть что-то, но мысли упорно возвращались к вчерашнему.

Вечером Вика все-таки спустилась вниз. Димка сидел на терасе, глядя на озеро.

— Дим... Ты извини меня, пожалуйста. Мне стыдно стало... Ты не подумай, я не недотрога какая-нибудь, я просто испугалась... Это было настолько необычно... — Димка неожиданно рассмеялся.

— Понимаешь, Вик, это ведь я у тебя прощения просить должен. Я, ведь, тебе обещал, что не трону. Сам тебя сюда позвал. А повел себя... Хорошо, в общем.

— Вот и ладно. Пошли собираться. Нам завтра рано вставать.

В понедельник утром белая «Тойота» припарковалась рядом с главным корпусом ГАСУ. Викины одноклассники, собравшиеся у дверей в ожидании консультации, с удивлением увидели как из нее вышли первый сердеед университета Дима Черкасов и первая заучка Вика Астахова. Удивление перерасло в изумление, когда эта странная парочка поцеловалась на глазах у всех, после чего Черкасов сел в машину и уехал, а смущенная Вика направилась в их сторону. Девчонки приглушенно шушукались, с неприязнью глядя на нее. Парни только переглядывались, недоумевая, что у такого мачо, как Черкасов может быть общего с Матрешкой. И лишь Игорян Орлов точно знал причину. Со дня заключения зловещего пари он не раз видел их вместе, гуляющими по городу. И ему это очень не нравилось. Не потому, что проиграть ящик дорогого виски было для него накладно. Он просто очень хорошо знал Черкасова. Такой, как Димка по определению не способен испытывать серьезные чувства к кому бы то ни было. И то, что они с Викторией сейчас вместе, объясняется только дурацким спором. Уже много раз Игорян порывался открыть Вике глаза на то, что ее просто разводят. Но каждый раз вспоминал о собственной неблагоприятной роли в этой истории и не мог собраться с духом. Однако сейчас он не выдержал, и, наплевав на то, как это будет выглядеть со стороны, улучил момент и подошел к Вике после консультации.

— Ты меня поразила, Астахова — процедил Игорь, с презрением глядя на нее. Вика вскинула на него недоумевающие глаза:

— Чем это я могла тебя поразить?

— Разве ты не понимаешь, что Черкасов, никогда бы просто так не посмотрел на такую, как ты? Я считал тебя умной девушкой, но ты, оказывается, просто наивная дура. Неужели ты действительно веришь в его чувства?

— А с чего это ты озаботился моей личной жизнью? — Вика никак не могла взять в толк, что от нее нужно Игоряну.

— Просто не хочу смотреть, как лучший друг тратит время на такую, как ты. Ну ладно, счастливо оставаться, Астахова. Но не говори потом, что тебя не предупреждали. — Чувствуя себя последней свиньей, Игорь вышел из аудитории.

— Виктор Григорьевич, можно? — заглянул в кабинет начальник охраны. Черкасов-страший отвлекся от созерцания видов за окном и обернулся:

— Входи, Егоров. Что тебе?

— Три дня назад вы попросили собрать информацию о некоей Виктории Астаховой.

— Таак, и что тебе удалось найти? — заинтересовался Виктор Григорьевич.

— Да, в общем ничего особенного... Виктория Астахова. Двадцать два года. Родилась четвертого апреля тысяча девятьсот девяностого года в городе Тихвин. Окончила общеобразовательную школу №4 с золотой медалью. В настоящий момент — студентка 4 курса ГАСУ. Обучается по специальности архитектура. Отец: Александр Иванович Астахов-инженер Тихвинского вагоностроительного завода. Мать — Надежда Николаевна Астахова — учитель черчения в средней общеобразовательной школе №4. Есть младший брат Никита. Он учится в 11 классе. Домашний адрес...

— Довольно, адреса не нужно- прервал его Черкасов-старший. — Скажи лучше, есть у тебя ее фотографии?

— С фотографиями проблема- замялся Егоров. — Никак не можем их вместе с Дмитрием Викторовичем поймать. С самой субботы наш человек их пасет, но, пока, безуспешно.

— Да нет, я имел в виду чисто ее фото. — Виктор Григорьевич нетерпеливо махнул рукой.

— Ах это! Есть конечно. Вот — Егоров протянул шефу фотографию. Черкасов-страший в задумчивости разглядывал полноватую девушку в сером свитере с толстой косой, перекинутой через плечо. «Снежана была права — типичная серая мышь. Вот разве, приодеть ее, да накрасить — тогда будет толк. Только уж очень это на моего балбеса непохоже — выбирать себе таких барышень. Что-то он темнит...»- подумал Виктор Григорьевич, а вслух сказал:

— Спасибо, Егоров, ты можешь быть свободен. Я узнал все, что хотел.

Оставшись один, Черкасов-старший налил себе коньяка, и, усмехнувшись произнес вслух:

— Жениться, сынок, надумал... Погоди... Заработай сначала на свадьбу-то, а потом уже и разговаривать будем. Что там у нас с Ковдором?

Весь понедельник Димка не знал, куда себя деть от безделья. Встретиться с Викой сегодня он уже не мог — та основательно засела за учебу накануне экзамена. Черкасов поражался тому, сколько времени и сил она вкладывала в подготовку. Димка чувствовал, что ему не хватает Вики. Неужели влюбился? Мысль была настолько нелепой, что он даже усмехнулся. Однако, как иначе можно объяснить, что Димка вел себя с Викой как полный лох? Стоило только Черкасову вспомнить, как они целовались на даче, и ему становилось жарко. Почему Димка тогда остановился? Черкасов же явно видел, что не остранись он в тот момент, и пари уже было бы выиграно. Но Вика была напугана, и это его остановило. Да и пари не имело теперь никакого значения. Он увез ее на дачу не для того, чтобы соблазнить, а просто подальше от излишне любопытных глаз мачехи и слезки отца. То, что Черкасов-

страший уже поручил своим ищейкам разноухать все о Вике, Димка не сомневался.

Его размышления прервал звонок в дверь. На пороге стоял Игорь. Он сухо поздоровался и прошел в квартиру. Черкасов даже обрадовался, что тот пришел именно сейчас. Теперь Димка скажет, что все отменяется и...

— Скажи, Димка, может мне уже и проставиться в честь проигранного пари? — язвительно осведомился Орлов.

— Почему? Еще пока ничего не случилось, да и знаешь, Игорян, я тут подумал...

— Послушай меня, Черкасов. Я не знаю, что ты там себе подумал, и что наговорил Астаховой, что она смотрит на тебя такими щенячьими глазами, но я прошу тебя по-человечески. Не будь подлецом-отмени пари. Зачем она тебе? Поиграешься и бросишь? Ты и так не обделен вниманием девчонок. Оставь ты ее в покое...

Слова, которые Чекасов собирался произнести, растаяли в чаду глухого бешенства. Что этот Орлов вообще о нем знает? Лучший друг называется! Спровоцировал его на пари, а теперь пытается остаться чистеньким?

— Да что ты? Откуда вдруг приступы доброты, а, Игорян? Не ты ли поспорил на нее, а теперь праведника из себя строишь? Она же всегда была для тебя Матрешкой? А может, она тебе нравится? Так вот послушай меня сюда, Игорек: Вика-моя. То, что мы с ней еще не преспали, ровным счетом ничего не значит. Что, Орлов, ревность заела? Она тебе нравится... Не открещивайся-нравится. А любит она другого. Только знаешь, что? Тебе стремно было даже появиться рядом с ней. Ты бы никогда не позволил себе показать, что Вика тебе небезразлична. Так что — не обессудь...

— Катись к черту, долбаный идиот! — выверился Игорь. В глубине души он отчетливо понимал, что Черкасов прав, и не ему указывать Димке на аморальность их спора.

— Я — то, может, и пойду. Да только ничего не изменится — с плохо скрываемым бешенством прорычал Черкасов. — Пари остается в силе. Так что, готовь бухло.

— Ты... — Игорян пробормотал сквозь зубы ругательство. Но поделаться он ничего не мог.

— Я, друг, я. И сроки тоже не изменились — до выпускного. Больше я тебя не задерживаю — Черкасов показал на выход. Игорян в раздражении выскочил из Димкиной квартиры, громко хлопнув дверью на прощание. А Димка так и остался стоять посреди прихожей. Он уже начал остывать, и до него постепенно стала доходить суть произошедшего. Вместо того, чтобы отменить пари, Димка, как дурак, полез в бутылку и этим создал себе еще одну проблему. Как теперь быть со всем этим? Он ведь только что подтвердил, что переспит с любимой девушкой на спор. Черкасов проклинал свою горячность. Однако, справиться с собой не смог бы. Стоило только вспомнить, что этот придурок Игорян пускал слюни по его девушке, да еще смел с него что-то требовать... После долгих размышлений, Димка решил, что все равно они с Викой когда-нибудь переспят, раньше или позже это случится не важно. Все равно он считал ее своей невестой. Димка сделает так, что Вика никогда не узнает о злосчастном споре. Он всего лишь скажет Игоряну, когда все случится, что тот проиграл. А потом женится на Вике. И они будут счастливы. Назло любимому папаше и дорогому другу... Эта простая мысль успокоила Черкасова.

На следующий день Черкасов заехал за Викой в университет. Прождав минут сорок, он, наконец увидел, как она вышла. Димка вышел из машины и встал у пассажирской двери, глядя на приближающуюся к нему Вику. Ее лицо было хмурым. «Неужели плохо сдала?» —

пронеслось в голове у Черкасова. Вика, подошла к нему, неловко поцеловала в щеку и села в машину.

— Ты что, малыш? — обеспокоенно спросил Чекасов, пока она возилась с ремнем безопасности. — Трояк получила?

— Нет, Дим. У меня «Отлично».- пробурчала она.

— Так в чем же дело? Послушай, я так не играю. Либо ты признаешься, либо я не тронусь с места. — хитро прищурился Димка. Вика смотрела на него, и никак не могла решиться рассказать о странном разговоре с Орловым. Он мог обидеться на друга за такое амикашенство, а вставать между ними ей вовсе не хотелось.

— Ну... я жду

— Понимаешь, Дим. Ты только не сердись... Вчера после консультации ко мне подошел Игорь Орлов — при этих словах Черкасов так сжал руль, что костяшки пальцев побелели. «Что он ей там наговорил? Ну все, придурок, ты-не жилец» — Так вот, он сказал, что мы с тобой — не пара и что я не подходящая для тебя девушка...

— Кто сказал? Игорян сказал? А что бы он понимал про нас с тобой. Викусь, ну ты чего, в самом деле поверила ему? А может он просто завидует мне? Откуда ты знаешь... — Черкасов очень старался, чтобы его голос звучал ровно, и у него это почти получалось.

— Дим, ты только не закипай... Я же не жалуясь, просто...

Черкасов с облегчением рассмеялся. Он, было, испугался, что Игорян расскажет правду о пари, но у того, слава Богу, хватило ума смолчать. Иначе не видать бы Черкасову Вики, как собственных ушей. А ведь он ее любит, кажется.

— Послушай меня, Вика. Я могу попросить у тебя одну вещь?

— Да, конечно

— Малыш, обещай мне, что кто бы что ни говорил обо мне, о тебе, о нас с тобой. Не верь. Единственная правда... — тут он запнулся, беспомощно глядя в серьезные серые глаза. Черт, как тяжело признаваться. У него такого еще не разу не было- единственная правда — это то, что я тебя люблю. Я был бы счастлив, если б ты стала моей невестой... — Черкасов смолк, со страхом глядя на нее. Ему вдруг показалось, что от ее ответа будет зависеть вся его дальнейшая жизнь.

Лицо Вики преобразилось на глазах. Зажглось в ее взгляде что-то такое, что озарило его черты, будто где-то там, в душе, загорелась лампочка. Она и мечтать не смела, что Черкасов такое когда-нибудь скажет. Нет, Вика была реалисткой и понимала, что быть его девушкой — уже хорошо для такой серой мыши.

— Димочка, Дима. Я...я тебе обещаю. Я не буду слушать других...

— Это все, что ты мне можешь пообещать? — состроил грустную мину Черкасов. — А я ведь тебе еще предложил стать моей невестой...

— Да, да, да! Я буду твоей невестой. Я тебя тоже люблю! Господи, как же я тебя люблю! — Вика порывисто обняла Димку. Он сидел, смущенный, и не знал, что сказать. Как, оказывается, просто быть счастливым.

Всю оставшуюся неделю Вика будто на крыльях летала. Все, за что она бралась, выходило у нее очень легко. Они продолжали видеться с Димкой каждый день, и она уже и не представляла, как провести без него хотя бы день. В понедельник Димка должен был защищать диплом, а во вторник Вике предстояло сдать последний экзамен летней сессии. И только мысли о такой долгой разлуке в целых два дня омрачали ее радость. В пятницу утром Вика решила сходить в библиотеку, чтобы разобрать пару особенно заковыристых вопросов.

Время пронеслось быстро, и уже к обеду она освободилась. На выходе из университета ее окликнул красивый мужской голос. Вика обернулась и увидела черную ауди, припаркованную недалеко от крыльца. Около машины стоял мужчина лет пятидесяти в дорогом бежевом костюме, который сидел на нем как влитой. Во всем его облике читалась властность. Этот человек кого-то неуловимо напоминал Вике, вот только кого?

— Виктория, здравствуйте. Я папа Димы Черкасова — Виктор Григорьевич. — представился он. Все сразу встало на свои места. Он напомнил Вике Димку. Однако не лицом — она даже удивилась, насколько отец и сын были непохожи. И не манерой держаться. Димка смотрелся на его фоне просто котенком перед тиром. Что-то в фигуре, походке, привычкой опираться на капот машины...

Черкасов-старший, тем временем, продолжал:

— Я слышал, Дима считает Вас своей невестой. — Вика только слегка кивнула, хмуро глядя на ненавистного Димке отца. — Вика, Вы же умная девушка. Вы прекрасно понимаете, что мой сын-просто избалованный балбес, у которого в голове нет ничего, кроме ветра. Сегодня обещает, а завтра и забудет совсем. Вы ему сегодня доверились, а завтра он Вас предаст, и придется себя по кускам собирать. Оно Вам надо? Вы достойны лучшего.

«Кто бы что ни говорил обо мне, о тебе, о нас...» — всплыло у нее в голове. Вика неприязненно смотрела на человека, когда-то бросившего умирать собственную жену ради безмозглой красотки, и чувствовала раздражение. Да кто бы вообще говорил о предательстве?

— Спасибо за предупреждение, я Вас услышала. Но мне пора — ответила она и попыталась обойти навязчивого собеседника. Однако Черкасов-старший удержал ее за руку и с нажимом проговорил:

— Я бы настоятельно рекомендовал Вам не обольщаться по поводу Димы. Я знаю его, как облупленного... Подумайте хорошенько о том, что я сказал. Всего хорошего. — Он слегка кивнул Вике и сел в машину. А она еще какое-то время стояла и потирала руку в том месте, где он ее держал. Хватка у Диминого отца была железной. Однако, Вика вовсе не собиралась слушаться этого человека. Да и рассказывать Димке тоже не хотелось... В конце-концов она просто выкинула неприятную встречу из головы...

Выходные пролетели быстро. Весь понедельник Вика сидела как на иголках, ожидая звонка от Димы. Наконец, около шести вечера он позвонил и счастливым голосом сообщил, что он успешно защитился, и комиссия особенно отметила чертежи. Вика ликовала! Теперь и собственный экзамен уже не казался таким серьезным.

На следующий день она пришла в универ к четверем. Экзамен был назначен на пять часов вечера, что вызвало всеобщее недовольство студентов ее группы. Однако преподаватель был непреклонен, и Вика освободилась только к восьми вечера. Она вышла из университета и направилась к общаге, уже оттуда намереваясь встретиться с Димкой. Но, включив телефон, обнаружила пять пропущенных от Черкасова. Она позвонила, и сказала, что только что освободилась. Димка чертыхнулся и, велев ей стоять на месте, поехал за ней. Он-то искренне думал, что Вика уже в общежитии и ждал ее там. Она послушно остановилась рядом с соседней автобусной остановкой и стала высматривать белую «Тойоту» в потоке машин.

Внезапно поднялся сильный ветер, и туча, уже пару часов наползавшая на город, разразилась, по истине, тропическим ливнем. Вмиг промокшая Вика с сожалением вспомнила, что оставила зонт у себя в комнате. Да и не помог бы он, откровенно говоря.

Хорошо еще, что ждать пришлось недолго. Минут через пятнадцать Димка остановил машину под ближайшим знаком и подбежал к мокрой Вике.

— Ай-ай-ай, Вик, где твой зонтик? — Димка увидел, что она совершенно продрогла. Недолго думая, он стянул с себя кофту и накрыл ей Викину голову. — Пошли в машину, а то ты мокрая до нитки.

Димка подъехал к своему дому и объявил удивленной Вике, что они приехали.

— Где это мы? — спросила она

— Мы сейчас поднимемся ко мне. Ты должна согреться и осушить одежду, иначе заболеешь.

— Дим, да я в порядке... — попыталась было протестовать она.

— Возражения не принимаются! Марш в подъезд — подмигнул Димка. Ей ничего не оставалось, как послушаться.

Квартира Черкасова располагалась на пятом этаже довольно старой десятиэтажки. Вика с интересом оглядывала «двушку». Такой планировки ей еще не приходилось встречать: из просторной прихожей небольшой коридорчик поворачивал вправо и упирался в спальню, рядом с которой располагалась ванная комната. Дверь слева вела из прихожей в зал, а прямо напротив входа находилась кухня.

— Проходи, располагайся. — махнул Димка рукой в сторону спальни. — в комнате в шкафу висит мой махровый халат. Он тебе здорово велик, но зато теплый. Сейчас ты снимешь мокрую одежду, засунешь ее в сушилку и примешь горячую ванну. А я пока на кухне чай нагреею.

Вика кивнула и отправилась на поиски халата. Закрыв дверь в спальню, она принялась стаскивать с себя мокрые джинсы и рубашку. Оставшись в одном белье, открыла шкаф и, практически сразу, нашла искомое. Димка в это время копошился в ванной: она слышала, как включилась вода. Вика подождала, пока он уйдет на кухню, и прокралась в ванну. Горячая вода быстро согрела продрогшее тело и уже через полчаса она почувствовала себя человеком. Выбравшись, Вика запахнула халат, обсушила волосы полотенцем, засунула одежду в сушилку и отправилась на кухню за обещанным чаем.

Черкасов сидел за столом перед стаканом, заполненным до половины какой-то янтарной жидкостью. Поймав Викин вопросительный взгляд, он пояснил:

— Это коньяк. И ты должна выпить все, что сюда налито. Так вернее будет — отрезал он, видя как Вика протестующе замахала руками. Она вздохнула и покорно стала глотать обжигающе-сладкую жидкость.

Коньяк защищал горло и обдал жаром желудок. Вика закашлялась. Димка, усмехаясь, наблюдал за тем, как она морщится при каждом глотке. Крепкое спиртное подействовало на Вику очень быстро. Практически сразу по телу разлилось приятное тепло и расслабленность. Димка поставил перед ней чашку чая с лимоном и печенье, объявив, что не мешало бы закусить. Потом они болтали о всякой ерунде. Вика вдруг поймала себя на том, что смотрит на Димкины губы. Ей захотелось чтобы он ее целовал так же страстно, как неделю назад. Алкоголь, видно, придал ей смелости, потому что она неожиданно прошептала Димке:

— Поцелуй меня, пожалуйста... — Черкасов не заставил себя упрашивать дважды. Он осторожно поцеловал Вику, однако она замотала головой:

— Не так. Я хочу, как тогда, на даче... — у Черкасова даже в глазах потемнело

— Вика, ты правда... — выдохнул он

— Да, я хочу этого — прошептала Вика и крепко обняла его за шею...

Черкасова разбудило солнце, пробивавшееся сквозь неплотно задернутые шторы. Он посмотрел на мобильник. Было восемь утра. Рядом тихо посапывала Вика. Он зарылся в ее пушистые волосы и еще какое-то время лежал, вдыхая аромат мужского шампуня. Кто бы мог подумать, что мужской шампунь сможет свести его с ума? Димка был счастлив. У него еще никогда не было такой ночи. Странно, ведь до него у Вики не было никого, и ничего она не умела, но его все равно пробрало. Все-таки, она особенная. Не такой уж дурак Орлов, что на нее запал... При мысли об Игоряне, у Черкасова перехватило дыхание от злости. Ну что дружок, пришел час расплаты? Черкасов тихонько встал, прихватив с собой мобильник, и пошел на балкон. Прикрыв балконную дверь, он набрал номер Игоряна. Тот долго не брал трубку. Видимо, спал. Наконец, на том конце послышался его сонный голос:

— Чего тебе понадобилось такую рань, Черкасов?

— Если ты не поленишься вылезти из постели и притащить сюда свою задницу, то сможешь увидеть Вику, выходящую из моей квартиры. — ехидно усмехнулся он...

Вика проснулась немного раньше Димки. Все тело нещадно саднило, живот болел, но ей понравилось. Димка был таким нежным... Она вспоминала синие глаза с поволокой и по телу разливался приятный жар. Однако, она до сих пор стеснялась. Поэтому когда услышала, что Димка просыпается, не нашла ничего лучшего, как притвориться спящей.

Но стоило ему только выйти из спальни, она выскользнула из-под одеяла и стала натягивать на себя белье. После этого тихо прокралась в ванну и вынула свою одежду из сушилки. Только после того, как Вика привела себя в порядок и оделась, она отважилась пойти на кухню. Там было пусто. Голос Черкасова раздавался с балкона. Вика хотела было подойти и обнять его. Но потом раздумала. Он разговаривал с кем-то по телефону. Вот сейчас она дождетя, пока Димка закончит. Обнимет его, поцелует и расскажет, как ей с ним хорошо, как она счастлива. Вика стояла в дверях кухни и ждала. От нечего делать, она стала вслушиваться в разговор.

— Да, ты все правильно понял. Ты проспорил. И с тебя ящик «Талмор Дью». Ну если поторопишься, то даже успеешь ее увидеть... Да, ты все правильно понял. Сегодня я переспал с Астаховой. А ты говорил-не даст... Да нет таких девчонок, которые бы мне не дали... Я же тебе говорил... Сама попросила... Да... всю ночь подо мной извивалась и стонала, как самая настоящая проститутка... А наша Матрешка — то горячая штучка... Кто бы мог подумать... Даже жалко, что тебе не обломится...

Если бы на Вику упал потолок, ей бы, наверное, не было так больно... В какой-то момент она подумала, что ей снится кошмарный сон, и она даже себя ущипнула. Но нет... Все происходило наяву. И это все о ней... Мартешка. Проститутка. Дала... Она доверяла Димке а он вот так просто взял и поспорил на живого человека, не посчитавшись с ее чувствами. А как же любовь?

«Не говори, что тебя не предупреждали... наивная дура... мой сын балбес... по кускам собирать себя придется...» — стучало у нее в голове. Идиотка! Какая же она идиотка! Стало трудно дышать, ноги приросли к месту. Димка на балконе заканчивал разговор, а она так и стояла столбом рядом с кухней. Жгучий стыд облил ее с головы до ног. Чтобы не закричать от боли, Вика прикусила кулак. Она вдруг осознала, что скорее умрет, чем позволит Черкасову узнать, что обо всем слышала. С трудом переставляя ноги, она добрела до ванной и умыла лицо. Потом так же медленно зашла в спальню и забрала сумочку. Вот бы уйти незаметно!

Но ее желанию не суждено было сбыться. Вика развернулась к двери и встретила глазами с Черкасовым. Тот был явно доволен чем-то. Хотя почему: чем-то? Ясное дело, он выиграл. Не в силах смотреть на него, Вика отвела глаза.

— Викуся, ты уже встала? Будешь завтракать? — заботливый голос резанул Вику по сердцу. Как можно быть таким подлым?

— Ннет, спасибо — промямлила она. Мне идти надо, спасибо Дим, за заботу. — слова удавалось выговаривать с трудом.

— Ну как хочешь..- удивленно протянул Димка. Кто их разберет этих девственниц? То в постели-огонь, то стесняется наутро- Вик, ты как, тебе не больно?

— Больно, Дим, очень больно- криво улыбнулась Вика.

— Ты не переживай, это пройдет дня через два.

— Я бы очень этого хотела. Но, боюсь, что нет — Вика держалась из последних сил. Надо заканчивать эту комедию. — Я пойду, пожалуй. — Она направилась к выходу мимо Черкасова.

— Подожди, малыш, я тебя отве... — Димку прервал звонок телефона. Он взял трубку и растеренно глядя на вику ответил. Звонил отец, которому, почему-то понадобилось срочно увидеть Диму.

— Черт, не получается тебя отвезти. — Развел руками он- Папаша хочет меня видеть прямо сейчас. Это в другую сторону. Давай я тебе, что ли, денег на такси дам...

— Не надо денег — всхлипнула Вика. — Я на метро. — не в силах больше сдерживаться, она выскочила из квартиры и опрометью понеслась по лестнице вниз.

Димка зашел в приемную отца. Валерия Сергеевна, его секретарша приветливо ему кивнула и сказала, что Виктор Григорьевич его уже ожидает. Удивляясь про себя такой срочности, Димка толкнул дверь отцовского кабинета.

Черкасов-старший сидел за рабочим столом и что-то внимательно читал. Он даже не поднял головы, когда Димка вошел. Не дождавшись, пока отец оторвется от бумаг, он начал разговор:

— Звали, Виктор Григорьевич? — в его голосе прозвучал сарказм.

— Да. Я смотрю, ты уже корпоративную этику осваиваешь? Это хорошо. — Черкасов-страший, наконец, оторвался от документов и поглядел на сына. — Ты уже сдал выпускной экзамен, защитил диплом. Специалистом стал... Пора вливаться в семейный бизнес, сынок. За этим я тебя и позвал. Через два дня мой заместитель- Кирилл Валерьевич- вылетает в Мурманскую область. Там, в городе Ковдор, как ты уже знаешь, через год должно быть запущено производство железобетонных блоков. Сырье будет дешевое: Ковдорский ГОК обеспечит его бесперебойные поставки. Дело выгодное — если предприятие быстро выйдет на свою полную производственную мощность, то, через пару лет можно ожидать солидного прироста активов. Ты летишь с ним, и я хочу, чтобы ты мне этот самый прирост обеспечил. Будешь назначен вице-президентом новой дочерней фирмы — «Ковдоржелезобетон». Билеты, инструкции и бизнес-план получишь на руки завтра в десять утра в моем кабинете. Тогда же я вас и моим заместителем познакомлю.

Димка не верил своим ушам. Хотя, это было вполне в духе его папаши. Отправить его к черту на кулички поднимать какое-то предприятие, даже не дав времени на раздумья, вот так, в приказном порядке! А если он не хотел лететь на Севера? Но кому же это интересно? А ведь поднимать предприятие означает, как минимум, на два года застрять в Мурманской области. Сидеть безвылазно в этой дыре и выть на луну от тоски долгими полярными ночами...

Все эти мысли, видимо, были написаны у Димки на лбу, потому, что Черкасов — старший вдруг усмехнулся, подшел к нему и похлопал по плечу:

— Не думай, что эта каторга растянется на годы... Ну посидишь ты там месяцев десять, опыта поднаберешься, а там посмотрим...

— Я так понимаю, выбора у меня нет? — поморщился Димка

— Ну почему же? Выбор есть всегда. Ну, скажем, ты можешь отказаться и пойти инженером в любую строительную компанию... Там нужны молодые специалисты. Особенно те, кто чертит графическую часть диплома самостоятельно — усмехнулся Виктор Григорьевич в ответ на злой Димкин взгляд. Крыть было нечем. Если в Ковдоре, за спиной опытного Управляющего он еще имел шанс чему-то научиться, то в солидную строительную компанию такого инжнера как он даже на порог не пустят. Димка не обольщался на свой счет. Теперь он понял, почему отец не интересовался его учебой: позволил делать Димке все, что вздумается в расчете на то, что горе-студент потом от его фирмы никуда не денется!

— Да и с Викой твоей я поговорил — продолжал отец невозмутимо

— Что ты ей наговорил?! — взорвался Димка.

— Правду, сынок, только правду и ничего, кроме правды.

— Какую правду? — разозлился Димка окончательно. Теперь понятно, почему она

выглядела такой потерянной сегодня утром! А он уже было испугался, что она услышала весь тот бред, что Димка нес по телефону, пытаясь разозлить Игоряна. Надо признать, у него это отменно получилось! Вот только, уже положив трубку, он вспомнил, что Вика может проснуться. Димку даже холодный пот прошиб. Ведь в том, что он говорил не было ни капли правды. Не нужен был ему «Талмор Дью», и Вика была для него не Матрешкой, и в другой ситуации он никогда бы не стал сравнивать ее с проституткой. Такое девушки не прощают. Однако теперь стало ясно, что это все отец постарался. И Димка даже был готов расцеловать его за такую новость, несмотря на всю злость.

— Правду о том, кто ты есть на самом деле. А на самом деле ты, пока, пустоголовый самоуверенный юнец... Без всякого представления об ответственности. Так что поработаешь, ума наберешься, деньги заимеешь — и женись на здоровье. Можешь идти, собираться. — Черкасов-старший снова углубился в документы, давая понять, что разговор окончен.

Димка завел машину и собрался уже поехать к Вике, но тут запиликал мобильный. Звонил Игорян. Сдавленным от бешенства голосом он сказал, что через час будет у Димки на квартире с проставой. Желание увидеть взбесившегося Игоряна было настолько велико, что Черкасов решил сначала заехать домой, а уж потом махнуть к Вике.

Он поднялся к себе в квартиру в хорошем настроении. Сейчас Димка увидит постную мину Игоряна! Тот не заставил себя долго ждать. Через двадцать минут после того, как Димка поднялся в квартиру, в дверь позвонили. На пороге стоял Орлов и в руках у него был ящик проспоренного виски. Он молча зашел, поставил посреди комнаты бутылки, и собрался уходить, но Димка его остановил:

— И это все? Ты больше ничего не хочешь добавить? — ехидно поинтересовался Черкасов

Игорь посмотрел на него странным долгим взглядом.

— Пожалуй, я кое-что добавлю — согласился он. И в следующий момент со всей силы врезал Димке в челюсть. — Вот теперь все. Мразь ты, Черкасов. Намного большая, чем я. Я тебе больше не друг. Счастливо оставаться! — дверь за ним закрылась

Димка машинально отер кровь из разбитой губы и ощупал пошатнувшиеся зубы. «Не больно-то и надо, Орлов» — подумал он. — «Зато Вика теперь- моя». Вика... Он взял мобильник и набрал ее номер. Однако, вместо Вики, ему ответил бездушный автомат: «Аппарат абонента выключен, или находится вне зоны действия сети»... Черкасов почувствовал смутное беспокойство. За все то время, что они были знакомы, она ни разу не отключала телефон. Димка накинул кофту и быстро спустился к машине.

Он подъехал к общежитию через полчаса. Не обращая внимания на протесты комендантши, взбежал на третий этаж забарабанил в дверь ее комнаты. Ему никто не открыл. Промаявшись около пяти минут, Димка спустился обратно и спросил у комендантши, где Вика Астахова.

— А я что, знаю? — покосилась на него та. — Ходят они туда-сюда. Ушла из комнаты с час назад. Куда-не докладывала.

Следующие два часа Димка нарезал круги по городу, пытаясь найти Вику. Но ее нигде не было. Димка уже ругал себя последними словами за то, что отпустил ее тогда в таком состоянии. Наверняка отец ей наболтал о том, что Вика Димке- не пара, что мечтать не вредно, вот она и чудит... Наконец, ему надоело это занятие. Димка решил, что ей просто нужно дать время. Он еще успеет поговорить с ней завтра, перед отъездом.

Однако на следующий день его ждал неприятный сюрприз. Сразу после встречи с отцом

он снова поехал к Викиной общаге. Дверь была по-прежнему заперта, но на этот раз комендант объявил ему, что Виктория Астахова уехала домой в Тихвин, а общага закрывается на ремонт.

Димка бросился к машине, ругаясь сквозь зубы. Он хотел было ехать за ней, да осознал, что не знает адреса. Он снова попытался ей позвонить, но телефон по-прежнему был выключен.

Черкасов пришел в отчаянье. Он осознал, что, не скоро увидит Вику, если вообще теперь сможет ее разыскать.

Всю дорогу до общаги Вика глотала слезы. В голове было пусто, а на душе-тяжело. Не хотелось ни о чем думать. И, только закрыв за собой дверь комнаты, она разрыдалась в голос. Вика никак не могла понять, почему он с ней так поступил? Она не была ни выдающейся красавицей, ни дочерью богатеньких родителей. Какую цель преследовал Черкасов, так мастерски притворяясь сначала другом, а затем и влюбленным? Что за удовольствие такое извращенное: на спор вскружить голову скромной девчонке и соблазнить ее? А она-то как хороша! Сначала позволила себя окрутить, а потом еще и сама напросилась к Димке в постель! Вику жег стыд. Какой-то противный голос внутри нее злорадно нашептывал: «Ну что, Астахова? Поверила в сказку? Золушкой себя возомнила? Получи, дорогая, и распишись: принцам от такой как ты только одно необходимо, да и то ради спора... Никому ты, дура, не нужна. Слушать надо было Орлова. Он тебе правду сказал, ясно же указал на твое место... Кто ты, и кто Черкасов? Да у него таких как ты — пруд-пруди. Даже нагибаться и подбирать не утруждается».

Викины размышления прервал телефонный звонок. Мобильник заиграл так неожиданно, что она даже вздрогнула. Не глядя, кто звонит, Вика выключила телефон. Наверняка, это Черкасов, но у нее не было сил ответить. А даже, если это не Димка, то все равно разговаривать ни с кем не хотелось.

Вика вдруг почувствовала себя ужасно грязной, словно ее искупали в помоях. Захотелось помыться. Она заперла комнату и пошла в душевую. Стояла под струями теплой воды и остервенело натирала себя мочалкой. Смыть всю эту грязь: его запах, само воспоминание о том, что у них сегодня было... Только после душа Вика смогла немного отойти от пережитого и теперь не знала, что делать дальше. Черкасов так и не понял, что она все слышала. Это было единственное утешение. Хотя бы лицо сохранить смогла. Однако, он непременно попытается с ней увидеться. Ведь для Димки-то все идет своим чередом. Хотя, почему, собственно, он должен утруждаться? Пари-то выиграно... Но ведь звонил же, значит ему нужно что-то еще... А, может, теперь на очереди унижительный разговор о расставании? Нет, еще одного позора она не перенесет.

Поразмыслив, Вика решила сменить номер. И сделать это она собиралась прямо сейчас, пока телефон не раскалился от его звонков. Как могла, привела себя в порядок и отправилась в ближайший салон связи за новой симкой. Уже на обратном пути Вика включила телефон, чтобы проверить, не было ли пропущенных. Так и есть: Черкасов звонил уже четыре раза, а кроме него два раза — мама и папа. Родители... Вика совсем забыла им позвонить после экзамена, только сообщение отправила о том, что все хорошо. Волнуются, наверное. Она переставила симки и по памяти набрала отцовский номер. Александр Иванович ответил почти сразу:

— Вика, что там у тебя? Мы с матерью места себе не находим со вчерашнего дня! Прислала смс, а потом как в воду канула. Разве так можно? — с ходу стал ругаться он. Какое-то время Вика покорно слушала его тираду, а потом торопливо ввернула в образовавшуюся паузу:

— Прости, пап, что-то съела, а может нервы... Промучилась с животом всю ночь, не до звонков было- соврала и даже не покраснела.

— Ты как себя чувствуешь сейчас? — раздражение в папином голосе сразу сменилось

на озабоченность. — Давай, я тебя заберу завтра с утра. Что ты там будешь киснуть одна? Экзамены все равно уже все сданы...

— А давай. — Вика обрадовалась, что завтра она окажется подальше от Питера, от Черкасова, от всей этой грязи. — Приедь за мной.

— Хорошо, дочь, завтра около одиннадцати часов буду у тебя. Жди.

Вика приободрилась. Сейчас она соберет вещи, а завтра уже будет дома. Эта мысль придавала ей сил. Она уже подходила к общаге, когда увидела знакомую белую «Тойоту». Ноги приросли к месту, а сердце, кажется, остановилось. Вика спряталась за развесистый куст сирени. Она видела, как Черкасов выбежал из общежития и вскочил в машину. Дав по газам, он резко развернулся и уехал. Вика постояла в укрытии еще какое-то время и, только убедившись, что он больше не вернется, поднялась к себе. С лихорадочной быстротой она начала собирать вещи. На какое-то время это помогло ей отвлечься от грустных мыслей.

Когда Вика закончила собираться, был уже поздний вечер. Посередине комнаты стоял внушительный результат — три больших сумки с вещами, а сама комната была чисто вымыта. Она вдруг почувствовала себя очень уставшей, будто неделю вкалывала. Вика добрела до кровати, разделась и упала без сил. Однако желанный сон не шел. Вместо него опять наплыли воспоминания. Снова и снова в ее голове звучали слова Черкасова, сказанные им кому-то по телефону. С кем он мог так гнусно поспорить? Зачем? Вика не знала и знать не хотела. Ей хотелось стать сейчас маленькой и незаметной, чтобы спрятаться от всего этого, чтобы не помнить. Она снова расплакалась. Как теперь ей жить? Как верить людям?

Забылась Вика уже под утро, и чуть не проспала. Ей снились нехорошие сны, вспомнить которые, она не смогла бы. В какой-то момент Вика просто вскочила в кровати с колотящим сердцем. На часах было девять тридцать. Нужно вставать. Она наскоро оделась, умылась и заплелась. Глядя на себя в зеркало, Вика видела девочку с красными от слез и недосыпа глазами. Если родители увидят ее в таком состоянии, вопросов не избежать. Она усмехнулась: — Улыбай лицо, Астахова, для всех твоя жизнь прекрасна — она попыталась придать себе беззаботный вид, но это плохо вышло. Нахмурившись, пригрозила отражению в зеркале пальцем:

— Что, никак? Придется научиться.

Через час за ней приехал отец. За это время Вика кое-как взяла себя в руки, и, когда старенький «Форд» припарковался около общаги, она уже стояла рядом с дверями. Из машины вышел плотный высокий седоватый мужчина. Он нагнулся и поцеловал Вику в щеку, уколос ее жесткими усами.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Вичка, доча, ты как себя чувствуешь? — пробасил Александр Иванович. — Разве можно есть, что попало? Купила, небось, пирожок в какой-нибудь шаверме? — нахмурил он густые брови.

— Ничего, пап. Уже все в порядке — тряхнула Вика головой. Она подождала, пока отец поставит сумки в багажник и села в машину.

Через полтора часа их «Форд» остановился на тихой Тихвинской улочке рядом с дной из многочисленных «хрущевок». Астаховы жили в трехкомнатной квартире на четвертом этаже панельной пятиэтажки. На пороге Вику встретила мама — миловидная невысокая женщина с такими же густыми пушистыми волосами как и у нее самой.

— Вика, доченька, наконец-то ты приехала! Проголодалась? Там я борщик твой любимый сварила. Проходи скорее, мой руки и за стол! Суп стынет.

За столом уже сидел вихрастый быстроглазый парень- Викин брат Никитка. Он помахал ей рукой:

— Оо! Какие люди! Систер приехал. Садись сюда — он похлопал рукой по табуретке рядом с собой.

Вика села за стол и, стараясь казаться невозмутимой, стала рассказывать об учебе и планах на лето. Однако она не словом не обмолвилась о Черкасове. Не нужно родителям об этом знать.

Мама, тем временем, рассказывала о соседях, о Никиткином поступлении и о том, что собирается весь месяц пропадать на даче — они с отцом решили сделать ремонт в бабушкином доме. Вика слушала, кивала и тихонько радовалась, что не придется постоянно быть на глазах у родителей. Слишком ей было тяжело все время изображать из себя беззаботного человека. На счастье, родители пока ничего особенного за ней не заметили. И только внимательный Никитка понял, что с ней что-то не так. Подождав, пока она выйдет из-за стола, брат подловил Вику около ее комнаты и заговорщическим шепотом спросил, что случилось. Вика отмахнулась от него и повторила сказку про отравление. Никитос только головой покачал, но расспрашивать не стал — бесполезно.

— Ну, как скажешь. Ничего-таки ничего — хмыкнул он, и собрался было идти гулять, но Вика остановила его.

— Никит, а что такое «Талмор Дью»? — спросила она прерывающимся голосом.

— Ух ты, Викуся ударилась в разврат — рассмеялся брат. — Это дорогой вискарь. Где-то четыре косяра за бутылку. А что, есть желание продегустировать?

— Ннет, просто название недавно услышала — стусевалась Вика и пошла к себе. «Вот, значит, сколько нынче стоят элитные проститутки — сорок тысяч рублей за ночь» — с горечью подумала она.

Лето шло для Вики своим чередом. По крайней мере, внешне. Родители, как и обещали, пропадали на даче и приходили домой только ночевать. Никитка целыми днями гулял, наслаждаясь последними днями свободы перед началом студенческой жизни. А сама она посещала производственную практику в Тихвинском комитете градостроительства. Днем ей было некогда заниматься самокопанием: практика, отчет, готовка и уборка в доме не давали раскисать. Хуже было по ночам, когда она оставалась наедине со своей болью. Ей стали сниться кошмары. То Вика видела себя в платье невесты рядом с Черкасовым. Она ожидала, что он сейчас ответит, что согласен взять ее в жены. Но Димка внезапно кривился и говорил, что ему не нужна проститутка. То вдруг грезилось, что она гуляет с трехлетним синеглазым карапузом, до ужаса похожим на Черкасова. Она звала его к себе, а малыш показывал на нее пальцем и кричал на всю улицу: «Матрешка-недавалка!». Вика стала плохо спать и сильно похудела: от бывшего пятидесятого размера остался лишь сорок шестой. Одежда висела на ней, как на огородном пугале. Мама только головой качала: не иначе, дочь влюбилась. Но Вика молчала, как партизан на допросе, а похудение объясняла ежедневными утренними пробежками (которых ни разу не делала). В конце-концов большую часть гардероба ей пришлось сменить. После этого Вика стала ловить на себе заинтересованные взгляды мужчин, но они ее только раздражали. Так подошел к концу июль. До конца каникул оставался месяц и Вика со страхом ждала начала учебного года.

Начало учебного года получилось для Вики, на удивление, спокойным. Никто не шушукался у нее за спиной, никто не показывал пальцем. Хотя, если задуматься, то и не должны были. Черкасов благополучно выпустился два месяца назад и теперь пребывал где-то далеко от нее. Где, Вика знать не хотела. Главное-что не рядом с ней. Никто теперь не смог бы растрепать о ней на весь универ. Она решила полностью уйти в учебу, чтобы покончить, наконец, со своей депрессией. Да и в последний год на успеваемость поднажать не мешало.

Единственным напоминанием о Димке для Вики был Игорян. Тот, впрочем, не обращал на нее никакого внимания. А вот остальные парни в группе, напротив, стали проявлять к ней повышенный интерес. Однако он, пока, выражался только в заинтересованных взглядах с их стороны, и Вику мало беспокоил. Она жила между комнатой в общежитии и аудиториями в универе. Нагружала себя до предела, бралась чертить контрольные для нерадивых студентов, и подумывала даже устроиться на подработку — лишь бы не было времени вспоминать. Это, однако, мало помогало. Дни летели стремительно, но лучше ей не становилось. Самое поганое в ее ситуации было то, что в глубине души Вика до сих пор надеялась. Надеялась, что услышанное ей тогда было недоразумением, галлюцинацией, да чем угодно, лишь бы не правдой. Она осознавала, что до сих пор любит Черкасова, и, попроси он у нее прощения, скорее всего, простила бы. Это злило Вику, однако поделаться она с собой ничего не могла.

Как-то раз всередине октября ее вызвали в деканат. Удивляясь, что могло от нее понадобиться, она постучалась к декану в кабинет.

— Войдите — раздалось из-за двери. Вика вошла в просторное помещение. Вдоль стен тянулись шкафы с книгами и документами, а посередине стоял стол. За столом сидел немолодой грузный мужчина. Это был Иван Алексеевич Игнатьев — декан архитектурного факультета ГАСУ.

— Здравствуйте, Виктория. Присаживайтесь, пожалуйста — указал он на кресло за столом. Вика послушно села.

— Дело в том, что одна из крупнейших строительных компаний Санкт-Петербурга — ОАО «Колизей» совместно с комитетом по строительству и архитектуре Санкт-Петербурга проводит конкурс среди студентов архитектурных ВУЗов. До первого декабря необходимо представить проект благоустройства жилого комплекса. Победитель получает право стажировки в «Колизее» с последующим трудоустройством. Вы, Виктория, как один из самых перспективных наших студентов должны принять в нем участие от нашего факультета. Вы согласны? — спросил Иван Алексеевич

— Согласна — кивнула Вика. Она почти не раздумывала. Не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы понять, что это- реальный шанс для нее. Во-первых, такая крупная работа, как проект жилого комплекса предполагала полтора месяца упорного труда, что позволяло ей как-то себя занять. Во- вторых, в случае успеха у нее появлялась возможность начать карьеру в престижной компании с замечательными перспективами.

— Отлично. Я знал, что на Вас можно рассчитывать! Мы внесем Вас в список участников...

Тем же вечером Вика начала обдумывать проект. Времени было в обрез, и откладывать

работу в долгий ящик не следовало. Ей виделись изящные беоснежные высоты с большими окнами, скверик со скамейками, большая детская площадка... Эта работа позволила Вике встряхнуться. Делая вечерами чертежи, клея макеты зданий, производя расчеты, она чувствовала, что ее депрессия тает на глазах. Нет, боль и обида не исчезали, но, как бы, отходили на второй план. Теперь вся эта история с Черкасовым не снилась ей в кошмарах, не мучила приступами жгучего стыда при каждом воспоминании о Димке. Она просто трансформировалась в ноющую занозу где-то на задворках сознания. Впервые за долгое время Вика была, почти что, счастлива. Она даже решила для себя, что занятие любимым делом приносит намного большее моральное удовлетворение, чем отношения с парнями. Работа, по крайней мере, тебя не променяет на ящик элитного пойла. Так что, в ближайшее время Вика решила заниматься исключительно карьерой.

Установленные полтора месяца пролетели незаметно. В самом конце ноября Вика закончила свой проект и отдала его на рассмотрение в комитет по архитектуре. Теперь оставалось только ждать. Результаты обещали обнародовать перед Новым Годом и она ожидала их с нетерпением. Однако, до заветной даты оставался еще месяц, а пока учеба шла своим чередом.

Как-то раз, на большой перемене, Вика сидела в опустевшей аудитории и читала книжку. Неожиданно она услышала, как хлопнула дверь. Вика подняла глаза и увидела Игоря Орлова. Тот стоял поодаль от нее и явно мялся, не зная, как начать разговор. Наконец, он собрался с духом и сказал:

— Вик, нам надо поговорить...

— О чем? Ты, помнится, мне уже все высказал однажды — пожалала плечами Вика. Ей было неприятно его видеть, но она этого не показывала.

— Вика, я тогда...

— Игорь. Ты был тогда абсолютно прав. Я и Черкасов — из разных галактик. И я больше не хочу ничего слышать по этому поводу. У тебя что-то еще?

— Нет — сглотнул под ее пристальным взглядом Игорян. Он уже давно хотел перед ней извиниться за тот дурацкий разговор. Игорь, вообще, чувствовал себя виноватым. Из-за его трусости пострадала девушка, которая ему очень нравится. Только, вот, как загладить вину, он не знал.

— В таком случае, больше я тебя не задержу. — Вика встала, собираясь уходить. В этот момент она казалась Игоряну хрупкой обиженной девочкой. Ему очень хотелось ее обнять, погладить по голове, сказать, что все обязательно будет хорошо. Хватит быть слабаком! В конце-концов один раз он уже позволил ее обидеть, и больше этого никогда не повторится. Игорян порывисто прижал Вику к себе, уткнулся ей в волосы и стал неразборчиво бормотать какую-то ерунду, сбиваясь и глотая слова. Он говорил, что Черкасов никогда не был ее достоин, что она — особенная, что он перед ней очень виноват, но если она ему позволит загладить...

Вика растерянно слушала его тираду. Она даже сперва не поняла, что случилось и чего хочет Орлов. Постепенно, до нее стал доходить смысл происходящего. Она отстранилась и посмотрела на Игоряна. Тот потянулся было ее поцеловать, но получил пощечину.

— Думаешь, я куплюсь на этот спектакль, Орлов? — Вика очень старалась, чтобы голос звучал спокойно, но он все равно предательски звенел. — Вы с Черкасовым одним миром мазаны! Сначала мозги пудрите, потом руки распускаете, а потом трофеями друг перед другом хвастаетесь? Не рассказывай мне сказок! — она не выдержала и закрыла лицо

руками. «Только не реветь, не реви»- уговаривала она себя.

Какое-то время Игорь молчал, потирая щеку, затем пробормотав: «Извини, этого больше не повторится», быстро вышел из аудитории. Обещание свое Орлов сдержал: после этого разговора он в ее сторону даже не смотрел.

В конце декабря стали известны результаты конкурса. Викин проект победил. Только вот победа, пусть и такая долгожданная уже не радовала. Вика снова пришла к тому, с чего начинала: она скатилась обратно в депрессию. Хотя, после зимней сессии ее ожидала стажировка в «Колизее», а, если повезет, то и работа.

Вика снова нагрузила себя учебой под завязку. Она ругала себя за слабость, за то, что не может взять себя в руки и постоянно раскисает. Выходка Игоря снова напомнила ей о Черкасове. Впервые в жизни она пожалела, что не имеет подруг. Ей просто надо было кому-то выговориться, но подходящего человека рядом не оказалось, и Вика продолжала держать все в себе. Она, как бы, выпала из жизни. Началась и закончилась сессия, прошла практика, пришла подготовка к ГОСам, но все это слилось для Вики в один сплошной день сурка. Она училась и работала на автомате, будто не сама все делала, а кто-то посторонний.

Между тем, в «Колизее» были очень довольны практиканткой. Вика оказалась способной, расторопной и исполнительницей стажеркой. Так что, в конце преддипломной практики, руководство компании предложило Вике приступить с августа к постоянной работе. Она сдала ГОСы, защитила диплом и к концу июня оказалось совершенно свободной. Родители Вики, посоветовавшись, подарили ей на выпускной двухнедельный отдых в Геленджике. Уж больно дочь сдала за последний год: худюшая, бледная, с постоянными кругами под глазами, так и заболеть недолго.

Вылетала Вика 1 июля, на следующий день после выпускного. Пройдя регистрацию, она заняла место в салоне самолета. В соседнем с ней кресле сидела бойкая смазливая девушка и болтала с кем-то по телефону. Вика с некоторой завистью разглядывала соседку. Вот есть же беззаботные люди на свете! Таким, кажется, любая проблема нипочем. Не то, что некоторые: парень обманул, и она на куски разваливается. Соседка между тем, услышала что-то смешное, тряхнула золотистыми кудряшками и звонко рассмеялась, отчего на щеках появились две задорные ямочки. Хрупкая и изящная, она вдруг напомнила Вике фею Динь-Динь из сказки о Питере Пэне. Такая же вертлявая беззаботная непоседа.

Соседка закончила ботать, пристегнула ремень безопасности и спросила у Вики:

— А вы летите в первый раз?

— Ну да. До этого как-то не приходилось — протянула Вика

— Мне тоже, и, признаться честно, я до ужаса боюсь... — округлила она голубые глаза. — Меня Зовут Камилла Вельская, а Вас?

— Вика Астахова

Весь полет они проболтали. Вике уже давно не было так легко и весело. Довольно быстро выяснилось, что они собираются отдыхать в одном отеле, и Вика этому очень обрадовалась — на отдыхе ей точно не будет скучно...

С середины декабря Ковдор накрывает полярная ночь. Бесконечные четырнадцать суток на небе не встает солнце, и лишь жидкие серые сумерки отмечают дневное время. Эти-то две недели больше всего угнетали Черкасова. С самого июля Димка обретался в небольшом заполярном городке, и, если бы не работа, наверняка сошел бы с ума. Хотя, с другой стороны, если бы не эта самая работа, он бы никогда здесь не оказался. За это время Димка уже, наверное, сотню раз успел мысленно «поблагодарить» отца за почетную ссылку на край земли. Первое время он вообще не понимал, почему его присутствие так необходимо. Кирилл Валерьевич Миронов, заместитель Черкасова-старшего, решал все самостоятельно даже не трудясь ставить Димку в известность. Так что, первые два месяца тот просто высиживал на работе положенные восемь часов, маясь от безделья. В малюсеньком городке не было привычных ему ночных клубов, ресторанов и шикарных девиц в мини-юбках, да и друзей среди местных он не завел. Волей-неволей, Димка должен был начать разбираться в работе, чтобы не завывать от тоски. И в одно прекрасное утро, Димка просто вошел в кабинет к Миронову, объявив, что с этого момента он будет вникать во все, что здесь происходит. Кирилл Валерьевич только хмыкнул:

— Вы, Дмитрий Викторович, всегда мало интересовались семейным бизнесом, с чего вдруг такое рвение? — хитро прищурился он. Конечно, старый лис знал, что у Димки просто не осталось выхода. Именно поэтому он и не требовал от Черкасова немедленного погружения в дела новорожденного предприятия: ждал, когда Димка сам захочет работать. Ждать пришлось не очень долго. Ковдорская скука сделала свое дело.

Димка нахмурился и посмотрел на жилистого желчного человечка с квадратными очками на остром носе. Его сильно задело такое к себе обращение.

— Пусть это Вас не смущает. Просто не хотелось бы нагружать такого специалиста, как Вы, лишней работой. — процедил он. Миронов ничуть не обиделся на этот выпад. Напротив, он было очень доволен. Наконец-то в избалованном донельзя барчуке заговорил деловой человек.

— Хорошо, раз Вы настаиваете.... — Миронов порылся на столе и извлек из-под груды бумаг достопамятный бизнес-план, который Димка, в свое время, так и не потрудился прочесть. — Здесь расписано все то, что Виктор Григорьевич хочет получить на выходе с этого предприятия. Это можно назвать поэтапной инструкцией того, что мы с Вами должны здесь сделать. Если хотите разобраться во всем, логичнее всего начать с ознакомления с бизнес-планом. Успеете за сегодня — приходите к четырем часам ко мне в кабинет. Будет встреча со стройподрядчиками.

Димке не оставалось ничего другого как запереться у себя в небольшой каморке, гордо именуемой «кабинетом вице-президента» и углубиться в изучение бизнес-плана. Однако это оказалось совсем непросто. Ему постоянно приходилось вчитываться в документ, написанный сухим экономическим языком. Под конец дня Димка ощущал, что голова его готова лопнуть от обилия информации. Однако он был доволен собой: все же удалось уяснить для себя основное содержание бизнес-плана, а остальное он намеревался выпросить у Миронова.

Месяц спустя он уже худо-бедно ориентировался в текущей работе правой руки своего отца. Нельзя сказать, что это далось Черкасову легко, но его заедала уязвленная гордость.

Захотелось доказать этому желчному зануде Миронову, что он тоже кое-чего стоит. Хотя Димка был даже рад такому повороту событий: у него совсем не стало времени копать в себе и в том, что произошло между ним и Викой.

Что ни говори, а Черкасов сам осознавал, что поступил тогда крайне непорядочно. И дернул же его черт подтвердить пари! Но, что сделано, то сделано. И хорошо еще, что Вика тогда не услышала их с Игоряном телефонного разговора. И объясниться он с ней не успел толком. Интересно, все-таки, что ей такого наговорил отец, раз Вика исчезла так внезапно, после той ночи?

Однако, чем больше проходило времени, тем меньше он думал о ней. Черкасов не привык бегать за девушками, и, раз она так и не позвонила, рассудил, что не очень-то Вика его и любила. Это помогло заткнуть совесть, еженощно точившую ему мозг. В конце-концов, он был с ней практически честен. Действительно, хотел жениться. Действительно испытывал к ней чувства. А то, что Вика исчезла из поля его зрения — так это полностью ее инициатива. И все-таки его продолжало снедать странное чувство, что вместе с этой пухлой девчонкой, он упустил из своей жизни что-то важное, что-то стоящее... Но Черкасов отмахивался от чувств и продолжал закапываться в работу. Что интересно, у него сейчас не было никакого желания волочиться за девушками. То ли на уме одна работа осталась, то ли местные красавицы никак ему не подходили, только Димке и в голову не приходило закрутить роман. Да какой там роман! Даже приятелей он себе найти не мог. Уж слишком он отличался от местных парней. Так и приходилось коротать вечера в компании интернета.

В начале октября один из субподрядчиков поставил им комплект новейшего отечественного оборудования для цехов, а в месте с ним и группу наладчиков. Они должны были в течении месяца закончить установку и отладку, а также обучить местных рабочих. Миронов вызвал к себе Димку. Черкасов зашел и увидел за столом Управляющего неказистого парня лет тридцати пяти от роду. У незнакомца были белобрысые волосы совершенно непримечательное лицо: продолговатое, как у лошади, с крошечными веснушками на крупном носе и большим ртом. Черкасов усмехнулся было про себя такой неказистой внешности, но тут парень поднял на него зеленые глаза, и Димка чуть не поперхнулся: столько в них было воли и ума. Незнакомец, казалось, видел его насквозь. Однако длилось это недолго. Парень еле заметно улыбнулся и снова принялся разглядывать какие-то бумаги. Миронов, между тем заговорил:

— Дмитрий Викторович, в цеха завезли оборудование. Устанавливать его будет группа специалистов во главе с Евгением Романовичем Тихомировым. — тут он кивнул в сторону парня, — Вашей задачей будет контролировать процесс и оказывать всемерное содействие, по мере необходимости. Димка с усилием кивнул и повернулся к Тихомирову:

— Приятно познакомиться. Меня зовут Дмитрий Черкасов, я- вице-президент компании «Ковдоржелезобетон». По любым возникающим вопросам Вы можете обращаться прямо ко мне — он протянул руку. Тихомиров встал и подошел к Димке. Он оказался ниже Черкасова на полголовы. Однако, несмотря на это, Димка чувствовал, что смотрит на него снизу вверх.

— Взаимно, Дмитрий — он пожал Черкасову руку, — И, раз уж такое дело, что работать нам придется вместе, предлагаю сразу перейти на «ты», согласен?

— Согласен — улыбнулся Димка. Его смущение как рукой сняло. Тихомиров оказался человеком простым, без того излишнего самомнения, что примерещилось поначалу.

— Ну вот и славно. А теперь пойдём-ка обсудим организационные вопросы...

За каких-то две недели после встречи в кабинете у Миронова Женя и Димка успели крепко сдружиться. В лице Тихомирова Черкасов нашел интересного собеседника, прямого и честного человека. А Жене, в свою очередь, импонировала Димкина деловая хватка, способность быстро схватывать суть вопроса и готовность искать решение для любой проблемы. Однако, было в Черкасове много самоуверенности, упрямства и уверенности в своей правоте. Это не давало Жене окончательно сблизиться с ним. Он ясно видел в приятеле «золотого мальчика», который еще не научился быть мужчиной, и ему даже было жалко Димку с его неумными амбициями. Но это, впрочем, не мешало ему коротать долгие осенние вечера в компании Черкасова. Они говорили о бизнесе, смысле жизни, политике, женщинах и тачках. Однако, разговор никогда не заходил о личном. И друг о друге они знали немного. Так было до того момента, как в один прекрасный вечер изрядно перебравший Черкасов не начал жаловаться Женьке на пустоту своей жизни. Его вдруг прорвало и он поведал Тихомирову о том, что за дорогими тачками, брендовыми шмотками, красивыми девицами, да что там, даже за отцовским бизнесом, который он сейчас помогает строить, для него ничего нет, как будто и живет не для себя. Женька только усмехнулась:

— Молод ты еще для таких разговоров, Димон. Вот пройдет пара лет, и все встанет на свои места. Если ты сам захочешь, конечно.

— Даа, хорошо тебе говорить — Черкасов пьяно отмахнулся от Тихомирова. — У тебя, небось, и работа любимая удовлетворение приносит, и девушка... — лицо Женьки вдруг стало каменным.

— Нет у меня любимой девушки, Димка. Была, да сплыла...

— Черт! Женька, прости.

— Да ладно... Банальная там, в общем, история. Я был придурочным самоуверенным эгоистом. Мужская гордость, да. Она меня любила, а я так — казалось, самолюбие тешил. Однажды поссорились мы с ней крепко. Ну и решил я показать, что свет на ней клином не сошелся... Изменил ей с первой встречной красоткой. Она не простила. Ушла. Сначала я думал, что ерунда. Что забуду через месяц. И забыл почти... Да только грызло меня что-то изнутри. Неправильно я себя чувствовал, будто потерял что-то важное. Через два месяца сам сорвался ее искать. Не нашел. Зато на ее подругу вышел. Она мне и рассказала... В общем... беременна она была от меня, Димка. Как меня с другой увидела, так в аптеку сдуру помчалась. Купила какой-то гадости: аборт медикаментозной решила сделать, дурында... — руки Тихомирова затряслись и он закурил, — ну и срок был уже порядочный. Кровотечение открылось — спасти уже не успели...

Черкасов побледнел. Представилось, вдруг, что и Вика так могла... Непослушными руками он плеснул себе в стакан вискаря и залпом выпил. Женька заметил его реакцию и истолковал ее по-своему.

— Не тушуйся, Диман. Я это и так забыть не могу. А тебе рассказал потому, что вижу — ты чем-то похож на меня молодого. Вот ты мне тут победами своими хвастался, а не подумал, что какая-то из твоих девчонок так же могла... Так что, друг, мой тебе совет на будущее — встретишь свою женщину — держи ее крепко, и о гордости позабудь, иначе потом, как мне, локти кусать придется... Ну, что-то засиделся я у тебя сегодня. Пора к дому. — Женька затушил окурок о пепельницу и собрался уходить...

Октябрь подошел к концу. Оборудование установили и наладили в срок. Рабочие были уже обучены и Тихомиров собрался обратно в Питер. Димка вызвался его проводить. На душе было погано. После того разговора его совесть проснулась и начала терзать Димку с

новой силой. Теперь мысли о Вике не давали ему спать спокойно. Сотни раз прокручивал он в голове ту ночь и, раз за разом вспоминая, что предохранялся, пытался сам себя успокоить, но получалось плохо. Самое противное, что сидя в Ковдоре, он вообще не мог ничего узнать о ней. Утешал себя только мыслью о том, что скорее всего, его ссылка скоро должна закончиться. Он вернется в Питер и сделает все, чтобы найти Вику. Да еще и Тихомиров уезжает. Димка настолько привык к их посиделкам, что теперь не представлял, чем займет себя зимними вечерами.

После Женькиного отъезда Черкасов снова ударился в работу. Теперь он умудрялся выполнять еще и часть функций Миронова. У того, в последнее время, были проблемы со здоровьем. Это и не удивительно — Север вытягивал из непривычных к нему людей все соки. А однажды, это был уже конец ноября, Кирилл Валерьевич и вовсе не появился в офисе. Долго ломать голову над причинами его отсутствия Черкасову не пришлось. Ему позвонил отец и встревоженным голосом сообщил, что у Миронова этой ночью случился инсульт и его срочно переправляют в Питер самолетом, а Димка теперь будет за старшего. Положив трубку, Димка в ярости стукнул кулаком по стене. Ему стало ясно, что скоро он отсюда не выберется.

Отпуск на море пролетел для девчонок незаметно. Вика и Камилла всюду ходили вместе: на пляже, на экскурсиях, в кино и на аттракционах. Им было весело вдвоем. Камилла оказалась неиссякаемым источником идей о том, как провести две недели на море. Вика даже забыла о своей хандре. Да и некогда было помнить, если рядом такой сгусток энергии. Камилла постоянно тормозила Вику, подбивая на какие-нибудь безумства: то рафтинг, то экскурсии по пещерам, а однажды и вовсе на канатную дорогу заманила. Каждое утро начиналось для нее с одного и того же: в дверь ее номера стучалась Вельская, затем не дожидаясь, пока откроют, врывается в комнату со словами: «Доброго утрачка, Солнце. А давай мы сегодня с тобой...». На третий день таких рационализаторских предложений Вика начала ожидать продолжения со священным ужасом. Тем более, на каждое Викино возражение Камилла приводила убойный контраргумент: «Ну и что, что ты плавать не умеешь? Вот, как раз, и научишься», «И при чем здесь твоя боязнь высоты? Со страхами надо бороться. «Клин клином» еще никто не отменял». И Вика, удивляясь себе, послушно позволяла увлечь себя в очередное безумство. Но ей это даже нравилось, как нравилась неистощимая веселость и оптимизм новой подруги, ее непоседливость и острый язычок.

Между тем, Камилла тоже не просто так старалась. Еще в самолете она обратила внимание, что соседка выглядит так, будто у нее кого-то поездом переехало. Снедаемая любопытством, Камилла разговорилась с ней, и еще до посадки поняла, что ей эта девушка симпатична. Было в ней что-то такое, что выгодно отличало ее от всех подружек Вельской. Надежность, какая-то, что ли... Вика относилась к тому типу людей, глядя на которых можно было с уверенностью сказать, что они не способны на подлость. Никак нельзя было представить их, например, злорадно шушукующимися за чьей-то спиной, или отбивающими парня у лучшей подруги. Короче говоря, Вике можно было смело довериться, и это чувствовалось сразу. А еще Камилла видела, как что-то гложет ее изнутри. И она решила если не выведать причину, то хотя бы заставить подругу о ней забыть. И, судя по всему, ей это удавалось. Через неделю Вика наконец стала похожа на ту, какой должна быть молодая девушка в свои 23 года. Она начала от души смеяться, а из глаз исчезло выражение, которое Камилла именовала про себя «пойду и утоплюсь в ванной». Единственное, чего Вельская никак не могла в подруге перебороть, так это упорное нежелание обращать внимание на окружающих парней. Они, кстати, так и увивались вокруг обворожительной Камиллы, да и на Вику заглядывались. А она только посмотрит в их сторону — как рублем одарит, и у них, бедных, все сразу опадет: и желание познакомиться, и самооценка, а, может, и еще что. И откуда только взялась у Вики манера общения с противоположным полом под названием «Не влезай-убьет»? В конце-концов, Камилла не выдержала и однажды вечером спросила напрямую:

— Вик, ну ты посмотри на себя. Ну симпатичная же девчонка, и парни в твою сторону головы сворачивают. Что не так? Откуда такое нежелание хотя бы познакомиться?

— Мил, не настроена я на знакомства. Приехала отдохнуть, развеяться, а не с парнями романы крутить.

— Ну зачем сразу романы? Есть же ведь между «закрутить роман» и «послать к черту» какая-то середина? — возмутилась Камилла

— Есть, конечно, но не настроена я на эту самую середину

— А, понятно... — протянула Камилла, — Тебя парень бросил. Вот ты и зла

— Да если бы просто бросил, Мил, если бы...

— А что тогда? — удивилась та

— Он, Камилла, на меня поспорил... Поспорил на ящик виски, что переспит со мной — выдавила из себя Вика и закрыла лицо руками. Ей было стыдно

— Вот же... выхухоль утконосый — Мила от удивления даже выругаться нормально не смогла. — И что? Ты узнала и он обломился? Да? — она с надеждой поглядела на Вику, но та отрицательно покачала головой.

— А... а как же ты узнала? Добрые люди глаза открыли, да? — потерянно спросила Камилла

— Да нет, тут все сложнее получилось... — Вике пришлось рассказать подруге всю историю своего позора. Далось ей это нелегко, но раз уж начала говорить «А» пришлось выложить и про «Б». Слушая Вику, Мила все больше и больше мрачнела. Нет, ну какое подлец, а?! Богатенький, смазливенький разбалованный эгоист, не посчитавшийся ни с чувствами девушки, ни с элементарной порядочностью. Вика уже закончила говорить и в номере воцарилась тишина. Камилла еще какое-то время переваривала услышанное. Вот теперь понятно, почему у Вики был тот еще видок, когда они повстречались. Она бы сама на ее месте выглядела раздавленным помидором. Однако сказать что-то было надо, и, желательно, чтобы в этом «что-то» не звучало жалости. Помолчав, Мила, наконец выдала уверенным тоном:

— Знаешь что, подруга? Ты просто закопалась в собственную обиду по самую макушку. С тобой поступили подлейшим образом, а ты и расплылась на целый год? Да любая девушка на твоём месте постаралась бы забыть это, как страшный сон, охмурила бы для поднятия самооценки пару-тройку красавчиков и вообще, держала бы хвост пистолетом. А ты? Ты себя забросила, мать. Да при должном подходе ты легко сможешь сделать из себя девушку с обложки, и тогда этот твой мажорик локти кусать будет! — Выпалив все это единым духом, Камилла испугалась, что Вика обидится, и прощай дружба. Или заплачет, чего очень не хотелось. Но «шоковая терапия» подействовала. Вика покорно согласилась, глядя на нее:

— Ты права, Мил, я в этом болоте по самую маковку. Но выбраться нет сил. И что делать, я не знаю. — последние слова она почти прошептала.

— Зато я знаю: вышибать клин клином — заявила было Вельская, но Вика от нее только отмахнулась.

— Нет, спасибо. Еще один такой «клин» я просто не переживу.

— Ну тогда, хотя бы за себя возьмись. А знаешь что? Приходи ко мне в секцию аэробики. Я же говорила тебе, что работаю тренером в фитнес-клубе. Знаешь, спорт-лучший антидепрессант. А когда отойдешь, то и о клиньях можно будет подумать. Как тебе идея? — состроила довольную мордашку Камилла. Вика только и смогла, что улыбнуться: ну как с такой спорить!

Больше на эту тему они не разговаривали. Остаток отпуска девчонки провели весело, и, по возвращении в Питер, продолжили часто видется. У них даже появилось любимое кафе «Carruchino», что на набережной Обводного канала. Они встречались там два или три раза в неделю после работы. Еще три раза Вика с Милой виделись на занятиях в фитнес-клубе. Вельская была строгим тренером и сгоняла с группы семь потов. Под конец каждого занятия Вика чувствовала себя вареной сосиской и, из последних сил качая пресс, думала, что если и есть на Том Свете ад, то там грешники занимаются аэробикой. Однако усилия не пропадали

даром. Ее 46 размер плавно перетек в 44. Образовалась точеная талия и подтянулась попа. Теперь на Вику восхищенно смотрели практически все встречные мужчины, а на работе даже появилось пару поклонников и целый отдел завистниц. И завидовать было чему. Помимо успеха у мужчин Вика имела успех и в работе. Не прошло и года, как она устроилась в «Колизей», а ей уже стали доверять ответственные проекты. Однако, ни на поклонников, ни на завистников Вика внимания не обращала. На работе она предпочитала поддерживать ровные деловые отношения со всеми сотрудниками от начальника отдела Сергея Владимировича до уборщицы Марьи Петровны.

Иногда по выходным она забегала к Камилле в гости. Та жила с матерью в небольшой «двушке» в районе Кировского Завода. Отца у Вельской не было. То есть, был, конечно, но где-то в прекрасном далеке. Георгий Вельский, поляк по национальности, учился в Ленинграде на врача, а в свободное от учебы время кружил головы местным девчонкам. На последнем курсе он познакомился с мамой Милы Мариной Александровной, был очарован ее голубыми глазами, околдован точеной фигуркой, да так, что женился. Однако, через два года совместной жизни понял, что погорячился с браком, и с началом перестройки подался к себе на родину, в Польшу, оставив здесь жену и маленькую дочь. С тех пор от него не было ни слуху, ни духу. Им еще повезло, что отец Марины Александровны был известным в городе хирургом, так что особо не пришлось бедствовать.

Марине Александровне Вика понравилась с первого взгляда. Так что каждый раз, приходя в гости, она встречала радушный прием. В квартире Вельских Вику с порога обволакивал восхитительный аромат домашней выпечки, а на столе ждала неизменная кружка чая с лимоном. После чая девчонки обыкновенно шли к Миле в комнату и там болтали. Иногда Камилла вытаскивала Вику пройтись по магазинам, заявляя, что с такой хорошей зарплатой, как у Астаховой, грех не побаловать себя обновкой. Причем оказалось, что у Вельской неплохой вкус. По крайней мере, она могла дать Вике дельный совет по поводу одежды.

Вика только вздыхала, думая, как же ей повезло с подружкой. Камилла иногда казалась ей настоящей феей Динь-Динь. За каких-то несколько месяцев она помогла Вике справиться с затяжной депрессией, и даже Димка казался ей далеким воспоминанием, хотя и сидел до сих пор занозой где-то в глубине души.

Так прошел еще год. Как-то Вика поджидала Вельскую в кафе. Мила задерживалась на работе. Вика заказала у подошедшей официантки два капучино и десерт. Ожидая заказ она смотрела на улицу. За окном буйствовал май и весь Питер залило солнечным светом. На душе у Вики стало так легко, как не было уже давно. Она задумалась о чем-то, и даже не обратила внимания на то, как принесли заказ. Не заметила она и парня, что изучал ее из дальнего конца зала вот уже минут двадцать. Не видела, как он встал из-за своего столика и направился к ней. Не заметила, как подошел. И только когда тот заговорил вздрогнула от неожиданности.

— Столько кофе пить вредно для цвета лица, Прекрасная Незнакомка. — Вика нахмурилась и вскинула глаза на подошедшего. Над ней возвышался зеленоглазый блондин в черном джемпере и джинсах. Он хитро щурил глаза, отчего его неприметная физиономия приобретала оригинальный вид.

— А жить вообще бесполезно — отбрила Вика, раздумывая, как бы отделаться от навязчивого внимания. — И кстати, откуда Вы знаете, сколько кофе я пью?

— А я здесь завсегда, и часто наблюдаю за Вами. — блондин бесцеремонно

опустился на стул напротив нее, прежде, чем Вика успела возразить. — Вы здесь с подружкой сидите.

— Отличная осведомленность, только она должна подойти прямо сейчас, так что... — выразительно протянула Вика, намекая на то, что он здесь лишний. Однако наглец и ухом не повел. Более того, он взял Викин стакан с кофе и как ни в чем небывало сделал из него большой глоток:

— Ваше здоровье! — она даже онемела от такой беспардонности. Блондин, тем временем, продолжал. — Ммм... Капучино... на мой вкус слишком приторно... А меня, кстати, зовут Евгений Тихомиров, а Вас?

— Виктория Астахова — она одарила Женю ледяным взглядом. Он вдруг тепло ей улыбнулся и сказал извиняющим тоном:

— Простите меня, Виктория. Вы мне понравились, а как подойти и познакомиться я не знал. Я вообще-то не силен в этикете. Мотаюсь по работе во всякие медвежьи углы, совсем разучился с девушками разговаривать... — Вика почему-то стушеввалась. Впервые ей попался мужчина, который не побоялся ледяного тона и колючего взгляда. А как еще его отшить она не знала. В это время на пороге кафе появилась Камилла...

Вельская подошла к столику и удивленно воззрилась на Женьку. Затем на перевела взгляд на Вику и чуть заметно улыбнулась. Та сделала на Камиллу страшные глаза.

— Здравствуйте, дамы и господа. Я смотрю, что пришла не вовремя — задорно тряхнула кудряшками Мила.

— Нет, мадемуазель, господа откланиваются — включился в игру Женька. — Вот только заполучат у дамы телефончик... — он выразительно посмотрел на Вику, но та отрицательно покачала головой.

— Ну тогда телефон Виктории дам я — неожиданно встряла Камилла. — Записывайте... — и продиктовала Женьке номер, не обращая внимания на испепеляющие Викины взгляды.

— Спасибо, добрая фея — отвесил Женька шутливый поклон. — Приятно было познакомиться, девушки. А вам, Виктория, я, все-таки, позвоню. — Вике ничего не оставалось, как кивнуть.

Как только Тихомиров ушел, Вика накинулась на Милу:

— Ну как ты могла? Продала меня со всеми потрохами первому встречному наглецу!

— Не кипятись, подруга. — примирительно подняла руки Камилла. — Просто засиделась ты в девках.

— Да и пусть бы засиделась — проворчала Вика, чувствуя, как настроение безнадежно испорчено. — зачем было давать ему мой номер? Я же почти его отшила...

— Вот именно, ключевое слово «отшила» — сдвинула бровки Камилла. — А хочешь, я расскажу тебе, что будет дальше, если продолжишь в том же духе? Ты так и будешь одна, брошенная и несчастная побитая собака. А потом, в один прекрасный момент, вернется в твою жизнь херувимчик Черкасов. Весь такой успешный и холеный. Он, конечно, увидит, что ты уже не та пухляшка, которую он знал раньше. И благодаря тому, что твоя попа теперь вполне соответствует высоким модельным стандартам, он сразу же разглядит в тебе и красивые глаза, и богатый внутренний мир, начнет клеиться. А ты растаешь, снова потеряешь голову... И зря. Тобой воспользуются и выкинут. И тогда по твоей истории останется только роман написать. «Танцующая по граблям» называется. Тебе нравится такая перспектива? Мне-нет. Поэтому, вышибай клин клином, пока есть шанс. Тем более, этот твой «юноша бледный со взором горящим» никак не походит на коварного сердцееда — Мила раздраженно передернула плечами и отпила кофе.

Вике стало неловко. Как ни крути, а Камилла-то права. Уж то, что она растечется лужицей перед Черкасовым, начни тот всерьез ее домогаться, было очевидно и для нее самой.

— Извини, Мил — покаянно пробормотала Вика. — Я перегнула палку, но и ты пойми-мне тяжело.

— Я-то, как раз, понимаю тебя, как никто другой. Тоже однажды несчастную любовь проходила. И пока на других парней через силу смотреть не начала, собрать себя в кучу не получалось — вздохнула Камилла. — Но ты мне, пожалуйста, обещай, что не будешь строить из себя королеву Шантеклеру и воротить нос от... Как его, кстати, зовут?

— Евгений Тихомиров — задумчиво протянула Вика.

— Женька, значит? Ну что ж... Будем надеяться, он достойный представитель сильного

пола. И когда на свидание позовет, ты мне обязательно скажи. Я тебя подготовлю. Буду твоей крестной феей — рассмеялась Мила

— Тоже мне, нашла Золушку — поморщилась Вика.

— Ну, так и он-не принц — подмигнула Камилла.

Тихомиров не заставил себя ждать. Уже через пару дней он позвонил Вике и пригласил на свидание в Ботанический Сад. Когда Мила услышала, куда они с Женькой идут, очень удивилась.

— Ооо, оригинал он у тебя, подруга. Нет чтобы в кафе-ресторан, или кино — последний ряд. Но Ботанический сад...

— Знаешь, а я даже рада, что так. Были у меня уже и рестораны, и прогулки по ночной Неве, а закончилось все это ушатом грязи. — вздохнула Вика.

— Ну и алаверды. Пусть это будет добрым знаком — согласилась Мила.

Она принялась колдовать над Викиной прической и макияжем. Через час пыхания и бормотания о том, что «некоторые понаростили тут кос до пояса» Вика была готова. И надо сказать, что результат того стоил. Перед зеркалом сидела та самая девушка с обложки, о которой Камилла говорила Вике на отдыхе. Вельская осталась довольна. Да и Тихомиров тоже.

Он встретил Вику у входа в Ботанический Сад и некоторое время просто молча смотрел на нее восхищенным взглядом. Пауза затягивалась, и Вике стало неловко.

— Что, все так плохо? — спросила она с нервным смешком.

— Да нет, как раз, не ожидал, что все будет так хорошо. — пробормотал Тихомиров

— А, значит, наоборот, труд стилиста сделал из обезьяны человека? — сиронизировала Вика.

— Злая ты, Виктория — укоризненно покачал головой Женька. — Надо будет тебя пирожными накормить, чтобы подобрела.

— Если каждый раз кормить меня пирожными, я сама стану пончиком, и вряд ли кто-нибудь на меня посмотрит — отшутилась Вика. Женина манера выдавать неожиданные идеи начала ей нравиться.

— Да я бы тогда тебя круглые сутки пирожными кормил. Ты бы стала толстой, как колобок, и тогда я бы смог на тебе жениться спокойно, не боясь конкуренции — Вика посмотрела на Женю, силясь понять, шутит он или говорит серьезно. Однако в темно-зеленых глазах трудно было что-то прочесть. Чтобы скрыть смущение, она спросила:

— А мы уже на «ты»? Я как-то пропустила этот момент...

— А чего церемониться? Ты не находишь, что «выкать» на первом свидании уже слегка ммм... старомодно? — блеснул хитрыми глазами Женька

— Ну ладно — сдалась она. — Раз такое дело, Жень, скажи мне, пожалуйста, почему именно Ботанический Сад? — перевела она разговор

— Ну, в кафе тебя вести еще рано — первое свидание все-таки. Познакомиться надо. В кино, тем более, еще не время, а то напридумываешь себе, что я маньяк какой — рассмеялся он. — А вот в Ботаническом Саду каждый год в начале мая происходит маленькое чудо. И вот его-то я тебе и намереваюсь показать в честь нашего знакомства. Идем...

Они прошли внутрь. По аллеям, окруженным экзотическими растениями. Мимс оранжерей и теплиц к Японскому саду, где в воздухе был разлит удивительный аромат. Вика даже замерла на минуту, увидев перед собой целую аллею цветущих сакур.

— Откуда... Прямо как в Японии, — потрясенно выдохнула она.

— Нравится? — гордо спросил Тихомиров

— Еще бы! Побывать в Японии всегда было моей мечтой. А здесь прямо как в Стране Восходящего Солнца! Только пагоды не хватает... Я обожаю японскую архитектуру. Она так гармонично вписывается в окружающую природу, что кажется, будто это и не люди построили...

— А ты, значит, архитектурой интересуешься?

— Да. С детства бредила профессией архитектора. Мечтала строить города.

— И как, удалось воплотить мечту всей жизни?

— Удалось. Я окончила ГАСУ и сейчас архитектор в компании «Колизей». Слышал о такой? А ты кем работаешь?

— Да, приходилось слышать. Ну, а я конструирую станки для заводов. И называется моя профессия прозаичнее твоей: инженер — разработчик. И название моего НИИ вряд ли что тебе скажет...

Они проболтали часа два. Женька оказался очень интересным собеседником и довольно необычным человеком. Его манера общения была на грани фамильярности, но он эту самую грань тонко чувствовал, и никогда не переходил. Вика даже позабыла свою обычную замкнутость. Так что, когда на следующий день Мила пристала к ней, требуя подробностей свидания, Вика довольно долго рассказывала ей о новом знакомом. Женьке было тридцать пять лет, десять из которых он посвятил НИИ с непроизносимой аббревиатурой в названии. Однако он не был чисто ученым, да и зарплаты в этом НИИ были на порядок выше, чем в науке в целом. Отчасти, это объяснялось востребованностью среди покупателей, отчасти наукоемкостью технологий, в которые государство с недавнего времени принялось усиленно вкладываться. Так или иначе, но Тихомирова все в его работе устраивало, кроме, пожалуй, бесконечных командировок, которые ему порядком осточертели. Так что он даже подумывал уйти в одну из многочисленных частных фирм по выпуску серийного оборудования, но, пока не решался. Камилла нетерпеливо махнула рукой:

— С его достатком все понятно — не бедствует. Ты мне главное расскажи: про его семью. Разведен, небось?

— Да нет. Он никогда не был женат. Детей тоже нет. Так что из семьи у него только мама с папой, да бабушка. Живут под Питером. А у него здесь квартира где-то на окраине города — пожалала плечами Вика.

— Таак, а вот это подозрительно — прищурилась Мила. — Он же не мужик, а золото, по твоим рассказам, а семьи нет. Что так?

— Ну зачем сразу-подозрительно? — почему-то обиделась за Тихомирова Вика. — Он просто 6 месяцев в год в разъездах. Тут как-то не до нормальной семьи, да и история какая-то нхорошая с любимой девушкой в прошлом вышла. Он мне рассказывать не стал, да я и не влезала ему в душу.

— Ну-ну — хмыкнула Мила и почему-то улыбнулась, глядя на Вику.

С того дня они стали видаться с Женькой практически каждый день. Тихомиров не умел красиво ухаживать и даже комплименты в его исполнении больше походили на поддразнивания. Но Вике это нравилось гораздо больше. Скорее всего, потому, что такие отношения кардинально отличались от того, что было у нее с Черкасовым. Женька не пытался ее очаровывать, не распускал рук, да и вообще, производил впечатление серьезного и надежного мужчины.

Они встречались во время обеда или по вечерам. Камилла притворно ворчала о том, что все ее позабыли и позабросили, но про себя радовалась за Вику. Та, казалось, наконец-то стала счастливой. Теперь Мила частенько выслушивала о том, какой Женька шутник, или о том, куда он водил ее в очередное свидание. В общем, по всему казалось, что Вика влюбилась. Она и сама так думала, но, почему-то, боялась признаться в этом Женьке. А тот даже не скрывал своего к ней отношения. И уже несколько раз говорил ей о своей любви. Правда, в своей ироничной манере. То скажет, что любит ее больше собственного компьютера. Ей Богу! Век сладкого не есть. То прочитает с самым серьезным видом какое-нибудь невозможное стихотворение. Что-то вроде:

Ох, попал я в переплет!

Мне шашлык не лезет в рот,

Шаверма не хороша

Без тебя, моя душа.

А один раз даже луну с неба подарить пообещал, правда, поставил условие, что Вика сама ее мыть будет. Она только раздраженно отмахивалась от его кривляний, а в душе веселилась. Женька притворно удивлялся ее раздражению: какие же свидания без признаний в любви? Так прошло два месяца. Все это время ей не давал покоя один вопрос. Однажды она все же собралась с духом спросила Тихомирова:

— Жень, а почему, все-таки, я?

— Почему я тогда подошел к тебе познакомиться, хочешь сказать? — с Тихомирова разом слетел обычный шутовской тон. Они стояли рядом с домом, где Вика вот уже два года снимала квартиру. По правде говоря, она тут же пожалела, что спросила. Лучше было бы, если бы она просто пошла спать. Вика понимала, что сейчас последует настоящее, не шутовское, признание в любви. И ей тоже надо будет отвечать. Так оно и вышло.

— Понимаешь, Вик. Когда я тебя в кафе впервые увидел... Ты мне, почему-то, до боли напомнила мою давнюю любовь... Прости, что так говорю. Просто однажды я уже потерял замечательную девушку. Дурак был, прошляпил... А потом узнал, что она умерла... Я тогда в работу ушел с головой, а вынырнул, только когда тебя повстречал...

— А потом? — выдохнула Вика

— А потом, в Ботаническом Саду, увидел, что ты абсолютно другая — он осторожно протянул руку к ее щеке и заправил за ухо выбивуюся из прически прядку. Такая красивая... Я тогда про себя позавидовал твоему будущему мужу. И про пирожные я вполне серьезно говорил. Я бы дорого дал, чтобы ты была моей, колючая колючка Вика Астахова. Я тебя люблю. — Он беспомощно смотрел на Вику и, очевидно, ожидал ответа.

— И я, кажется... — она не договорила, потому, что Женька стиснул ее в объятьях так, что казалось, воздуха в груди не осталось и принялся целовать. Прошла минута, а может

десять, когда он, оторвавшись, прошептал ей в ушко:

— Позовешь к себе?

— А пойдём... — согласилась Вика, как в омут с головой бросилась...

Потом она рассказывала об этом Миле и сама удивлялась. Поцелуи Женьки были совсем не похожи на то, что она ощущала с Черкасовым. Не было ни парения над землей, ни бабочек в животе, просто впервые она чувствовала себя в мужских объятьях спокойно и уверенно, как за каменной стеной. А еще была твердая убежденность, что так и должно быть. Камилла слушала, мечтательно прикрыв глаза.

— Мммм... Вот это мне нравится, подруга. Давно бы так, а то: «Почти отшила-почти отшила». Ты на свадьбу-то позовешь? Все-таки, я, можно сказать, крестная мать ваших с ним отношений...

— Какая свадьба! — сделала круглые глаза Вика.

— Ну как, после всего, что между вами было, ты, как честная девушка, просто обязана на нем жениться — прыснула Мила, заработав укоризненный взгляд подруги.

Однако оказалось, что Женька был совсем не прочь такой идеи. По крайней мере, через две недели он отвез ее к родителям и представил своей невестой. Вика очень боялась произвести невыгодное впечатление, но и отец, и мать Женьки, не говоря уже о бабушке, единодушно решили, что лучшей партии ему и не найти. Обрадовались и Викины родители. Они уже, по правде говоря, отчаялись заставить дочь смотреть на парней. Мать правда, беспокоилась, что жених на целых 11 лет старше дочери, но личная встреча растопила ее сердце окончательно и бесповоротно.

Предложение Тихомиров сделал Вике в начале октября, сразу после очередной затяжной командировки в Нижний Новгород. Тогда впервые они расстались так надолго — целых два месяца Вика провела без Женьки. У того случилась накладка из-за заказчика, и пришлось потратить на разруливание лишние 4 недели. Вика очень скучала. Она привыкла к тому, что Женька постоянно рядом. Однако делать было нечего: пока он пахал в родном НИИ, к его разъездам оставалось только привыкнуть. Хорошо еще, что рядом была Камилла, а то бы Вика совсем зачахла.

Она не ожидала, что Тихомиров заговорит о свадьбе так быстро. По сути, они были знакомы меньше полугода. Но Женька на все ее опасения просто махнул рукой, сказав, что в старину женились вообще не зная друг друга, и жили долго.

— Нет, ну если ты сомневаешься, я дам тебе подумать минут пять — состроил он великодушную мину.

— Какой щедрый — иронически наморщила носик Вика. — Ладно, Тихомиров, я согласна.

— Только имей в виду: я уже старею и хочу успеть заделать по крайней мере, троих детишек. И чтобы были погодками — подмигнул он.

— Да куда уж я от тебя? — вздохнула Вика...

Свадьбу запланировали на июль, чтобы сразу после нее уехать в медовый месяц в Хорватию. А пока Тихомиров усиленно убеждал Вику переехать к нему. Однако та проупрямилась почти самого Нового Года. И только в конце декабря они съехались.

За то время, которое Вика была знакома с Женькой, она, наконец, почувствовала себя нормальной девушкой. Любящей и любимой. Она иногда спрашивала сама себя, не сон ли это, и даже пыталась себя ущипнуть. Но это происходило наяву. Каждую ночь ее обнимал живой и теплый Женька, каждый день она ходила на любимую работу, а по вечерам забегала

навестить лучшую подругу, у которой в личной жизни тоже наметился прорыв. И теперь уже Вика выслушивала дифирамбы некоему Максиму в исполнении подруги. Абсолютное счастье омрачалось только периодическими командировками Женьки в города и веси необъятной Родины.

В последний раз перед отпуском Женька уехал в командировку 1 мая. Опять потянулись однообразные дни и звонки в «скайпе» по вечерам. На этот раз, Тихомирова отправили в Екатеринбург, так что приходилось подстраиваться под разницу во времени.

Срок командировки уже подходил к концу, когда Тихомиров неожиданно встретил Черкасова. Тот приехал сюда заключать какую-то архиважную сделку. За тот год, что Женька его не видел, Дима заметно возмужал. Раньше он был просто великовозрастным мальчиком, этаким слащавым принцем — мечтой юных девушек. А теперь он превратился в уверенного в себе мужчину, который знает чего хочет и добивается поставленной цели.

Димка обрадовался приятелю и затащил его в бар выпить пива. Черкасов рассказывал ему, что еще на год тогда застрял на Севере, а потом отец после короткого отпуска отправил его на полгода за границу, перенимать опыт зарубежных партнеров. А теперь в начале июня, наконец-то, возвращается в Питер.

— Оо! Тогда приходи в гости. Я тебя с будущей женой познакомлю. Вах, красивая дэвушка она у меня. — обрадовался Тихомиров

— Поздравляю, друг! И когда же свадьба? — просиял Димка — Мне уже не терпится познакомиться

— В июле, а потом махнем отдыхать в Хорватию.

— На свадьбу-то позовешь? — подмигнул Черкасов

— Всенепременно!

Накануне приезда Женьки Вике плохо спалось. Снилось всякая дребедень, и она постоянно просыпалась. Наконец, под утро, ей удалось крепко уснуть. Вике приснилось, будто стоит она в подвенечном платье рядом с ЗАГСом. На крыльце, прямо перед ней — Женька. Он улыбается и протягивает ей руки. Говорит что-то ласковое. Вика хочет сделать шаг навстречу ему, но тут слышит за спиной визг автомобильных шин. Она оборачивается и замирает: Сквозь толпу гостей к ней решительным шагом направляется Черкасов. Он молча, по-хозяйски берет ее за руку и тащит за собой прочь. Вика упирается, оборачивается на Женьку, но остановить Диму ей не под силу. Тихомиров срывается с места, и догоняет их. Он дергает Вику за руку, стараясь удержать. Однако Черкасов и не думает ее отпускать. Так они оба и перетягивают ее из стороны в сторону на глазах у изумленных гостей, пока Вика не начинает кричать от боли.... Проснулась она вся в слезах и с колотящимся сердцем. Встала, и, пытаясь унять волнение, прошла на кухню. Налила стакан воды. В окно уже всю светило утреннее солнце. Пора собираться на работу, а она так и стояла, глядя в одну точку невидящими глазами. К чему все это снилось? Черкасов ушел в прошлое, и до сих пор не напоминал о себе, с того самого момента, как в ее жизни появился Женька. Так и не найдя причины, Вика списала все на игры подсознания, передала мысленно привет дедушке Фрейду и стала собираться на работу. Однако день у нее явно не задался. Вика чуть не опоздала, а после ежедневной планерки была вызвана к начальнику отдела. Тот с траурным видом сообщил ей, что она должна принять на доработку проект, с которым не справился ее коллега. Точнее, все его предложения так и не устроили заказчика. Так что детали она может разузнать прямо у своего соседа по кабинету. Потом подумал и добавил все тем же траурным тоном, что на кону огромная прибыль, и если заказчик уйдет, то из их отдела в «Колизее» не останется ни одного специалиста, ибо Генеральный будет в бешенстве. Тут его прервал телефонный звонок и он сказал, что вызовет Вику позже.

Она вернулась к себе за стол в расстроенных чувствах. Фактически, ей навязали заведомо проигрышное дело. О нем месяц назад не говорил в их компании только ленивый. Инвестиционный фонд «Юнион Групп» вознамерился вложиться в гостиничный бизнес города и построить пятизвездочный отельный комплекс на берегу Финского залива. Сделка обещала миллиардные прибыли, и проект поручили одному из лучших и опытнейших архитекторов их отдела — Николаю Владимировичу Долгопрудову. Тот был известен оригинальным подходом к каждой своей работе. Так что, за двадцать лет трудовой деятельности имел одни только благодарности. Однако в этот раз попался норовистый заказчик. Из скупых комментариев Долгопрудова всем было ясно, что работать он вынужден с дураком, который ни на пол носа не смыслит в архитектуре. То ли руководство инвестиционного фонда никогда раньше не имело дела со строительством, то ли просто подобрало некомпетентного специалиста, ответственного за принятие проекта, но все то, что предлагал Николай Владимирович, отметалось.

Весь кабинет слушал жалобы Долгопрудова с сочувствием, и каждый тихо радовался про себя, что не ему выпала «честь» верстать чертежи для «Юнион групп». Время шло, а архитектор и заказчик никак не могли договориться между собой. Сроки горели, сделка висела на волоске. Наконец, Генеральный, рассудив, что клиент всегда прав, отстранил Долгопрудова и потребовал в кратчайшие сроки переработать проект, так, чтобы наконец,

он всех устроил.

С полчаса Вика пыталась придумать, как бы поделикатнее поговорить с Николаем Владимировичем. Но мысли упорно вертелись вокруг собственных перспектив. Это слишком непосильная ноша для молодого специалиста — отвечать за карьеру восьмерых высококлассных архитекторов, в том числе, и за свою собственную... Наконец, ее размышления были прерваны самим Долгопрудовым. За этот месяц он сильно сдал. А после вчерашнего отстранения и вовсе походил на больного человека. Хотя, Вика могла поспорить, что так оно и было.

— Ну что, Викусь, примерь и ты на себя кресло камикадзе горько усмехнулся он

— Николай Владимирович, я...

— Да знаю я все — перебил Долгопрудов — знаю, и не сержусь на тебя. Более того, мне тебя очень жаль, девочка моя. Угодить этому Опарину, не к ночи будь помянут...

— Что конкретно ему не нравится? — решила взять Вика быка за рога

— Ему не нравится все — процедил он. — От строительного материала, до формы и размера окон. Финансист, блин... Говорит, что такие отели строить нерентабельно. Что бы он о рентабельности знал!

— Могу я посмотреть проект? — попросила Вика

— Да, конечно, изучай на здоровье — безнадежно махнул рукой Долгопрудов и положил ей на стол кипу бумаг.

Вика углубилась в проект, и, чем дальше она его штудировала, тем больше им восхищалась. Здесь было нечего добавить, или убрать. Это было гармонично, цельно, можно даже сказать, талантливо. Переработка проекта означала создание новой концепции и ее детальной проработки, что за оставшийся до конца срока месяц, сделать было невозможно. Вика отчаянно пыталась найти выход из положения, но ничего не шло в голову. Наконец она решила, что просто еще раз поговорит с этим Опариним и продавит замысел Долгопрудова. Это было архисложной задачей, но проще, чем начинать все с нуля.

Начальник вызвал ее к себе лишь за двадцать минут до конца рабочего дня. Вид у него был еще более несчастный, чем утром, и Вика простила ему это. Они долго спорили по поводу изменений в проекте, но он, в конце-концов, сдался и согласился, что сначала нужно попробовать уговорить заказчика, и лишь затем шевелиться в сторону изменений.

После безумного рабочего дня Вика, в довершение всех бед, еще и опоздала в аэропорт встречать Женьку. Так что позвонила ему еще с работы и расстроенным голосом попросила не ждать ее, а ехать прямо домой.

— Что случилось у моего сладкого крокодила? — весело поинтересовался Женька.

— Ой, Жень, не спрашивай. Я тебе дома все расскажу, ладно? — всхлипнула Вика

Она открыла входную дверь и тут же оказалась в объятьях Тихомирова. Он крепко прижал ее к себе и стал целовать лицо.

— Я по тебе соскучился, а ты пришла, как колючий ежик, обьевшийся кактусов. — протянул он. — Что случилось?

— Ох, Жень. Попала я на работе на расстрельный проект... Заказчик воротит нос от наших предложений. Генеральный грозит увольнять, если сделка сорвется... Времени мало...

— Тююю, ну уволят тебя, ну и наплюешь. Неизвестно еще, кто от этого проиграет: ты или эта твоя контора. Не бери в голову — махнул рукой Женька. — Давай мы лучше завтра с тобой заявление подадим, пока нашу дату еще не застолбили?

— А давай. — согласилась Вика, предвкушая, что потом ей вообще будет не до чего с этими чертежами. Хорошо еще, что Камилла вызвалась всемерно содействовать подготовке.

На следующий день они отправились в ЗАГС. Вика отпросилась с работы на три часа и не зря. Очередь из желающих была предлинной. Работница ЗАГСа долго выискивала им свободное время на желаемую дату и, наконец, объявила, что на 7 июля есть только запись на 16.00. Поздновато, конечно, но они согласились.

Тем же вечером, сразу после работы, Вика позвонила Миле и поделилась радостной новостью:

— Поздравляю, Солнце! А кто свидетельница? — просияла Мила

— Да есть тут одна, знаешь, ли, девушка Камилла...

— Я согласна. — захихикала подруга

— Только, Мил, будь другом, помоги с организацией, а? На работе завал... — жалобно протянула Вика.

— Умеешь ты уговаривать! Ладно уж, помогу. Давай пересечемся с тобой на неделе, и все обсудим. Ты когда сможешь?

— Ну, скорее всего, в четверг вечером...

— Отлично! Тогда в нашем кафе в 20 00. - назначила Мила

Черкасов прилетел в Питер в воскресенье вечером. Он даже не позвонил отцу, рассудив, что все равно завтра пойдет к нему отчитываться о проделанной работе. А пока хотелось расслабиться и отдохнуть. Димка зашел к себе в квартиру и сразу направился в душ. Потом он долго сидел на диване в гостиной, отключив голову и закрыв глаза. Димка научился сбрасывать таким образом напряжение.

Он давно уже привык к сумасшедшему темпу работы. После Ковдора, где Димка пахал без отпусков, отец отправил его в Германию. Разрешил, правда, две недели отдохнуть, чему Черкасов был несказанно рад. Радость, однако, сильно омрачалась тем, что Вику он так и не смог отыскать. Единственное, что ему твердо удалось разузнать — она окончила ГАСУ с красным дипломом. Его это немного обнадежило. Раз так, то она была жива и здорова. Значит, рано или поздно, Димка ее разыщет.

В Ницце, куда он прилетел развеяться, было полно красивых девушек, однако ему даже смотреть не хотелось в их сторону. Черт знает, то ли отвык за два года в глуши от женского общества, то ли вправду неровно дышал к Вике, но не тянуло знакомиться. Более того, по вечерам он стал все чаще и чаще думать о ней. Какой Вика стала? Чем живет, где работает? Почему, черт возьми, исчезла тогда так внезапно? Есть ли у нее кто? Последний вопрос всегда вызывал глухое раздражение. Стоило только представить, что какой-нибудь придурок лапает ЕГО Вику... Об этом Черкасов старался не думать. Да, Викуся... Похоже, она действительно была его женщиной.

Потом была Германия. Черкасов старательно учился новомодному течению в управлении производством у давнего партнера отца — герра Хельмута, и, надо сказать, весьма успешно. По крайней мере, герр Хельмут остался доволен своим учеником.

На следующий день Черкасов-старший хмуро выслушал об успешно заключенной сделке и сухо похвалил Димку. Он был определенно, чем-то недоволен. В кабинете повисла тишина, и Димка не торопился спрашивать, в чем дело. Он прекрасно понимал, что Виктор Григорьевич и сам все выскажет, если посчитает нужным. Та оно и вышло.

— Ты, сынок, хорошо поработал в Екатеринбурге. Но я туда тебя, видимо не вовремя отправил. Надо было послать кого-нибудь другого.

— А в чем дело? — потер Димка лоб

— Да видишь ли, в прошлом году мы вложились в инвестиционный фонд «Юнион групп». Там три крупных банка, наша и еще пара топливных компаний. В данный момент этот фонд вкладывается в строительство элитных отелей в Питере. Проект был отдан компании «Колизей». Однако этот идиот, Тамашевский, назначил ответственным за работу с подрядчиком некоего Опарина Ивана Максимовича. И тот уже дважды заворачивал колизеевский проект. Не верит, что нельзя построить дешевле. На кону миллиарды. А он копейки считает... В общем так, сын, я подсуетился, и руководство фонда назначает тебя ответственным за эту канитель. У тебя и образование подходящее, и уболтать ты сможешь кого угодно. Разберись, что там такое...

Димка вздохнул. Иногда он напоминал сам себе лошадь, которую тем больше нагружают, чем быстрее она везет. Однако, делать было нечего.

— Хорошо, Виктор Григорьевич, я посмотрю, в чем дело...

Конец недели выдался для Вики просто кошмарным: ее прошлое вернулось и напомнило о себе самым жестоким образом. Почти забытое воспоминание — Дмитрий Черкасов, собственной персоной, воплотилось в ее счастливой реальности. За что ей это все, а? Почему, как только у нее в жизни все наладилось, небесная канцелярия снова тыкнула Вику носом в ту давнюю грязную лужу? В довершении всех бед, в пятницу ее вызвал начальник отдела и сообщил, что в понедельник вечером у них будет деловой ужин с заказчиком клятого проекта. Там будет присутствовать сам Генеральный, ну и они с Викой. Так что нужно хорошенько подготовиться. Вика тяжело вздохнула: даже если ничего не менять, «хорошо подготовиться» означало заново пересмотреть всю документацию и отметить самые спорные вопросы. А это, как раз, еще два дня кропотливой работы. Ей только и оставалось, что согласиться и отправиться к себе работать с бумагами.

В понедельник к 6 часам вечера Вика едва успела закончить проработку расчетов. Чувствовала она себя на редкость гадостно. Ей было страшно от того, что сегодня на кону ее карьера в «Колизее». Сергей Владимирович зашел к ней в кабинет в пять минут седьмого и объявил, что пора ехать. Они спустились к выходу и сели в черный «Лексус». На переднем сидении рядом с водителем уже занял место Борис Алексеевич Максимов, или Генеральный, как его все в компании звали за глаза. Это был немолодой властный мужчина с седым ежиком волос и пристальным взглядом карих глаз. Своей манерой держаться он напоминал Вике Черкасова-старшего. «И опять этот придурок лезет в голову! Стоило только раз увидеть.» — горько подумала она. Самое противное было то, что сейчас она любила Женьку, а вот, поди ж ты... В голове постоянно вертелся Черкасов, с той самой встречи в четверг, пропади она пропадом! За своими невеселыми мыслями, Вика не заметила, как они подъехали к ресторану.

У входа, как и положено, их встретил администратор. Он поздоровался и проводил их к столику, где уже сидели двое мужчин. Один из них повернулся в их сторону и приветливо кивнул. Другой углубился в изучение меню. Вике было настолько страшно, что она беспрерывно смотрела себе под ноги. Подняла глаза только тогда, когда ей представили сидевших за столом.

— Знакомьтесь господа — пророкотал Генеральный. — Единственная дама среди нас: самый молодой, но, не побоюсь этого слова, талантливейший архитектор «Колизея» Виктория Астахова. Виктория, позвольте Вам представить Валерия Евгеньевича

Томашевского — председателя инвестиционного фонда «Юнион групп» — он показал на мужчину, который им кивал — и человека, который впредь будет с Вами работать по этому проекту самым тесным образом... — Вика перевела взгляд на второго сидящего и обомлела. Это был Димка и он уже смотрел на нее, просто пожирая взглядом. — Дмитрия Викторовича Черкасова...

Димка смотрел на Вику, застывшую рядом с Максимовым и не верил своим глазам. Похоже Рождество для него наступило прямо в начале июня и уже успело засыпать чудесами. Он и не рассчитывал на подобный подарок судьбы: так быстро найти ее. Черкасов плохо воспринимал то, что ему говорил генеральный директор «Колизея», почти перестал улавливать смысл беседы за столом, а в голове билась только одна мысль: «Она рядом». Сердце колотилось, как бешеное, руки дрожали мелкой дрожью. Димке пришлось совершить невероятное усилие, чтобы взять себя в руки. Он даже почти уговорил себя не смотреть на нее. Со стороны, это, должно быть, выглядело очень неприлично. Черкасов уставился в тарелку и с подчеркнутым равнодушием ковырялся в заказанном ужине. Однако, нет-нет да поглядывал на сидящую напротив Вику жадными глазами.

Та же, наоборот, сидела, ни на кого не глядя, потягивала их бокала минеральную воду и совсем не притронулась к еде. Изредка она вставляла в разговор отдельные замечания по поводу проекта отелей, чем вызывала неумные восторги Томашевского, который, похоже, совсем растаял от такого сочетания таланта и больших серых глаз. Нет, ну почему он так на нее пялится? Это надо прекращать!

— Так в чем собственно была проблема, Виктория? — подловил он момент в разговоре. Вика повернулась к нему, и, глядя ничего не выражающим взглядом в лицо Черкасова бесстрастно проговорила:

— Там, Дмитрий Викторович, дело было в смете. Видите ли... Вашу сторону не устраивает сметная стоимость предложенного нами проекта и я хотела бы обсудить с Вами спорные моменты. Необходимо прийти к какому-то решению, иначе сделка сорвется.

— Мы обязательно все обсудим в рабочем порядке — улыбнулся Черкасов

— Вот это дельные слова, Дмитрий Викторович. Ваш подход к работе мне очень нравится — одобрительно кивнул Максимов.

— Ну и славненько. Талантливый архитектор и талантливый управленец помогут разрешить наш маленький спор к всеобщей выгоде — подобострастно улыбнулся Вике Томашевский.

— Надеюсь на это — холодно посмотрел на него Максимов. Ему очень не нравился этот человек. «Скользкий тип!» — неприязненно отметил про себя он, жалея, что приходится работать с такими партнерами.

В это время зал ресторана погрузился в полутьму и на импровизированной полукруглой сцене появился небольшой оркестр из пяти человек: пианист, гитарист, барабанщик, саксофонист и солист. Он подошел к микрофону:

— Добрый вечер, дорогие друзья. Сегодня в нашем ресторане удивительно теплая и романтическая атмосфера. Позвольте поддержать ее хорошими песнями. Итак, кавалеры, приглашайте дам! — заиграла медленная мелодичная музыка и пространство а центре зала заполнили образовавшиеся пары. Не долго думая, Черкасов вышел из-за стола, и, почтительно склонившись перед Викой смиренно проговорил:

— Позвольте пригласить самую прекрасную девушку на медленный танец...

Черкасов протянул ей руку, ожидая согласия. Вика задохнулась. Пока они просто сидели друг напротив друга, ей еще удавалось сохранить какое-то подобие спокойствия. Но на танец ее самообладания точно не хватит. Однако отступить было некуда. Если на сейчас

откажется, то поставит под удар и саму сделку (она, ведь, теперь только от Черкасова зависит), и судьбу отдела, да, в конце-концов, просто нет повода отказать. Злясь на себя и Черкасова, она нашла в себе силы кивнуть и пройти на негнущихся ногах в центр танцпола. Звучала песня Криса де Бурга:

I've never seen you looking so lovely as you did tonight
I've never seen you shine so bright
I've never seen so many men ask you if you wanted to dance
They're looking for a little romance, give'em half a chance...

Черкасов обвил ее талию руками и прижал к себе намного крепче положенных приличий. От ее одежды и волос шел упоительный сладковато-горьковатый запах духов. Димка зажмурился и вдохнул поглубже, наслаждаясь им. Захотелось зарыться ей в волосы, крепко поцеловать и больше никогда не отпускать. Хотелось так, что жгло пальцы и темнело в глазах. Но из-за дальнего столика на них смотрели воротилы питерского бизнеса и под их хитрыми взглядами максимум, что мог позволить себе Черкасов, это склониться к ее лицу и, мазнув губами по виску прошептать:

— Где ты была столько времени? Я тебя искал...

— Значит так искал, что не смог найти... Я никуда не девалась. — огрызнулась Вика. Ей очень не нравилась реакция собственного тела на Черкасова. Ему, телу, было наплевать на ее наладившуюся жизнь, на надежного Женьку и подлость Димки. Тело обмякло в его крепких объятьях и отзывалась дрожью на каждое касание, на то, как проводит рукой вдоль ее спины под распущенными волосами, на то, как прижимается губами к виску... Она злилась, что так и не смогла до конца выкинуть Димку из головы и теперь он это явно ощущает.

— Почему ты тогда исчезла? — выдохнул Черкасов

— Потому, что мне так захотелось — нарочито медленно выговорила она. Не хватало еще, чтобы этот придурок заметил, что ее голос дрожит

— Врешь... Тебе мой папаша наговорил всякой ереси, а ты и поверила, да? — тихо спросил он. Вика истерически хихикнула. Неужели он до сих пор не понял? Тем лучше!

— Дима, ты же умный мальчик, и сам все объяснил... Зачем тогда было спрашивать? — подняла она на него глаза.

— А ты кусачая стала, Виктория — внимательно посмотрел на нее Димка. Она обижена? А чего он, собственно, ожидал? Димка, ведь, тогда ничего ей не объяснил. Однако сейчас ему выпал шанс все поправить. И уж теперь-то точно Димка своего не упустит!

— Жизнь научила, Димочка — Вика собрала волю в кулак и отстранилась от него — Нам пора за столик. Музыка закончилась.

Тяжело вздохнув, Димка проводил ее обратно. Он старался не обращать внимания на ехидные взгляды Томашевского. Пусть этот павлин думает себе, что хочет. Он не в состоянии испортить Черкасову такой прекрасный вечер. А вечер, меж тем, близился к завершению. Вика нервно поглядывала на изящные наручные часики. Наконец, Максимов заметил ее нервозность и счел за благо отпустить ценного сотрудника домой.

— Ну что же, я надеюсь, что теперь все будет в порядке — обвел он взглядом присутствующих — за сим, позвольте откланяться. Завтра будет рабочий день, и нам всем не мешало бы как следует отдохнуть...

Пятнадцать минут спустя представители компании «Колизей» все вместе вышли из

ресторана. Вика уже успела позвонить Женьке и тот ожидал ее на другой стороне улицы рядом с машиной. Она попрощалась с начальством, и на ватных ногах пошла к нему. В голове беспорядочно носились мысли, и Вика даже не осознавала, о чем думала в этот момент. Женька сочувственно улыбнулся ей, обнял и крепко поцеловал. И снова Вике показалось, что это как-то неправильно. Будто она в чем-то обманывает Тихомирова. Она совершенно запуталась в происходящем. Почему с таким трудом налаженная жизнь летит коту под хвост, стоило только появиться Черкасову? Неужели она все еще его любит? Ей нужно срочно встретиться с Камиллой. У той просто талант давать дельные советы и наставлять на путь истинный. Решено. Вика завтра же ей позвонит. Погруженная в свои мысли, она даже не сразу услышала, что Женька о чем-то спрашивает.

— Прости, что ты сказал? — очнулась Вика

— Ооо! Уже ничего. — рассмеялся Женька — вижу, ты очень устала. Нельзя столько работать, Вика. А то, неровен час, еще и собственную свадьбу проспичь.

— Ой, Жень, голова гудит и ни одной целой мысли в мозгу не осталось — устало улыбнулась она...

Черкасов остался в ресторане вместе с Томашевским. Нужно было обсудить перспективы дальнейшей работы с «Колизеем» с глазу на глаз. Какое-то время после ухода архитекторов он просто смотрел в окно. Занятие это было малоперспективное: обзор частично закрывался тентом у входной двери. Он хотел было уже отвернуться, но вдруг увидел, как Вика перешла на другую сторону улицы и остановилась у серой иномарки. Около автомобиля ее уже ждал какой-то парень, разглядеть которого Димке как следует не удалось. Однако в следующий момент ему уже было это не важно: Черкасов увидел как тот тип ее поцеловал. Кровь бросилась Димке в голову. Черкасов так сжал в руке бокал с вином, что тот треснул. «Жених, значит? Нет, Викуся, теперь уж я тебя никуда не отпущу. И не надейся!»

— Ну у тебя и видок, подруга. Ты кого хоронила? — удивленно рассматривала Вику Камилла

— Типун тебе на язык, Милка — всхлипнула она. Сидела перед Вельской в кафе бледная с трясущимися губами и мешками под глазами. Она всю ночь не спала и насилу дождалась вечера, чтобы встретиться с Камиллой.

— Ладно, рассказывай, что там у тебя? — нахмурилась та — По глазам вижу: что-то серьезное.

— Помнишь я рассказывала тебе, что столкнулась с Черкасовым?

— Тааак, дай угадаю. Гробик на колесиках нашел твою квартиру? — сыронизировала Вельская

— Милка! — Викин голос зазвенел от обиды

— Ладно-ладно! Прости паразитку. Вырвалось... — примирительно замахала руками Камилла

— Ну, в общем, получилось так, что теперь моя карьера в «Колизее» зависит от него. Гробик на колесиках нашел мою работу и теперь будет работать со мной.

— Очешуеть! — выдохнула Мила. — Это каким же образом?

— Помнишь тот проект, который мне навялило руководство?

— От которого зависит жизнь, судьба и просто карьера?

— Он самый. Так вот. Принимает проект Черкасов. Фирма его отца входит в это чертов инвестиционный фонд! — Вика нервно комкала в руках салфетку.

— Вот... Чтоб дождь его замочил! — нахмурилась Мила. — И что? Чинит препоны?

— Нет, вспомнил молодость и стал клеиться — у Вики снова задрожали губы

— О! Все как я и говорила про аппетитную попку и богатый внутренний мир. Ну а ты? Надеюсь, послала его в пень?

— Какой там пень! Я готова повеситься на него, как мартовская кошка. Хорошо еще, что пока держу себя в руках.

— Ну, знаешь, подруга! — фыркнула Камилла — А как же Женька, свадьба и гениальные организаторские способности лучшей подруги?

— Никто ничего не отменял и не отменяет. Просто... Тяжело мне, Милка — разрыдалась Вика- Смотришь Женьке в глаза, обнимать, целовать, а думать про этого уroda... Думала — забыла... думала — ненавижу, а вот, как обернулось...

— Подожди. Я не поняла. Ты что, осознала, что не любишь Женьку, а любишь Черкасова? — изумилась Камилла. — Вик, ну все же наладилось, зачем тебе он?

— Да незачем он мне, понимаешь? Незачем! — почти крикнула Вика. — Я люблю Женьку, чувствую, что люблю. А думаю о Черкасове

— И давно у тебя думки эти? — покосилась Мила

— Со вчерашнего дня...

— Ох ничего ж себе! Это если ты со вчерашнего дня себя так накрутила, что ж дальше будет?

— Ннне знаю. Я думаю, надо все Женьке рассказать... и про Черкасова, и про свои непонятки...

— Да ты бредишь, что ли, Вик? — возмутилась Камилла. — Хочешь в конец все

испортить? Кто ж мужчине про такие вещи рассказывает?? И не думай даже, слышишь?

— А что тогда? Я просто с ума сойду, если продолжу в том же духе — всхлипнула Вика

— Значит так, слушай меня. Сейчас ты успокаиваешься, берешь себя в руки. Женьке — ни гу-гу, поняла? Черкасова стараешься обходить стороной за три километра. Как только начинает клеиться, сразу вспоминай про пари. Как он тебя с кем-то обсуждал, как денег на такси предлагал, будто ты девушка на одну ночь... В конце-концов, не постоянно ж он будет видеться с тобой на работе? Тебе, пока, это не так уж и сложно...И не реви. Все будет хорошо!

— Спасибо, — улыбнулась сквозь слезы Вика. — Милка, ты мой антидепрессант!

— Ну тогда с тебя капучино для антидепрессанта. Хороший психоаналитик за бесплатно не работает — подмигнула Камилла...

Весь день Черкасов был сам не свой. Он пытался сосредоточиться на работе, но безуспешно. Эти две встречи основательно выбили его из колеи. Особенно вчерашний танец. Он и сам не понимал, что на него нашло. Наверное, атмосфера была располагающей. Димка сильно рисковал ее спугнуть. Но кто не рискует, тот не пьет шампанского. Димка решил-и не пожалел. Что бы она там в голове не держала, но ее тело вчера очень ясно намекнуло Черкасову, что он на правильном пути. Нужно только доказать ей, что... Что доказать? Мысли Черкасова, текшие до этого плавной струей, вдруг натолкнулись на невидимую преграду. Доказать, что он действительно ее любит? Пожалуй. Даже странно. Как незаметно для себя он впрямые по-настоящему влюбился. Нет, что греха таить, Димка до безумия хотел Вику, хотел три года назад, и тем паче, хотел сейчас, когда она так сногшибательно выглядела. Все-таки, большинство мужчин любят глазами, и никуда от этого не деться. Но ведь и скучал за ней в эти три года, что они не виделись. И беспокоился за нее. И хотел увидеть. Ее, ту угловатую пухляшку. А значит, за его влечением к изменившейся Вике стояло, все-таки то, давнее и странно-непривычное чувство. Конечно, оно не было похоже на чувство, о котором пишут в книгах, играют в театре или снимают фильмы. Долгое время, Димка был вообще уверен, что влечение к ней-не более, чем блажь, смутное беспокойство, притаившееся где-то на границе сознания. А повстречал ее на прошлой неделе — и блажь ударила в голову тяжелым дурным хмелем. Стоило вспомнить, как ее целовал тот тип: так крепко и по- хозяйски, и в жилах начинала бурлить кровь. Нет, Димка понял, что сделает то, чего не делал еще никогда: он будет завоевывать свою девушку. Черкасов сделает все, чтобы отбить ее у того, кто посмел встать между ними. Кем бы он ни был. В памяти Димки всплыли слова Жени: «Если повстречал свою девушку, борись за нее, а о гордости забудь...» Прав был чертяка-Тихомиров! Он, кстати, в гости приглашал. Надо бы позвонить, а то невежливо будет: обещался и даже не вспомнил. Да и с его невестой, как не крути, а познакомиться надо до свадьбы.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Черкасов потянулся за телефоном и набрал Женькин номер. Тихомиров ответил почти сразу:

— Привет, Димка! Рад слышать. Я уж думал, ты обо мне позабыл!

— Привет, Жень. Да, с работой, знаешь ли, был завал... Все никак не удавалось позвонить

— Фу ты, какой важный стал — рассмеялся Женька. — Скажи лучше, как жизнь молодая?

— Жизнь, друг, налаживается. Я тут встретил девушку...

— Оо! Понял тебя! Будем дружить семьями. На свадьбу пригласить не забудь.

— Далековато, Жень, до свадьбы. Я, когда-то, уже позволил ей уйти, так что придется заново завоевывать. Но как только-так сразу позову.

— А, старик, даже так? — усмехнулся Женька — Тяжело тебе тогда придется, но желаю удачи. — Ты, кстати, в гости заскочить обещал, помнишь?

— Помню, потому и звоню — улыбнулся Димка.

— Тогда выдели для старого приятеля пару часов в своем плотном графике. Когда сможешь?

— Ну, я на неделе свободен каждый вечер, но чтобы не стеснять вас, наведаюсь в пятницу вечером, часам к 9 идет?

— Заметано! Буду ждать. Бывай друг. — Тихомиров отключился...

На следующий день Вика пришла на работу раньше обычного. Хотелось быстрее расквитаться с этим чертовым проектом и сказать Черкасову: «Аривидерчи», пока она окончательно не потеряла голову. После вчерашнего разговора с Камиллой намного легче не стало, но появилась слабая надежда выплыть из всего этого с наименьшими потерями. Прежде всего следовало свести к минимуму общение с Черкасовым. Как говориться, с глаз долой, из сердца вон. По правде говоря, Вике вообще хотелось, чтобы они встретились один раз, обсудили проект и разошлись, как в море корабли. Но она понимала, что это слишком хорошо, чтобы быть правдой. Вика вздохнула, и принялась в десятый раз перепроверять расчеты.

В 11 часов ее вызвал начальник и объявил, что сегодня после обеда представитель заказчика желает обсудить спорные моменты проекта. У Вики ком застрял в горле, и она едва смогла выдавить из себя согласие. В конце-концов, двум смертям не бывать, а одной не миновать — решила она. Встреча была назначена на четыре часа по полудни, и Вика со страхом ожидала этот момент. Она была почти уверена, что Черкасов воспользуется такой великолепной возможностью и снова начнет приставать, и совсем не уверена, что у нее достанет сил его отшить. Она смотрела на себя в зеркало и мысленно благодарила человека, который изобрел тональный крем. Под ним не было видно черных мешков под глазами. Усталость и беспокойство выдавали только красноватые глаза, но в этом не было ничего криминального. Для всех окружающих это объяснялось волнением перспективного специалиста перед предстоящей встречей с заказчиком.

Заказчик не заставил себя долго ждать. Димка, как всегда, был пунктуален, и ровно в 16.00 дверь переговорного зала, где должна была состояться встреча, открылась. Вика уже сидела за столом и копалась в бумагах, стараясь скрыть волнение. Она не подняла голову даже тогда, когда Черкасов подошел к ней и сел рядом.

— Здравствуй, Вик. — Она чувствовала на себе пристальный взгляд синих глаз. Вика, наконец, нашла в себе силы посмотреть на него.

— Привет, Дим. — как можно равнодушной сказала она. — Ты готов закончить сегодня с этой волокитой?

— Ну, смотря, сколько там спорных вопросов — потер подбородок Черкасов. — Давай начнем!

Они просидели над бумагами часа два. Димка был собран, сосредоточен и задавал вопросы только о деле. Поэтому Вика слегка расслабилась. Рабочий день, меж тем, подошел к концу, а у них оставалось еще пару неразрешенных вопросов. Димка предложил закончить

с ними в следующий раз. Вика с облегчением согласилась. Ей эта встреча далась нелегко. Она изо всех сил старалась не выдать своего волнения, и теперь была рада оказаться от Димки подальше как можно скорее.

Они подошли к двери, и Вика уже собралась было ее открыть, но Черкасов удержал.

— Вика, нам нужно с тобой поговорить...

— Мы с тобой, Дим, уже наговорились за сегодня — она снова попыталась выйти, но Димка не позволил.

— Вика, не пытайся строить из себя дуру, у тебя это плохо получается — нахмурился он

— Нам с Вами, Дмитрий Викторович, говорить не о чем — отрезала Вика

— Разве? А о вчерашнем ужине, например, поговорить не хочешь?

— А что было вчера? — Вика даже сама удивилась собственному спокойствию

— А вчера я с тобой танцевал, обнимал и целовал. А теперь скажи, что тебе это не понравилось... — Черкасов начинал терять терпение

— Полно те, Дима. Тебе показалось.

— Ну, будь по-твоему. На этот раз. Только помни, пожалуйста, что на этот раз я не дам тебе уйти. Даже не надейся. — тихо сказал он

— Это не в твоей компетенции, Дим, разрешать или не разрешать мне что-то... — ей все-таки удалось открыть дверь.

— Ты не сможешь постоянно себя обманывать, Вика. Можешь рассказывать сказки о своей счастливой жизни кому-нибудь другому. Я не слепой, и вижу, что тебе небезразличен...

— До свиданья, Дим — обернулась она из коридора.

— Ну что ж, пока — протянул он вслед уходящей Вике.

В четверг вечером Женька огорошил ее новостью, что завтра у них ожидается его хороший приятель. Она стала было расспрашивать, но Тихомиров только загадочно отмалчивался да отделялся туманными фразами. Ей удалось лишь узнать, что познакомились они в Ковдоре, и зовут его Димкой. «Ну вот, всюду Димки», — раздраженно подумала она — «Так и в психбольнице оказаться недолго с манией преследования». Однако Вика тут же выкинула эту мысль из головы. В конце-концов, гость не виноват, что ей не повезло с парнем по имени Дима.

В пятницу, сразу после прихода с работы Вика принялась готовить мясо по-французски и клубничный пирог. Это отняло больше времени, чем она рассчитывала, так что когда раздался звонок в дверь и приветственный Женькин возглас: «О, какие люди!», она еще возилась с духовкой. Достала пирог, и взяла было лопатку переложить его на тарелку, но услышала у себя за спиной:

— Вика, познакомься с моим хорошим приятелем Димкой. — Она обернулась и выронила лопатку...

Димка стоял на пороге кухни, опираясь о дверной косяк. Он чувствовал себя так, будто ему со всей силы кто-то врезал кулаком под дых. В глазах потемнело и ноги стали противноватными. Невестой его лучшего друга была Вика! Сердце ухнуло куда-то вниз. Неужели?... Должно быть, Черкасов сильно изменился в лице, потому, что Женька спросил, удивленно глядя на них двоих:

— Ребят, вы что, знакомы?

— Да — быстро сказала Вика, боясь, что Черкасов ляпнет лишнего — Дмитрий Викторович Черкасов курирует мой проект строительства отелей. Помнишь, я тебе

рассказывала, что у меня аврал на работе?

— Дим, так это ты та бяка, которая Вике проект заворачивала? — принял грозный вид Тихомиров, и только лукавый взгляд выдавал, что он невсерьез. — Вай, вай, вай, джигит!

— Да нет, не я — Димка кое-как отвел глаза от Вики и заставил себя повернуться к Женьке. — Это был мой предшественник. Нам пришлось расхлебывать то, что заварили до нас.

— Да, Жень. Я тебе больше скажу, мы уже почти разрулили этот вопрос — Вика заставила себя улыбнуться. Получилось кривовато. Женька заметил, как между этими двоими растет напряжение. Правда, он никак не мог понять, в чем дело, но решил отложить выяснение до лучших времен.

— Ну, раз так, давайте садиться за стол. Моя хозяйюшка вкусно готовит. Просто пальчики оближешь! — он приобнял Вику за талию и Черкасову пришлось отвести глаза. Кулаки под столом сжались сами собой. В этот миг он почти ненавидел Тихомирова, и ругал себя последними словами, что согласился прийти в гости. Теперь ему грозила изощренная пытка длиной в пару часов.

Женька между тем сел напротив Черкасова и стал рассказывать о предстоящей свадьбе, о том, как они поедут в свадебное путешествие, о планах на семейную жизнь. Вика пристроилась на краешке стула и упорно смотрела в тарелку. Ей и в страшном сне не могло такое присниться: Женья и Черкасов за одним столом. Она даже подумала, что просто сходит с ума, и это бред. Однако, все происходило наяву. Она покосилась на Димку. Тот изо всех сил старался сохранять спокойствие. Ему это, пока, удавалось: только игравшие на скулах желваки выдавали напряжение. Женька же, казалось, ничего не замечал.

— Да что я все о нас, да о нас... — оборвал Тихомиров сам себя. — Ты — то Расскажи о своей зазнобе...

— Да, в общем, рассказывать нечего... — замялся Черкасов, заметив, как дернулась Вика. — Встретил давнюю любовь. Старые чувства всколыхнулись. Осознал, что люблю ее сильно, да, видимо поздно. Не верит она мне. Говорит, что раз не искал все это время, значит и не нужна вовсе была.

Вика поперхнулась куском мяса и закашлялась так, что слезы из глаз брызнули. Она извинилась и выбежала из-за стола в ванну. Закрывает за собой дверь и тихо сползла по стене. Хотелось плакать от обиды и злости. Что этот Черкасов, вообще, себе позволяет? Пришел в ее жизнь, по — хозяйски открыв ногой дверь. Вика чувствовала себя сейчас, как загнанный в угол зверь. Легко Миле говорить: держись от Димки подальше. А как держаться, если он и на работе, а теперь еще и дома? Она, по старой привычке, закусилась до боли кулак, чтобы не разрыдаться.

В дверь постучались и Женькин голос с тревогой поинтересовался:

— Вичка, ты там как?

«Плохо!» — хотелось крикнуть ей. Но вместо этого пришлось выдать из себя ровным голосом:

— Все нормально, Жень, я сейчас! — она медленно выдохнула, умылась, досчитала до десяти и вышла обратно в кухню. Димка что-то рассказывал Тихомирову о Ковдоре, немцах и новом оборудовании. Вика стала убирать тарелки со стола, стараясь даже не глядеть в его сторону. Потом выставила пирог и стала разливать чай. Неожиданно, у Женьки зазвонил

телефон.

— Вот черт! Это по работе — извиняющим тоном пробормотал тот — Я сейчас...

Он вышел в комнату, и оттуда донеслись обрывки разговора. Вика осталась наедине с Черкасовым. На кухне вдруг стало настолько тихо, что слышно было, как льется из чайника кипяток. В какой-то момент Вика не выдержала, подняла глаза на Димку и сразу утонула в темно-синем омуте его глаз. Так они и смотрели друг на друга, не говоря ни слова. Черкасов глядел на нее горящими глазами с какой-то отчаянной решимостью. Вика явно видела, что ему стоит большого труда держать себя в руках. Она сглотнула подкативший к горлу ком, и отвернулась к плите. В кухню зашел Женя. Он был чем-то озабочен.

— Вик, мне только что позвонили с работы и сказали, что придется смотаться в командировку в Москву на пару недель. — вздохнул Тихомиров.

— Жень, а это обязательно? — упавшим голосом поинтересовалась она. — Что там случилось такое, что без твоего присутствия никак?

— Да, видишь ли, что-то не так с партией станков, которые наша контора поставила одному партнеру. Мишка Петров, который ездил тогда их налаживать, сейчас в отпуске за границей. Сама понимаешь, так просто с ним не связаться. Да и если бы вызвонили, одним днем тут дело не обернется... — Вика только головой покачала.

— Когда ты выезжаешь? — тяжело вздохнула она

— В это воскресенье. И да, придется мне добираться самому на машине. Там нужно захватить с собой солидный багаж диагностического оборудования, поездом просто неудобно будет...

На кухне снова повисла тишина, и Черкасов решил, что пора ему уходить. Он поднялся из-за стола и стал прощаться. Пожал руку Женьке, кивнул Вике.

— Спасибо, ребята за гостеприимство. Все было очень вкусно... Повезло тебе с невестой Женька. Она у тебя, действительно, золото. — Он выразительно посмотрел на Вику и та опустила глаза. — Тебе, друг, приятно добратся до Москвы. А с Вами, Виктория, мы встретимся на следующей неделе на работе.

— Тебе спасибо, старина! — обнял его Женька. — До встречи...

Когда за Черкасовым закрылась дверь, Вика вздохнула с облегчением. Женька это заметил, и решил, что пришло время выяснить, что друг успел не поделить с его невестой.

— Вик, в чем дело? Вы двое явно чувствовали себя не в своей тарелке этим вечером — пристально посмотрел на нее Тихомиров. — Неужели он успел тебя обидеть, пока вы там свой чертов проект обсуждали? Так я ж ему...

— Нет, Женечка, нет — торопливо заговорила Вика. — Просто я его ну никак не ожидала увидеть здесь. Понимаешь, когда на работе постоянно в напряжении, то неприятно бывает, когда эта самая работа еще и на дом к тебе пришла... — она даже заставила себя рассмеяться.

— Да ну ее, эту твою работу, Вичка! Ты слишком серьезно все воспринимаешь. — он поцеловал ее в нос. — А Димка-парень хороший. Я, кстати, пригласил его на свадьбу. Хочу предложить ему быть свидетелем, как считаешь?

— Эээ... Ты же, вроде, без свидетелей хотел? — с надеждой в голосе протянула Вика. Не хватало еще ей на собственной свадьбе чувствовать себя сапером-неудачником.

— Нет, Виктория Александровна, интересная Вы, не побоюсь этого слова, женщина. Как достопочтенную Камиллу Георгиевну свидетельницей делать, так это всенепременно! А

как жених свидетеля назначить захотел...

— Ладно-ладно, поступай, как знаешь — махнула рукой Вика, стараясь побыстрее закончить неприятный разговор. До свадьбы еще около месяца, кто знает, куда и когда Черкасов снова надумает ухать. Авось, пронесет...

Димка уже третий час наматывал круги по пустынным улицам. Давешняя привычка помогала сосредоточиться и хорошенько обдумать сложившуюся ситуацию. Но ни сосредоточиться, ни обдумать, ни просто успокоиться не получалось. Внутри все сжималось от боли, стоило только представить, что Вика через месяц может оказаться Женькиной женой. Ну почему именно Тихомиров? Он, по большому счету, был единственным человеком в жизни Черкасова, которого тот хотел бы назвать своим другом. Судьба — дама со своеобразным чувством юмора. Когда-то, заметив интерес своего приятеля Игоряна к Вике, он заключил то проклятое пари. Теперь история снова повторялась. Черкасов опять должен был перейти другу дорогу, чтобы Вика досталась ему. Только на этот раз ставкой был не проигрыш в дурацком споре. Ставкой было его собственное счастье, которое, как он чувствовал, ускользало от него с каждым днем все дальше и дальше... Женька-Женька. Черт, какой же непростой выбор! Черкасов резко затормозил рядом с Обводным каналом и вышел из машины. Он какое-то время стоял, смотрел на ртутно-серую воду и думал, как ему поступить. Женька не заслуживал обмана, это было очевидно. Но и потерять Вику Черкасов уже не мог. Нет, Вика ему просто необходима. А Женька... Женька сам говорил ему бороться. Вот он и будет бороться. А кого выберет Вика, время покажет...

Женька уехал в воскресенье утром. Вика проводила его машины, поцеловала и попросила возвращаться поскорее. Он даже рассмеялся:

— Будешь скучать? Я польщен...

— Фу ты, Женька, я серьезно! Мне будет одиноко без тебя в пустой квартире. — нахмурилась Вика.

— А ты Камиллу позови пожить. Вы с ней сутками трещать готовы. — щелкнул ее по носу Тихомиров. — Не скучай, Вичка. Я скоро вернусь.

После того, как Женина машина отъехала от дома, Вика вернулась в квартиру и в задумчивости подошла к окну. Позвать Камиллу жить оказалось ей очень удачной идеей. Во-первых, присутствие Милы было мощной моральной поддержкой для Вики, во-вторых, спасало от возможных попыток Черкасова явиться сюда снова в отсутствие Женьки. Она набрала номер Вельской.

— Мавзолей слушает — раздался в трубке заспанный голос Милы

— Ой, ты спишь? — запоздало сообразила Вика.

— Уже нет-эхидно отозвалась она

— Ну тогда слушай. Женька уехал в командировку на две недели. Я одна. Перебирайся ко мне, а? Вместе веселее...

— Это же прекрасно! — пришла Камилла в восторг. Значит, я собираю манатки и через пару часов у тебя.

Они сидели на кухне и пили чай. Вельская изумленно слушала Викино повествование с пятничном визите Димки, а когда та дошла до предложения Женьки сделать Черкасова свидетелем, вдруг восхищенно захлопала в ладоши.

— Чему ты радуешься, не пойму? — проворчала Вика

— Нет, ну Женька все замечательно придумал. Ты только представь: обидчик — Черкасов вынужден быть свидетелем на твоей свадьбе! Да лучшего наказания для него и не найти.

— С чего ты так решила? Я ему, по большому счету, безразлична.

— Во-первых, с чего ты взяла? А, во — вторых, даже если и так, то это отличный шанс показать ему, что тебе замечательно живется и без него: красивая, успешная, счастливая...

— Заикающаяся невеста с нервным тиком... — закончила за Милу Вика

— Да ну тебя, Астахова! Не будь такой скучной. Я уже представляю себе его кислую физиономию...

Димка сидел в кабинете отца и уже два часа слушал про экономические показатели компании. Ему было скучно. Так и не увлекся за эти годы сухой экономикой. Внимание его, мало-помалу, стало рассеиваться, и он сам не заметил, как ушел в свои мысли. А мысли его все вертелись вокруг Вики. Он понимал, что времени немного: всего каких-то две недели до возвращения Женьки, да месяц до свадьбы. Черкасов был в растерянности. Он не знал даже с чего начать. Если бы она только согласилась его выслушать! Димка же ясно видел, что Вика к нему равнодушна. Только как же пробить тот щит холодной вежливости, которым она защищалась от всех его попыток сблизиться? Очевидно, она не просто так тогда ушла. Знать бы, что ей наговорил отец, но ведь не скажет... Стоп! Если не скажет Вика, можно выпытать у папочки. Димка кинул быстрый взгляд в сторону Черкасова-старшего. Тот сидел во главе длинного стола, как всегда спокойный и сосредоточенный. Димка так и не смог примириться с ним за время, что они работали вместе. Да, он стал «путевым сыном», да Виктор Григорьевич все чаще и чаще поглядывал на него с гордостью. Но в глубине души, Димка так и не смог его простить. И даже, смешно сказать, все еще мечтал уйти от него и работать с кем-нибудь другим, а то и вовсе на себя. Однако, он отдавал себе отчет, что пока это было невозможно. Счастье еще, что еженедельные ужины в таком неудобном и уже чужом для Димки доме не вменялись больше ему в обязанность. Теперь ему приходилось появляться там не чаще раза в месяц. И он был этому несказанно рад.

Однако, придется, наверное, пренебречь своим удобством и навестить старика в его родовом замке. Димка вздохнул и тряхнул головой, отгоняя непрошенные размышления. И вовремя. Потому, что Черкасов — старший, уже некоторое время наблюдавший за сыном, неожиданно спросил:

— Дмитрий Викторович, а что там с нашими инвестициями? — поинтересовался он. — Будет, в конце-концов, принят проект комплекса отелей, или нет?

— В данный момент, Виктор Григорьевич, мы конструктивно работаем с компанией «Колизей» в этом направлении. Думаю, к концу недели, все трудности будут улажены... Завтра у меня назначена встреча с архитектором.

— Очень хорошо. Вот господа, вам пример того, что будет, если бездумно инвестировать в фонды. Если бы не наше оперативное вмешательство, заслуженных прибылей пришлось бы ждать до Второго Пришествия. Ну что ж, а теперь перейдем к обсуждению плановых показателей на второе полугодие...

После собрания Димка дождался пока все выдут из кабинета отца, прикрыл дверь, и, почему-то сильно волнуясь под его вопросительным взглядом, попросил разрешения прийти сегодня вечером на ужин. Черкасов старший вопросительно приподнял бровь. Он, явно, не ожидал такого поворота событий. Чтобы вечно обиженный, до черта гордый и упрямый Димка сам попросился на ужин? Однако взгляд его заметно потеплел. Неожиданно для Димки Виктор Григорьевич тепло улыбнулся и ответил:

— Конечно можно, сынок. Я тебя жду.

— Тогда до вечера. Я буду у тебя в восемь.

Роскошная столовая в особняке Черкасовых ничуть не изменилась. Димка сел за стол и оглядывался в ожидании отца и мачехи. «Хоть бы госпожа Черкасова ремонт затеяла, что

ли»- с раздражением думал он — «Ведь чем-то она должна была заниматься все это время».

Горничная еще расставляла на столе приборы, когда в столовую вошел отец. Он выглядел уставшим, и Димка, против воли, даже пожалел его. Однако не дал себе возможности жалеть слишком долго. В конце-концов, папа сам виноват. Он сухо поприветствовал Черкасова-старшего.

— Мариша, сегодня накрой на двоих — кивнул Виктор Григорьевич горничной. — И да, принеси вина. Сын не часто балует меня своими посещениями, так что у нас, в некотором роде, праздник — слова прозвучали с грустной иронией.

— А где же Снежанна Владимировна? Почивать изволят? — холодно поинтересовался Димка

— Нездоровится ей, Дима. Не выйдет она сегодня к ужину. — покачал головой отец

— Тем лучше. Тогда я бы хотел с тобой поговорить об одном давнем деле...

— О, а я — то думал, сыновье прощение на меня снизошло... А ларчик-то просто открывался — ухмыльнулся Виктор Григорьевич. Димка предпочел проглотить эту шпильку. Все-таки отец был прав, да и не время поддаваться эмоциям.

— Я хотел поговорить о Вике

— А, зазнобу свою повстречал? Уж не она ли тот самый архитектор, с кем вы так конструктивно ммм... работаете?

— Не понимаю твоих намеков. Мы с ней, действительно работаем, безо всяких «ммм». — Димке едва удалось взять себя в руки. Я бы, знаешь, и рад был «ммм», да ты наговорил ей что-то тогда. И видеть теперь она меня не желает

— И правильно делает, сынок. Вика — умная девушка. А ты тогда был остолопом. Но сейчас исправляешься семимильными шагами. Я горд тобой — отец вдруг серьезно посмотрел на Димку.

— Спасибо, пап. И все же... Что ты ей тогда сказал?

— Сказал, что ты, пока, мальчик. Чтобы подумала как следует, прежде, чем замуж за тебя выходить. Точно не помню, но что-то в таком духе....

— И больше ничего? — подозрительно покосился Черкасов

— Сказал, что у тебя семь пятниц на неделе, и сегодня ты хочешь жениться, а завтра бросишь...

— Спасибо тебе, отец, душевное...

— Да что я в конце-концов такого страшного сказал? Если девушка тебя действительно любит, то никакие предупреждения ее не остановят. А она ушла. Значит, не любила...

— А ты у нас, значит, образец надежности и мужественности? Ты никогда не предашь и не обманешь? — разозлился Димка

— На что ты намекаешь, Дмитрий? — отец тоже начинал закипать

— Когда умирала мать...

— Когда умирала мать, я повел себя как жалкий трус! — Неожиданно рявкнул отец. Димка даже вздрогнул от неожиданности. — Я не мог беспомощно смотреть, как болезнь отнимает у меня единственную женщину, которую я любил... Я сделал ошибку, и вместо того, чтобы скрасить ей последние дни, сбегал в работу... И я себя никогда не прощу — отец говорил тихим сдавленным от бешенства голосом. — Если бы только было возможно ее вернуть, я бы все отдал, но...

— Пап — тихо позвал Черкасов

— Вон! — Виктор Григорьевич опустил голову на скрещенные кулаки

— Что?

— Я сказал, убирайся вон! — крикнул отец, и Димка не заставил себя долго уговаривать...

На следующий день Димка снова предпринял попытку поговорить с Викой. Они закончили обсуждение спорных вопросов, и Вика уже встала из-за стола, намереваясь уходить, но Димка поймал ее за руку:

— Не отпущу, пока не поговоришь со мной...

— Я уже тебе все сказала, Дим.

— Нет, я не заставляю тебя говорить, просто выслушай.

— Я не собираюсь ничего слушать. Сейчас мое рабочее время, и мне деньги, знаешь ли, не за разговоры платят... Отпусти меня, или...

— Что «или»? Закричишь? — насмешливо дернул бровью Черкасов. — Валяй, кричи, только когда сюда сбегутся все сотрудники из близлежащих кабинетов, не забудь рассказать, что я тебя изнасиловать пытался, а то не ровен час сплетни пойдут — раздраженно прошипел Черкасов.

Только этого Вике и не хватало. Ощущая себя обдуренной, она демонстративно опустила руку на стул и, выдернув свою руку у Димки проговорила:

— Я вся внимание...

— Вик — голос Черкасова стал нежным и мягким — то, что тебе сказал тогда мой отец...

— Я знаю, что это чепуха, Дим — кивнула Вика головой

— Знаешь? — удивленно выдохнул Черкасов — Тогда почему?...

— Потому, что «звезды никогда не сходят со своих орбит» — процитировала она заключительные слова памятной пьесы. — Я-то об этом всегда помнила, а Вы, господин Черкасов, похоже, забыли. Что-то еще? — она снова встала.

Димка смотрел на нее в бессильном раздражении. Упрямая гордычка! Возомнила, что она ему не пара и сидит теперь, холоднее январского мороза. Что за...

— Нет, я все понял. До свидания, Виктория. — Он тоже поднялся со своего места.

В тот день Вика пришла домой своя не своя. В квартире было пусто и царил полумрак. Камилла задерживалась на работе. У нее сегодня были поздние занятия в фитнес-клубе. «Ну вот, даже поделиться не с кем» — устало подумала Вика. Она разделась и отправилась в ванну. Но и это ей сегодня не помогло. На душе было как-то беспокойно. Стараясь гнать от себя тревожные мысли, она запахнула халат и расчесала мокрые волосы. Надо было приготовить ужин, а то Милка придет с занятий голодной, как волк. Она открыла холодильник и постояла в задумчивости, прикидывая, что лучше приготовить. Ее размышления прервал звонок в дверь. «Милка!» — пронеслось у Вики в голове, и она бросилась к двери. Даже не спросив, кто там, она открыла, и... И очень пожалела о своей опрометчивости. На пороге, покачиваясь, стоял пьяный Черкасов. Он шагнул было в квартиру, но Вика, плохо понимая, что делает, захлопнула дверь перед самым его носом.

Однако это мало помогло. Димка стал ломиться в квартиру, причитая на всю лестничную площадку: «Вика, открой!». Она стояла под дверью, сжавшись в комок, и молила Бога, чтобы Димке это занятие надоело. Однако, он похоже только входил в раж. Вика перепугалась, что Черкасов поднимет на ноги всех соседей, и нехотя открыла дверь.

Димка мгновенно затих. С минуту они молча смотрели друг на друга. Наконец, Вика спросила:

— Что тебе нужно, Дим?

— Пусти меня к себе — выдохнул он. Вике ничего не оставалось, как посторониться, пропуская его в квартиру, после чего она закрыла дверь.

Димка рассматривал ее жадными глазами и внезапно, Вика осознала, что из одежды на ней только халат, который в случае чего... Понял это и Черкасов. Кровь ударила ему в, и без того пьяную голову, и он потерял последние остатки разума. Димка просто шагнул к застывшей Вике и прижал к себе. Она хотела было вырваться, но тело перестало повиноваться. Так и стояла, позволяя Черкасову сжимать себя в объятьях, и вдыхала исходящий от него запах дорогого парфюма и крепкого алкоголя. Странно, обычно Вика не выносила запаха спиртного, а тут даже голова закружилась, до того он был приятный. Димка зарылся Вике в волосы, скользнул губами по лбу и начал целовать лицо.

— Викуся моя — горячо шептал он в перерывах между поцелуями, — родная, любимая... Никому тебя не отдам... Не позволю забрать даже лучшему другу... — задрожавшая Вика ощутила, как тело отзывается на его поцелуи давно забытой дрожью вдоль позвоночника. Она понимала, еще немного — и произойдет непоправимое. Разум готов был отключиться в любую минуту. Она хотела было отстраниться, но он не дал. Еще крепче (хотя куда уже!) прижал ее к себе и страстно поцеловал.

— Такая нежная, — выдохнул он, — такая пьяная, как хорошее вино... — Вику словно ударили. Она вырвалась из его объятий и потуже запахнула халат.

— Ну почему же вино, Дим? — с горечью спросила Вика. — Давай уж лучше, как виски. Целый ящик. «Талмор Дью», например. Хороший вискарь. Элитный... По четыре косаря за бутылку. — Она стояла перед ним размазывая по лицу злые слезы, которые, почему-то, никак не хотели останавливаться. Черкасов застыл. Весь хмель мгновенно соскочил с него. Разум затопила волна жгучего стыда. Он побледнел, потом покраснел. Так вот оно что...

— Откуда ты занешь? — выдавил из себя он. — Кто тебе сказал?

— Я сама слышала — всхлипнула Вика... Как ты тогда на балконе с кем-то... И про Матрешку слышала, и про проститутку... — продолжала, все больше скатываясь к истерике. — Уходи Дим, и больше не возвращайся...

— Вик, я врал тогда... Я хотел позлить... Я врал. — только и достало сил сказать ему.

— Уйди, пожалуйста — прорыдала Вика.

— Да, конечно, Вик, я уйду. Прсти меня, пожалуйста... — он закусил губу и вышел.

Димка закрыл дверь и побрел вниз по лестнице. В голове была звенящая пустота. В эту минуту он едва ли соображал, что делает. Черкасов не помнил, как спустился вниз и вышел из подъезда. Очнулся он лишь через какое-то время и обнаружил себя сидящим в соседнем дворе на лавочке рядом с детской площадкой. Сколько он там просидел, неизвестно. Да это уже было и неважно. Над головой полыхало Питерское небо. Совсем как тогда, на ночной прогулке, три года назад...

Димка помотал головой, силясь скинуть с себя оцепенение. В мозгу вдруг отчетливо раздался его собственный голос: «Ну что, Диман, доигрался в мачо? Вика теперь ни за что тебя не простит». После этих слов будто плотина прорвалась: на Черкасова хлынул целый поток боли, злости на себя, стыда, отчаяния... Придурок! Какой же он придурок! Что ему стоило тогда отменить это глупое пари? Ведь ничего, ничего хорошего оно ему не принесло, не говоря уже о Вике... Захотелось поиграть в сердцеда. Репутацию поддержать... Урод! Как же это гадко. Все гадко... И ведь было же чувство, что все это-не глупый спор, что начиналось у него что-то настоящее с такой девчонкой! И сам-же, сам все профукал. Упустил девушку, без которой ему было теперь очень плохо. Вспомнились слова отца «Если бы только можно было ее вернуть, я бы все отдал...» Димка горько усмехнулся. Отдал бы, да некому отдать. Не повернуть время вспять. И самому себе пендаля не отвесить.

А Вика... Как ей было больно слушать всю ту грязь, что он нес Игоряну! Слепой дурак... Черт, ясно же было, как день, что нельзя так о девушке с которой все серьезно. Нет же... Не смог удержаться, поиздевался над приятелем... А получилось, что над собственной любовью...

Димке вдруг захотелось напиться до бесчувствия, чтобы хоть на время заглушить весь тот крошечный ад, что творился внутри. В клуб... Нет. Там топа народу. Не хотелось чтобы перед глазами мельтешили люди. Значит — домой. В одиночестве, как последний алкоголик. Димка собрался уже сесть в машину, как вспомнил, что машина-то осталась на парковке, рядом с офисом отца. Он просто пошел после работы в бар неподалеку. Плохо ему было, видите ли... Вика с ним холодно разговаривала. Не знал, болван, ЧТО такое плохо. А сейчас, вот, узнал. Хотя, ему ли жаловаться? Вике три года назад, наверняка, намного хуже было... Потом появилась сумасшедшая идея пьяного мозга: поехать к ней и все выяснить. Безо всяких недомолвок... Вот и выяснил. Придурок. Он взял такси и поехал к Женьке домой. А увидел Вику, и голову потерял. Лучше бы им и не встречаться было. Совсем. Авань, и прошел бы он по жизни без этой ненужной ей любви. А теперь? Что теперь?

Димка оглянулся по сторонам в поисках адреса, на который он мог бы вызвать такси. «Звездная 20» — значилось на ближайшем доме. Он нарал номер и через пару гудков услышал голос оператора:

— Здравствуйте, Вы позвонили в службу заказа такси. Ваш адрес пожалуйста...

Камилла вернулась с работы в начале десятого. Дверь в квартиру была не закрыта, свет не горел, а посреди гостиной на полу сидела заплаканная Вика в халате и смотрела в стену отсутствующим взглядом. Мила сильно испугалась: воображение рисовало картинку одну страшнее другой. Она подбежала к подруге и начала трясти ее за плечи.

— Вика, Вика! Ты меня слышишь? Что тут у тебя...

— Он приходил — все также глядя в стену, ровным голосом ответила та

— Черкасов? — сразу догадалась Мила — Вот... гад. Он тебе что-то сделал?

— Нет, нет... Он просто приперся сюда пьяный и начал обнимать... целовать...

говорил, что никому не отдаст... любимой называл...

— Придурок! Никита Джигурда ему- любимая. А ты что?

— А что я? — подняла глаза Вика. — Я ему рассказала, что все слышала. О пари...

Сказала, чтобы больше не приходил.

— И? — округлила Мила глаза

— Ушел...

— Что ж ты тогда меня пугаешь? Сидишь тут впотьмах, зареванная, лохматая дева-мечта Эдварда Каллена? — фыркнула Мила. — Приперся и руки распускал — это, конечно, наглость. Но ничего же больше не было. Или я ошибаюсь? — прищурилась она.

— Нет... но... Понимаешь, Камилл — решила, наконец Вика. — Самое ужасное, что я-то была совсем непротив, пока про пари не вспомнила. Страшно подумать, что бы случилось, не ляпни Димка мне пошлый комплимент о том, что я как вино... Сразу ящик вискарря вспомнился.

— Вика! — обняла подругу Вельская. — Ну не раскисай. Ведь ты же его прогнала? Прогнала. Он ушел? Ушел... Ты-умничка. Все хорошо... Скоро свадьба с Женькой. Уедете в Хорватию, забудешь ты своего упыря как страшный сон...

— Такими темпами я до нее не доживу, Солнце! Я, ведь, не выдержу, если он продолжит мельтешить рядом со мной...

— Ты его еще любишь? — жалостливо посмотрела на Вику Милка

— Я не знаю... Я Женьку люблю... Люблю. Все было просто и понятно, пока Черкасов не появился. С Женькой мне спокойно, надежно, хорошо... Но с Димкой, я как с ума схожу... Я даже простить его готова была, когда он появился. Если бы не эти его приставания... Я похожа на шизофреника, да? — вымученно улыбнулась Вика

— Нет, подруга, ты похожа на человека, который вконец запутался. — рассмеялась Вельская- только вот, что я тебе скажу. Неизвестно еще, что там у Черкасова за душой. Может играет, а может, и вправду, любит. Время покажет. Если играет, больше ты его рядом с собой не увидишь. Не дурак твой гоблин на белой «Тойоте». Не будет комедию ломать если увидел, что ты все знаешь. А, вот, если любит, то ты, Вичка, попала... Такие от своего не отступаются. Только слабину дай. А тебе слабости показывать нельзя. Женька такого предательства не заслужил. Так что буду я теперь при тебе, как верная дуэнья с тяжелой клюкой. Пусть только Димка к тебе сунется. Я ему живо накостыляю! — сделала Мила воинственную мину

— Тоже мне, дуэнья — развеселилась Вика. Она в очередной раз подумала, что с подругой ей очень повезло.

Димка поднялся к себе, закрыл дверь и, не разуваясь, пошел в гостиную, где у него был бар с выпивкой. Как на грех, кроме шампанского, пары бутылок вина да проклятого «Талмор Дью» у него ничего не оказалось. Димка горько рассмеялся. Ирония судьбы! Вином он никогда не напивался, шампанское и подавно не подходит. Придется, видно, справлять поминки по любви памятным вискаррем. Смех перешел в стон. Димка вдруг выхватил бутылку из коробки и со всей силы швырнул ее на пол. Стекло разлетелось вдребезги с глухим звоном. Черкасов стоял и смотрел, как по ламинату бесформенной кляксой

растекается темно-янтарная жидкость. За первой последовала вторая, потом третья... Димка опустил в кресло и закрыл лицо руками. Даже напиться не получится... Вика-Вика! Если бы ты только могла простить... Нет, не простит она. Такое трудно простить, если вообще возможно... Идиот! Как же он тогда не догадался? Ведь мог бы увидеть, что ей плохо! Как не сложил два и два? Не могло ее внезапное исчезновение быть вызвано только разговором с отцом...

Димка начал биться головой о спинку кресла. Ну почему? Почему он тогда не пожелал отменить пари? И ведь прав был Игорян, когда ему врезал. Мало врезал! Надо было сильнее, чтобы мозги на место встали... Чтобы понял, урод, как на любимых девушек спорить. А ведь могло быть все иначе... Если бы он тогда не позвонил Игоряну, если бы только хватило ума смолчать, Вика уже, наверное, была его женой. Такая нежная, такая желанная... А так... Чем он лучше отца, которого пол жизни ненавидел? Потерял любимую так глупо! И не вернет. Даже другом никогда ей не станет... Стоп! Черкасов открыл глаза и потер переносицу. Другом. Просто другом. Друг ее будущего мужа, друг семьи, которому большего и не надо... Идея была дурацкой. Бесперспективной практически, но он ухватился за нее, как утопающий за соломинку. Это была его последняя надежда. Но он будет бороться до конца! «Нет, Вика, я от тебя просто так не отступлюсь...» — он стукнул кулаком по подлокотнику.

Вика боялась, что Черкасов начнет доставать ее звонками и караулить за углом. Но нет. После того вечера он будто в воду канул. Уже два дня от него не было ни слуху, ни духу. Она чувствовала облегчение. Слава Богу, теперь он не будет маячить в ее такой счастливой и спокойной жизни. Она выйдет замуж за Женьку, у них будет двое или трое детей... Однако нарисованная идиллия уже не так радовала. Более того, Вика в глубине души ощущала разочарование от того, что Черкасов снова явно показал, что она никогда не была ему нужна. Когда он вломился к ней пьяный и начал приставать, она сильно испугалась. Не его. Нет. Саму себя. Испугалась, что вновь поверит в его страстную любовь и останется в итоге ни с чем. Вика ругала себя предательницей. Женька ее очень любил, а она? Она его тоже. Только почему же тогда так замирало сердце, когда Черкасов был рядом?

Мила сказала, что это просто «остаточный эффект» от ее такой неудачной первой любви.

— Это происходит потому, что ты до сих пор не простила и не отпустила его. Если бы ты тогда переварила свою любовь полностью, то сейчас бы только отмахивалась от Черкасова, как от назойливой мухи. А так... А так придется переваривать уже по ходу дела. — тоном психоаналитика втолковывала она Вике

— Ну и как это сделать? — недоумевала та — Легко сказать: «перевари». А если не получится?

— Хо! Не получится — значит станешь ты госпожой Черкасовой. А Женька останется с носом — с деланным равнодушием протянула Камилла.

— Вот, за что я тебя люблю, так это за то, что поддержать ты умеешь! — нахмурилась Вика.

— Ай, красавица, всю правду скажу: что было, что будет, чем дело кончится, чем душа успокоится — пропела Камилла. — А будет у тебя выбор непростой: либо стабильное счастье с надежным Женькой, либо американские горки с Димкой. Причем, если стабильное и ровное счастье никуда не денется, то американские горки вполне надоесть могут...

— Не будет горок. Будет госпожа Тихомирова — покачала головой Вика.

— Ну вот и умничка. Тем более, что Черкасов уже два дня признаков жизни не подает. Значит, я была права: Димка опять с тобой поиграть хотел.

В пятницу состоялось итоговое совещание по проекту отелей. На нем присутствовали Максимов, Томашевский, Димка и Вика. Строго говоря, это была уже формальность: все вопросы, по которым возникали разногласия, были уже урегулированы. Томашевский и Максимов были в приподнятом настроении. Они постоянно шутили. Вика и Черкасов, напротив, сидели друг напротив друга хмурые и упорно смотрели в стол.

— Я вижу, наши специалисты порядком друг другу надоели — хохотнул Томашевский. — Уже глядеть друг на друга не можете.

Вика неловко улыбнулась. А Черкасов вдруг разозлился:

— Если бы мой предшественник, не затянул со сроками приемки проекта, то нам с Викторией Александровной не пришлось бы друг другу надоедать, Валерий Евгеньевич — голос Черкасова против воли прозвучал резко. Томашевский стушевался. Он понимал, что Димка намекает на его протееже — Опарина. И счел за благо проглотить шпильку.

— Мы с уважаемым архитектором урегулировали все вопросы — продолжил тем временем Черкасов. — Так что, Вы, Борис Алексеевич, и Вы, Валерий Евгеньевич, можете считать сделку состоявшейся.

— Большое спасибо — кивнул Максимов. — Мы не зря доверились таким профессионалам, как вы с Викторией. — Ну что, теперь это дело можно и обмыть. — он позвонил секретарше. — Тамарочка, принесите нам шампанского, пожалуйста.

— Да, Борис Алексеевич...

Пока секретарша расставляла на стол бокалы, Вика украдкой поглядывала на Черкасова. Тот был предельно собран, отстранен и никак не показывал, что ее присутствие рядом с ним как-то его волнует. «Ошиблась» — решила Вика. Он такой же, каким был всегда. Ну и ладно, тем легче ей будет забыть всю эту историю. А врал-то, врал! Соловьем разливался... Глаза, почему-то, защипало. Что это с ней? Ведь только вчера радовалась, что никто больше не достает пьяными визитами, лапает и выбивает из душевного равновесия. Вике такой ход собственных мыслей очень не понравился. Она совсем потерялась в себе за этот бесконечно долгий месяц. Вся та счастливая жизнь, что она строила весь последний год, вдруг стала зыбким миражом. Реальным оставался только Женька. Он каждый вечер звонил из Москвы, и, слушая его обычный несерьезно-пренебрежительный тон, Вика чувствовала, что обретает опору под ногами. Но, к несчастью, это длилось только блаженные двадцать минут разговора. Потом она клала трубку и ее мир снова начинал терять очертания. Чертов Черкасов! Появился в ее жизни непрошеным гостем, разбередил старые раны...

Она задумалась, и совсем не услышала, как Максимов что-то спросил у нее. Пришла к себе, только когда Генеральный повторил свой вопрос:

— Виктория Александровна, Вам нездоровится? — Вика отрицательно покачала головой.

— Нет, что Вы... Все в полном порядке — подняла она глаза на Максимова. Тот только недоверчиво хмыкнул, но расспрашивать больше не стал. Совещание подошло к концу, и Генеральный с Томашевским уже вышли за дверь. Черкасов тоже поднялся было из-за стола, пробормотав дежурное «Приятно было с Вами поработать», и собрался уходить.

— Женья хочет сделать тебя свидетелем на нашей свадьбе — неожиданно для себя проговорила Вика. — Ты согласишься?

Черкасов был уже около двери, но услышав ее вопрос, обернулся и пристально посмотрел ей в глаза.

— А ты бы хотела, чтобы я был свидетелем? — спокойно поинтересовался он. Одному Богу было известно, чего ему стоило это кажущееся спокойствие, но права на ошибку у Димки уже не было.

— Откровенно говоря, это последнее, чего бы я хотела — передернула плечами она. — Но Женья расстроится, если ты откажешься.

— В таком случае, я соглашусь. Он-мой друг, все-таки. — Все так же бесстрастно кивнул Черкасов.

Это спокойствие вывело Вику из себя. Двуличная, подлая скотина!

— Друг? Дмитрию Викторовичу Черкасову знакомы такие понятия, как дружба и любовь? — Вика повысила голос. — Так значит это было по-дружески: заявиться в отсутствие Жени к нему в квартиру и начать приставать к ЕГО невесте? Как у тебя вообще язык повернулся говорить мне о любви после всего того, что произошло?

— Извини, Вика. Этого больше не повторится. Знаешь, три года назад я был просто

болваном. Сейчас бы мне и в страшном сне не приснилась такая глупость: заключать пари на девушку. Это было подло. И я тебя не достоин, после всего случившегося. В тот вечер я это осознал. Но ты, по крайней мере, нашла свое счастье, и я рад за тебя и за друга. Вы будете очень хорошей парой...

— И это все, Дим, что ты можешь сказать? Рад за нас? — Вика все больше злилась, не осознавая, в какое глупое положение себя ставит, позволяя своим эмоциям взять верх.

— А ты хотела бы, чтобы я попросил прощения? — скрестил руки на груди он.

— Нет. Но я бы очень хотела услышать, зачем тебе это было надо? — она прикусила губу.

— Прямо здесь? — он обвел взглядом конференц-зал

— А почему бы и нет? — нахмурилась она

— Ну что ж, валяй, если не боишься сплетен. — Он вернулся к столу и устроился в кресле рядом с Викой.

— Сейчас обед. — посмотрела та на часы- И все уже ушли. Так что, я слушаю

— И что ты хочешь услышать? Что один разбалованный мажор поспорил о невзрачной девушке на ящик вискаря скуки ради? Ты права: все так и было. — он едко усмехнулся. Но увидел, как Вика прикусила губу, стараясь не расплакаться, и почувствовал, как дыхание перехватывает, а сердце начинает гулко отдаваться где-то в висках. Захотелось наплевать на все, сбросить с себя образ устало-равнодушного мачо и крепко обнять. Но нельзя. Иначе она никогда больше ему не поверит. Поэтому он просто поморщился и продолжал:

— А что ты еще хотела услышать? О том, как я раскаиваюсь? О том, что я изменился? А ты в это согласишься? — она отрицательно покачала головой, стараясь не ронять слезы. — Вот поэтому, я и не хочу больше мучить тебя. Я увидел тебя и потерял голову. Не скрою, то, что ты сейчас превратилась в красавицу, сыграло далеко не последнюю роль. Но там было не только влечение к красивой девушке. Там было и осознание того, что потерял нечто большее, чем просто красивые глаза... Но ведь ты понимаешь, что простить меня уже не сможешь. Так что, я тебя потерял. А жалеть попусту об утраченном счастье — занятие бесперспективное. Глупо это. Пытаться тебя вернуть, заведомо зная, что ничего не выйдет. Как видишь, я могу быть честным, и даже, местами, порядочным... — он горько улыбнулся. — И если Женя пожелает, чтобы я был его свидетелем, я с удовольствием им стану... Только приглашение мне пришлите. Твоим другом мне уже не сделаться, а вот Женькиным я был и остаюсь. Так что, больше домогаться не стану. Всего тебе хорошего, Вика — он кивнул ей, встал из-за стола и вышел.

А она еще долго сидела за длинным столом в пустом зале и плотала слезы. Вместо того, чтобы окончательно «переварить Черкасова», Вика все острее чувствовала, что есть что-то неправильное в том, как она относится к Жене...

Тем вечером Женька позвонил Вике позже обычного. Она даже начала волноваться, не случилось ли у него чего. Наконец, заиграл телефон.

— Привет, Жень — улыбнулась в трубку Вика.

— Салфет Вашей Милости, моя королева. — голос Тихомирова звучал устало и как-то приглушенно, но слышно было, что он тоже улыбается. — Как поживает мое Неотразимое Величество?

— Плохо... — тяжело вздохнула она. Сразу вспомнились ее метания и стало стыдно перед ним. Зачем она только полезла сегодня к Черкасову? Что хотела узнать? Глупо получилось...

— Что-то случилось? — встревожился Женька, — Ты сейчас это таким похоронным тоном сказала...

— Жеень, приезжай скорее, ты не представляешь, каково мне здесь без тебя... — голос Вики задрожал.

— Тьфу ты, Виктория! — повеселел Женька. — Зачем так людей пугать? Я-то думал, страшась что серьезное, а ты соскучилась. Я тоже скучаю по тебе. Очень-очень. Потерпи, девочка моя, всего неделю осталось мне здесь прозябать. Но как вырвусь- сразу к тебе!

— Еще целую неделю... — обреченно протянула Вика. — Я не выдержу.

— А как же Камилла? Неужели она не скрасит твой одинокий досуг?

— Скрасит! Только вот, замуж я не за нее собралась.

— А-а-а! Так вот ты про что... Виноват, исправлюсь, как только смогу — напустил он многозначительной хрипотцы в голос.

— Тихомиров, я тебя услышала и запомнила — рассмеялась Вика. Жизнь снова приобретала привычные очертания и теперь утренний разговор с Черкасовым стал казаться чем-то незначительным. Ничего страшного, ведь, не случилось. Вика просто вышла из себя, видя такую откровенную наглость со стороны Черкасова. Но теперь проект принят, и она не увидит его до самой свадьбы! Женька приедет, будет рядом, и не останется больше ни сомнений, ни метаний... — Можешь меня поздравить, Жень. Я, наконец-то, расквиталась со своими проблемами на работе.

— Что, проект приняли? Поздравляю, Вик! Вы с Димкой отлично поработали! — при упоминании Черкасова Вика досадливо поморщилась.

— Да, я, кстати, спросили у него, будет ли он твоим свидетелем. Он согласился. Просил прислать приглашение.

— Отлично! Значит ему пошлем приглашение в первую очередь — обрадовался Женька...

После их разговора Вика еще какое-то время сидела, задумавшись. Зря, все-таки, она затеяла с Черкасовым сегодня этот разговор. Хотела, чтобы Димка откровенно признался, что она ему не нужна. Думала, вот услышит от него правду, и отпустит ее это ноющее беспокойство. Но ошиблась. Черкасов, будто, ничего особенного не сказал. Ничего такого, чего бы она не ожидала услышать. Но то, как он это говорил, сильно ее зацепило. Черкасов не оправдывался, не пытался убеждать Вику в своей любви. Просто отмахнулся от нее и ее претензий, сказав, что ничего ей доказывать не собирается. Так было неправильно, и это выбивало из колеи. В их схватке Черкасов вышел победителем, хоть все козыри были у нее

на руках. Вика не только не «отпустила» свою прошлую любовь, но и умудрилась еще крепче увязнуть во всем этом. Скорее бы Женька приехал, и положил конец ее мучениям своим присутствием! Вика тяжело вздохнула. Камилле она о сегодняшнем не расскажет. Не хотелось чувствовать себя дурой еще и перед подружкой.

Черкасов боялся поверить в свою удачу. Он и не рассчитывал на такую реакцию Вики. Что ей стоило просто попрощаться с ним и этим самым поставить крест на всех его надеждах? И она бы сделала это, будь к нему совершенно равнодушна. Значит... Черкасову даже страшно стало при мысли, что у ему выпал один шанс на миллион. Вика была еще к нему неравнодушна и сегодня она это ясно продемонстрировала. И пусть она просто разозлилась на него за нежелание просить прощения, но эта злость говорила красноречивее любых признаний. Димка сделал глубокий вдох и выдохнул. Он не должен торопиться, иначе сам все испортит. Однако, следовало подумать о том, как быть дальше. А дальше начиналось самое сложное. Через неделю приезжает Женька, и ему придется туго. Ведь Тихомиров все время будет рядом с Викой, а он... Он даже не будет иметь шанса увидеться с ней наедине. Думай, Черкасов, думай! На работе они уже не пересекутся: незачем. Домой к ней тоже путь заказан: раз он Женькин друг, то и ошиваться рядом с его невестой негоже. Тут Вика была права. А что тогда? Сколько Димка не думал над этим, никак не мог найти причину для встречи. Оставалось только ждать и надеяться, что подвернется подходящий случай.

Случай не заставил себя долго ждать. В понедельник Черкасов-старший вызвал его к себе и огорошил новостью, что теперь руководство «Юнион групп» хочет поручить ему курирование строительства отелей. Димка был удивлен: впервые ему поручалось такое задание, и он недоумевал.

— Почему именно я, Виктор Григорьевич? — поинтересовался Черкасов.

— Видишь ли, сын... Ты очень и очень впечатлил Томашевского своей способностью разруливать сложные ситуации. После того, как по его вине подвисла миллиардная сделка, кресло под ним шатается, и теперь ошибаться ему просто нельзя. А ты-кандидатура, подходящая во всех отношениях. С одной стороны, можешь оперативно решить любой вопрос. С другой, если не решишь, то всех собак свесят на тебя, а Томашевский останется как бы не при делах. Так что, помни об этом пожалуйста.

— Хорошо, я готов приступить. С чего прикажете начать? — Димка поспешно согласился, сообразив, что работать ему, наверняка, придется с Викой, по крайней мере, на первых порах.

— Начни сначала. В начале, ведь, нужно встретиться с подрядчиком и говорить организационные вопросы. Так что, поезжай-ка ты к Максиму и поговори с ним по душам...

Через полтора часа Черкасов уже входил в приемную генерального директора компании «Колизей». Секретарша сказала ему подождать, так как Борис Алексеевич на совещании. Димка покорно сел на мягкий диван напротив ее стола, и стал ждать, пока Максимов освободится. Ожидание затягивалось. Прошло уже минут двадцать и в приемную то и дело заглядывали посетители, однако секретарша только качала головой и предлагала зайти позже. Чтобы скоротать время Черкасов принялся перечитывать договор, и не заметил, как в приемную вошла Вика. Она сразу увидела Черкасова и слегка нахмурилась, но быстро взяла

себя в руки и обратилась к секретарше:

— Добрый день, Тамара Андреевна, Мне нужно подписать бумаги у Бориса Алексеевича. Он у себя?

— Да, но занят. Зайдите позже. — ответила та.

Вика вздохнула и пошла к двери, и вдруг услышала у себя за спиной:

— Что же Вы, Виктория Александровна, со старыми знакомыми не здороваетесь? — она оглянулась и наткнулась на насмешливый взгляд синих глаз.

— Простите, Дмитрий Викторович, но Вы были так заняты, что не хотелось Вам мешать — стараясь скрыть раздражение ответила она. — Доброго дня!

Димка посмотрел, как за ней закрылась дверь и отметил про себя, что она до сих пор злится. Ну что ж... Значит, ему остается только ждать и не торопить события. Пока Димке фантастически везло... Его размышления прервали: совещание закончилось и в приемную из кабинета Максимова стали выходить люди. Черкасов дождался, пока в кабинете директора никого не останется и вошел. Борис Алексеевич встретил его приветливо:

— А-а, Дмитрий Викторович! Рад снова с Вами работать. Томашевский уже предупредил меня, что со стороны «Юнион групп» проектом будете заниматься Вы. — пожал он Димке руку.

— Да, только я никогда, признаться, с этим не сталкивался...

— Ничего, мы подберем толкового специалиста, который будет с Вами работать.

Уже уходя, Димка снова столкнулся с Викторией. Они ехали вместе в лифте и Черкасов видел, как она напряглась. Однако он не делал попыток заговорить. Так, в молчании и доехали до первого этажа. Выйдя из лифта, Димка хотел было попрощаться, но услышал, как Вика тихо спросила его недовольным голосом:

— Зачем ты меня преследуешь?

— Я, Вика, тебя не преследую. Я курирую строительство отелей. А потому, мне здесь просто необходимо будет появляться время от времени. Не думай, пожалуйста, что каждое мое появление — происки мирового заговора с целью соблазнить тебя. — вздохнул Черкасов. — Ты, конечно, можешь мне не верить, но у меня совершенно нет ни времени, ни желания тебя разубеждать. До свидания. — он пошел по направлению к дверям, оставив Вику в недоумении.

Она еще долго смотрела вслед Черкасову и задавалась вопросом, действительно ли он теперь будет курировать ее проект. Вопрос был не праздный.

Хоть Вика и была уверена, что эту авгиеву конюшню она разгребла, но оставался еще один существенный нюанс. А именно: перед тем, как передать проект заказчику, который и будет осуществлять авторский надзор за стройкой, его необходимо было утвердить в Комитете по Градостроительству и Архитектуре. Именно поэтому ей и пришлось сегодня отправиться в приемную к Генеральному за подписями.

И, вообще-то, Вике бы очень хотелось передать побыстрее макет проекта представителю заказчика, но если Черкасов не соврал, то это означало еще одну встречу с Димкой, а этого ей сейчас было совсем не нужно... Вечером Камилла притащила ворох свадебных приглашений и объявила, что тянуть с рассылкой больше нельзя: будет некрасиво, если гости получают их перед самой свадьбой. Вика только улыбнулась: в этом была вся Мила. Если она что-то делала, то делала это с огромным энтузиазмом.

Поворчав для вида о том, что это могло бы потерпеть и до выходных, она принялась подписывать нарядные бело-голубые прямоугольнички глянцевого бумаги. Убив на это около часа, она наконец, потянулась за последним приглашением и долго медлила, прежде, чем вписать туда имя Черкасова.

Камилла заметила ее нерешительность и спросила:

— Что, этому гоблину приглашение подписываешь?

— Да, Мил, это Черкасову — вздохнула Вика.

— Знаешь, а ведь мы еще не закончили с ним с тем проектом... Так что буду его периодически видеть до самой свадьбы.

— Вот и хорошо. — Мила поймала Викин удивленный взгляд и пояснила: — Понимаешь, он же всю свою трофейную коробку виски выпьет с досады, если ты вся такая счастливая пригласишь его на свадьбу.

— Ты знаешь, я его уже пригласила. На словах, правда. Но никакого морального удовлетворения не получила.

— Почему? Не было в его глазах Вселенского Отчаяния? — состроила забавную гримаску Камилла

— Скорее Вселенское Равнодушие.

— Ничего ж себе! Это он что, настолько обнаглел, что даже не потрудился изобразить из себя убитого горем? — удивилась Вельская

— Тут, видишь ли, не все так просто. Сказал, что после того случая все осознал. Понял, что он меня не достоин и хочет отойти в сторону и не мешать. — поморщилась Вика

— А как насчет «Вика-прости-меня-пожалуйста-убогого-и-сирого-я-был-неправ»? —

— А никак. Сказал, что ничего мне в свое оправдание говорить не станет. Мол, все равно, бесполезно. Мол, я не поверю.

— А ты бы поверила? — поинтересовалась Мила

— Не знаю. Но если бы он хотя бы попытался мне все объяснить, прощения попросить, то я бы простила. А так...

— А так еще больше увязла? — нахмурилась Камилла

— Вроде того — робко кивнула Вика.

— Ладно, не раскисай, подруга. Тебе все равно с ним видаться придется. Тут уж ничего не попишешь. Поэтому совмести неприятное с полезным и вручи ему это несчастное приглашение.

— А куда я денусь? — улыбнулась та.

На следующий день Вике предстояло согласование проекта в Комитете по Архитектуре. Однако, то ли день не задался, то ли звезды не сошлись, но там к макету придрались и постановили внести коррективы. Ничего серьезного, впрочем, но любое изменение по условиям сделки требовало немедленного согласования с заказчиком, а это означало, в свою очередь, новые проволочки.

Вика вернулась в «Колизей» раздраженная и нервная. Она рухнула в свое кресло и взгляд ее рассеянно заскользил по столу. Глаз зацепился за приглашение Черкасову, которое она сегодня утром принесла на работу в надежде отдать его адресату. И на душе стало еще горше.

Однако в тот день Димка так и не появился у них в офисе. Не пришел он и на следующий. Вика начала нервничать. Без согласования с Димкой она не имела никакого права внести изменения в проект, а без изменений его было бессмысленно нести на утверждение в Комитет Градостроительства. Сроки поджимали и она пошла разбираться к начальнику отдела. Тот покачал головой, и объявил, что Черкасов заболел, но его никто не замечает, так как он работает из дома. Так что если нужно опять согласовывать с ним многострадальный отельный комплекс, то она должна съездить к нему на квартиру.

В первый момент Вика даже подумала, что ослышалась: настолько абсурдным показалось ей это предложение. Но шеф был серьезен. Еще бы: вопрос требовал срочного и внимательного рассмотрения. Не объяснять же ему в самом деле, что Вика скорее бы дала отрезать себе ногу, чем снова оказаться в Димкиной квартире один на один с Черкасовым за три недели до свадьбы. Хорошо еще, что в последнее время он никак не выказывал своего к ней расположения. Хотя, ее это мало грело.

Вика, стиснув зубы, пообещала начальнику, что сегодня она пораньше уйдет с работы и съездит к Дмитрию Викторовичу.

— Вот и ладненько — обрадовался тот. — Записывай адрес и телефон. Позвонишь предварительно, а то кто его знает, чем он там занят.

Вика машинально кивнула. Но она вовсе не собиралась предупреждать Черкасова о своем визите. Ей, отчего-то, казалось, что он обязательно будет готовиться к ее посещению, если узнает. Вика даже усмехнулась про себя. Она, похоже, становилась параноиком.

Вернувшись на свое рабочее место собрала необходимые документы, и, подумав, захватила приглашение. Что там Милка говорила о совмещении неприятного с полезным?

Фантастическое везение Черкасова кончилось в понедельник вечером: он умудрился простудиться. А простуду Димка всегда переносил отвратительно. Дурная слабость, озноб и скверно работающая голова были его постоянными спутниками при этой напасти с самого детства. Утешало только то, что ему удавалось избавиться от нее дня за три — четыре.

Однако, сейчас Димка готов был выть от отчаяния. Вместо того, чтобы по максимуму использовать отведенную ему на возвращение Вики неделю, он просто валялся в постели. Даже работу свою никому передать не смог. Пришлось просто позвонить отцу и попросить разрешения работать на дому. Отец, впрочем, не был против, лишь бы дело не страдало.

Итак, утро вторника Димка встретил в постели в обнимку с ноутбуком и чашкой

«колдрекса» под рукой. Гадость, надо сказать, редкостная, но помогала его голове работать как следует. А работы было под завязку. Черксов перечитывал контракты, заключенные за последние два месяца, просматривал полугодовую финансовую отчетность «Ковдоржелезобетона» и его плановые показатели на следующее полугодие.

Время уже перевалило за полдень, когда усталость и простуда сделали свое дело: Димку стал клонить в сон. Он какое-то время сопротивлялся, но в конце-концов, был вынужден закрыть ноутбук и лечь спать. Проснулся Черкасов от звонка в дверь.

Спросонья, он даже не понял, что это и схватился было за мобильный, но тот молчал. Звонок, тем временем, повторился. Недоумевая, кого это могло принести к нему, Черкасов накинул рубашку и поплелся в прихожую. Он даже не спросил, кто там, а просто открыл дверь.

На пороге стояла Вика. Димке показалось в первый момент, что он продолжает спать и просто видит сон. Однако, для сновидения она слишком реалистично поджала губы и спросила:

— Привет, Ты позволишь войти?

— Привет, Вик. Вот уж не ожидал тебя здесь увидеть — пробормотал он и посторонился.

— Да я сама, признаться, не ожидала еще раз здесь побывать. — Она вошла в прихожую и осмотрелась: здесь ничего не изменилось с того момента, как ей довелось тут побывать.

На Вику опять накатила неприятная слабость. К горлу подступил комок, а ноги стали ватными. Ей понадобилось какое-то время, чтобы справиться со своими эмоциями, и, поэтому она просто стояла посреди прихожей и молча рассматривала Черкасова.

Выглядел он не лучшим образом: бледный, растрепанный, в мятых джинсах и распахнутой рубашке Димка вовсе не напоминал того денди, которого она привыкла видеть. Черкасов поймал ее взгляд и усмехнулся:

— Что, плохо выгляжу?

— Да... то есть нет — быстро поправилась она.

— Просто непривычно видеть тебя таким... растрепанным. Ты один? — она поперхнулась вопросом, сообразив, что это прозвучало бестактно.

— Один. А ты ожидала увидеть здесь пару сексапильных мед сестричек, которые утешают бедного больного мажора? — саркастически поинтересовался он. Хотя в следующую минуту об этом пожалел. Вика поморщилась, будто ее и впрямь укололи.

— Я пришла к тебе по поводу многострадального отельного комплекса... Видишь ли, его не пропускает Градостроительство и требует внести изменения, а без тебя мы этого сделать не можем. Димка махнул рукой в сторону кухни, почти не глядя на нее.

— Проходи — он пропустил ее вперед и стоял, наблюдая за тем, как Вика достает бумаги.

— Где надо подписать? — спросил Димка.

— Но как же...

— Я все подпишу, покажи-где? — нетерпеливо повторил он, все также глядя на нее.

Вике становилось неловко под этим взглядом. Она покраснела:

— Здесь, здесь и вот тут... — показала она. Димка подмахнул, даже не заглянув в бумаги.

— Что-то еще? — спросил он ее.

— Нет, теперь все. — опустила голову Вика

— И не станешь упрекать меня в подлости, двуличии, преследовании и домогательствах? — ядовито поинтересовался он.

— Дим, не надо издеваться, пожалуйста — тихо попросила она. — Я тебе верю...

Ему, вдруг, стало очень неловко. Она, по сути, была права.

— Прости меня, просто не очень хорошо себя чувствую и несдержан на язык. — покаянно проговорил он. Вика посмотрела ему в глаза, будто что-то для себя решая. Наконец она медленно кивнула:

— Прощаю, Дим. За все... — она протянула ему приглашение на свадьбу. — И спасибо тебе за то, что согласился. — Вика видела, как глаза Черкасова, смотревшие на нее отчужденно, вдруг удивленно распахнулись, а взгляд начал быстро меняться.

Равнодушие, изумление, недоверие, радость сменяли друг друга с молниеносной быстротой. Он даже подался вперед и теперь стоял прямо перед ней.

— За все — это значит... — он боялся договорить

— Да. За все, это значит-за все. — утвердительно кивнула она.

— Вика! — потрясенно выдохнул он. — Ты правда...? Я был уродом, я сам никогда себя за это не прощу! Ты была и есть самое светлое, что у меня есть в жизни. А я, я-дурак не разглядел тогда в тебе своего счастья. Я знаю, меня убить мало — быстро-быстро тараторил Димка. — Я никогда больше не причиню тебе боли... Милая, родная моя девочка... Дай мне второй шанс, и я всю исправлю...

Он порывисто прижал Вику к себе, и она даже сквозь пиджак чувствовала, насколько Димка был горячим. Он лихорадочно шептал ей что-то, чего она не улавливала, смеялся, целовал лицо...

Она было, потянулась его поцеловать, но вспомнила о Женьке, вздохнула и отстранилась.

— Поздно, Дим... Не могу. Я Женьке обещала... — опустила она глаза

— Я поговорю с ним... Он хороший, он все поймет — с надеждой смотрел на Вику Димка.

— Не надо — заплакала она. — Не рви мне душу, Дим. Мне и так очень тяжело...

— Но почему? — в отчаянии он опустил руки, позволяя ей отойти от него.

— Я запуталась, но я не думаю, что бросить Женьку будет правильно... Прости... — Она собрала бумаги и пошла к двери.

— У тебя еще есть время, Вик... Я буду тебя ждать — проговорил Димка, не поднимая головы.

Она на минуту остановилась, и, не оборачиваясь, сказала.

— До свидания, Дима.

Дверь за Викторой закрылась, а Димка так и стоял на кухне, опустив голову.

Это было неправильно. Ведь он чувствовал, что Вика неравнодушна к нему... Нет, он не сможет от нее отказаться...

Вика пришла домой вся в слезах, чем уже в который раз, основательно напугала Камиллу.

Вельская начала встревоженно расспрашивать, что случилось, но Вика только отмахнулась:

— Я его простила...

— Ну и хорошо. А почему тогда слезы?

— Но не отпустила — шмыгнула носом Вика

— И что ты теперь будешь делать, подруга? — растерянно спросила Мила

— Я не знаю, Солнце... Единственное, в чем я уверена, мне нужно дождаться Женьки и обо всем с ним поговорить... Так будет честно

— Даже не знаю, что тебе на это сказать... — потеряла Вельская лоб.

— Да, дела!

Женька хотел сделать Вике сюрприз и выехать пораньше. Проблемы со станками он разрулил, не без труда, правда. Но так, или иначе, в субботу вечером он оказался совершенно свободен и стал собираться. Сегодня он позвонит ей, и скажет, чтобы ждала поздно, а сам приедет днем...

Тихомиров улыбался, представляя Викины, и без того огромные, глаза, округлившимися от удивления. Он закончил укладываться, когда на часах было уже восемь вечера. Тихомиров потянулся за мобильным и набрал Викин номер.

Она ответила почти сразу, но была какой-то грустной, и на вопросы отвечала невпопад, хоть и уверяла, что все нормально. Женька не стал допытываться, а решил, что в очередной раз что-то стряслось у нее на работе. Однако ему вдруг стало тревожно, и он так и не смог нормально уснуть. Поэтому запиликавший в пять утра будильник его не разбудил. Он оделся, позавтракал, сдал ключи от номера администратору гостиницы и сел в машину. На часах было полшестого утра.

К 2 часам пополудни Женька был уже в сорока километрах от Питера. Он уже представлял, как обнимет Вику и закружит ее по прихожей...

Из задумчивости его вывел пронзительный визг тормозов: ехавшую по встречной полосе фуру начало заносить поперек дороги. Тихомиров резко вывернул руль в сторону обочины, но не рассчитал. От резкого маневра шедший с приличной скоростью автомобиль слетел в кювет и несколько раз перевернулся. Женька даже не успел испугаться.

«Ну вот и все... Конец... Эх Вичка-Вичка» — только и успел подумать он перед тем, как наступила темнота.

Через пятнадцать минут к месту аварии подъехали спасатели и машины ДПС. Инспектор ГАИ вышел из автомобиля и оглядел развернувшуюся пред ним картину. Три машины были подмяты фурой, валявшейся поперек дороги.

«Все пострадавшие, конечно, не жильцы» — промелькнуло у него в голове. Какое-то время он смотрел, как суетятся спасатели, пытаясь достать погибших и раненых, потом подошел к обочине дороги и увидел в кювете еще один автомобиль.

— Командир — подозвал спасателя — здесь еще один пострадавший. И, похоже, уже мертв...

Весь день после прихода Вики Димка промаялся. Он отчетливо понимал, что еще чуть-чуть и любимая девушка, наконец, останется с ним. Проснувшаяся совесть, конечно, беспрестанно напоминала, что сейчас Вика собирается замуж за Женьку, и это было бы очень некрасиво — отбить невесту у лучшего друга прямо перед свадьбой. Но, с другой стороны, он уже не мог оставить ее вот так. Вика была ему необходима, как запойному пьянице был необходим алкоголь.

Теперь Черкасов на своей шкуре почувствовал, что означает выражение «скрутить в бараний рог». Его и скручивало, стоило только представить, как Женька ведет Вику в ЗАГС а он, как последний мазохист, является свидетелем всего этого безобразия. Промучившись весь день, он твердо решил завтра сходить к Вике и поставить вопрос ребром: или она остается с Черкасовым, или он уходит из ее жизни. Звучало это, конечно, самонадеянно, да и не очень красиво, в конце-концов. Но Димка тоже больше не мог находиться в неопределенности. Либо пан, либо пропал.

С этой мыслью Димка лег спать. Но сон не шел. Наверное, так чувствует себя преступник перед казнью. Если она согласится, то Димка сам поговорит с Тихомировым. В конце-концов, тот все поймет. Не будет же Тихомиров силком удерживать Вику, если она любит Диму. А если нет? Что делать тогда? Как заставить себя отойти, если он обманулся, и Вика любит Женю? Об этом Черкасов старался не думать.

Только под утро он провалился в тяжелый сон, и проснулся около полудня. Димка решил не откладывать объяснений в долгий ящик. Позавтракав и приняв душ, он отправился к Вике, благо ее адрес накрепко врезался ему в память.

Вика провожала Камиллу домой. Откровенно говоря, ей вовсе не хотелось, чтобы Вельская уезжала прямо сейчас. Не хотелось оставаться одной в таком состоянии. Ее мучила необходимость разговора с Женькой. Она злилась на себя, стыдилась того, что до сих пор не выкинула Черкасова из головы и этими своими метаниями предает замечательного человека. Женька умудрился заставить ее быть счастливой. И оставить его ради Димки было последней подлостью. Но и Черкасова забыть она так и не смогла окончательно.

Камилла смотрела на нее, как на умалишенную, и, как могла, отговаривала от самоубийственных, с ее точки зрения, поступков.

— Ну что ты заладила, как старый попугай? «Надо поговорить-надо поговорить» — возмущалась она.

— Вот скажи, ты что, серьезно готова пожертвовать таким мужчиной, как Женька, чтобы остаться с этим уродом Черкасовым?

— Не знаю я, Мил! — раздраженно огрызалась та.

— Но обманывать Женю, пытаюсь закончить свои интрижки с Димкой у него за спиной, считаю нечестным.

— Боже мой, какая нечеловеческая честность! — досадливо хлопнула себя по лбу Вельская. — Вот ты сейчас правильно сказала: интрижки. Ты пойми, пожалуйста, что поступаешь, как дура. Чего ты добьешься, рассказав Женьке обо всем этом?

— Очищу вою совесть.

— Тебе твоя гребаная совесть что, дороже счастья и спокойствия Жени? То есть молчать тебе совесть не позволяет, а плюнуть в душу хорошему человеку — всегда

пожалуйста?

— Милка, ну ты же знаешь, что все не так — сильно страдая, простонала Вика — А если не так, то послушай меня, коза упрямая. Пока ты не поцеловала Черкасова, не переспала с ним у Женьки за спиной, или не вознамерилась уйти к этому гоблину, молчи в тряпочку, как партизан, поняла?

— То, в чем ты собираешься каяться перед Женькой — бред твоего ушибленного на голову чувства справедливости. И ни в чем ты перед ним не виновата. По крайней мере, пока — поморщилась Камилла. — Все то, что с тобой происходит, происходит исключительно по вине Черксова. Не любовь это, Вик — смягчилась она, видя, в глазах подруги обиду. — Это просто «круги по воде». Знаешь, говорят «все приходит, стоит только расхотеть». Как только хочешь чего-то сильно и не получается, твое желание становится навязчивой идеей, потом, потихоньку, сходит на нет. А стоит расхотеть- и опа! все само собой получается. Только тебе уже объективно это не нужно. Просто страдаешь по инерции.

— Хорошо, если так... Только и молчать я не могу — покачала головой Вика.

— Ну ладно — закатила глаза Камилла. — Но твоя совесть будет удовлетворена, если ты просто расскажешь Женьке, что Черкасов к тебе неровно дышит, и ты не хотела бы видеть его на свадьбе?

— Ну...

— Послушай, Солнце. Ты ведь не говорила Диме, что любишь его?

— Нет, но...

— Не обещала уйти к нему? — перебила Камилла

— Нет...

— Так вот — торжественно объявила Вельская — если это все так, то ты и не совершь Женьке.

— Ты так считаешь? — задумчиво спросила Вика.

— Ой, все! — устало махнула рукой Камилла. — Говори, что хочешь, только не жалуйся потом. Мне, кстати, собираться надо, Солнц. Сегодня приедет Женя, и меня уже здесь не должно быть к тому времени.

— А может, останешься еще немного? — с надеждой посмотрела на нее Вика

— Нет, подруга — вздохнула Камилла. — Завтра на работу, мне потом поздно возвращаться, а тут еще вещи... Не вариант, в общем.

Через пару часов сумка Вельской была собрана.

Вика вызвалась проводить Милу до дома. Вернулась она только около полудня. Поставила чайник, оглядела квартиру и решила как следует прибраться к Жениному приезду. Попутно она размышляла о том, что сказала ей Мила. По сути дела, она была права. Вика ничего Черкасову не обещала, Жене не изменяла, но... Была небольшая загвоздка.

За то время, пока Черкасов создавал ей «круги на воде» она разуверилась в том, что любит Женьку и хочет за него замуж. Вика уже заканчивала мыть полы, когда в дверь позвонили. Она бросила взгляд на часы, гадая, кто это может быть. Была половина третьего, и, значит, это не Женя. Что-то забыла Камилла? Вика посмотрела в глазок и нахмурилась. За дверью стоял Димка. Нехотя, она открыла дверь и отступила в прихожую, позволяя войти.

— Что ты хочешь, Дим? — нервным голосом поинтересовалась она и оперлась на закрытую дверь.

— Того же, что и в пятницу, Вика. — Димка судорожно стиснул ее руку и уставился на нее блестящими глазами. Он явно нервничал. — Я хочу, чтобы мы были вместе. Я так

больше не могу, Вик. Устал притворяться, что мне все равно... Ни черта мне не все равно... Я не смогу тебя отпустить просто так. Если ты меня все еще любишь, я обещаю, что никогда больше не причиню тебе боли, на руках носить буду, лишь бы ты была моей... Если нет, только скажи-я исчезну из твоей жизни и больше никогда не напомним о себе... Только не мучь меня больше, я не могу жить в неопределенности

— Дим, я... — она растерялась и не знала, что сказать.

Черкасов, тем временем, продолжал:

— Не бойся Женьку, его я беру на себя... Сам с ним поговорю...

Димкину сбивчивую речь прервала трель мобильного. Не сводя с него глаз, Вика потянулась к карману за телефоном. На дисплее высветился незнакомый номер. Она ответила.

— Виктория, это вы? — прозвучал незнакомый мужской голос.

— Я... Да, Виктория это я — сердце почему-то, тревожно замерло.

— С Вами говорит инспектор ГАИ Петров. Дело в том, что сегодня около двух часов Евгений Тихомиров попал в аварию на автостраде... ДТП произошло по вине водителя фуры, что двигалась по встречной. Он не справился с управлением...

Димка увидел как лицо Вики посерело и вытянулось, а глаза расширились.

Непослушными губами она попыталась спросить, что с ним, но получилось у нее это не с первого раза. Наконец, ей удалось выговорить:

— Где он??

— Он доставлен в Александровскую больницу города Санкт-Петербург. В настоящий момент делается все возможное...

Вика даже не дослушала. Она положила трубку и в отчаянии заметалась по квартире. Димка попытался было выяснить, что случилось, но у Вики началась истерика. Она плакала, кричала, что это она во всем виновата, что никогда себе не простит, что сейчас нужно немедленно ехать... Наконец, из ее истеричных всхлипов Димка умудрился понять, что Тихомиров попал в аварию и сейчас находится в Александровской больнице.

У Черкасова ком подступил к горлу: неужели все настолько серьезно? Вика, тем временем стала лихорадочно собираться. Схватила сумку, кофту, ключи и собиралась было выбежать из квартиры, но Черкасов поймал ее.

— Куда ты? — встряхнул он Вику.

— Я должна быть там, должна быть с ним... — отчаянными глазами глядя сквозь него повторяла она. — Я не могу его потерять!

— Куда ты сейчас поедешь в таком состоянии? Тоже хочешь в больнице оказаться? — крикнул он, пытаясь привести ее в чувство. Бесполезно. Она вырывалась, плакала и повторяла что-то бессвязное.

Вика была в невменяемом состоянии, и все, что он мог сейчас сделать, просто отвезти ее туда сам.

— Ладно, — сдался он, — поехали, я тебя отвезу.

Всю дорогу до больницы Вика молилась про себя.

Удивительно: она была человеком неверующим, и ни одной молитвы не знала. Но, как говорят, в окопах под пулями атеистов не бывает. И сейчас она просто просила Бога, чтобы Женька остался жив. Она не помнила ни дороги, ни того, что Димка ей говорил, пытаясь успокоить. В мозгу билась только одна мысль: ее Женя сейчас умирает. А она не рядом с ним.

Оказавшись в больнице, Вика опрометью кинулась узнавать о том, где Женя и что с ним

сейчас. К ней вышел хирург и объяснил, что Тихомиров довольно легко отделался. У него диагностировано сотрясение мозга, сильно венозное кровотечение из передней большеберцовой вены и перелом левой ключицы. Женя был прооперирован и сейчас находится в реанимации.

— Я могу попасть к нему? — нетерпеливо спросила Вика.

Хирург только головой покачал:

— Девушка, поймите, он только что перенес операцию. Ваш Евгений сейчас еще не отошел от наркоза, да и, откровенно говоря, лучше ему подольше под ним полежать: меньше шансов на осложнения после сотрясения. Вам туда нельзя.

— Доктор, — схватила его за руки Вика — Доктор, я должна быть там! Я не могу оставить его одного в реанимации, пустите меня, пожалуйста!

— Барышня, милая, да поймите же! — начал раздражаться тот. — Не положено...

Черкасов, наблюдавший всю эту картину со стороны, сделал доктору знак и отвел его в сторону:

— Простите, не знаю, как Вас зовут... — начал он

— Меня зовут Николай Сергеевич Васильев. — кивнул хирург

— Николай Сергеевич — продолжил самым убедительным тоном Димка, открывая кошелек и доставая оттуда пятитысячную купюру. — Вы же видите, что девушка не в себе. Там ее жених в реанимации, между прочим. — он аккуратно засунул купюру доктору в карман.

— В таком состоянии... — начал было тот

— Я ручаюсь, что сейчас она успокоится — спокойно продолжил Димка. — Скажите лучше, вы с другими родственниками связались?

— Еще нет. Не успели. Мы даже не ожидали, что так быстро близкие найдутся. В таких авариях люди не выживают, не то, что телефоны с номерами родственников. А тут чудо, можно сказать, мобильник остался цел. Так что, спасатели уже на месте смогли установить личность пострадавшего и позвонить по последнему номеру в исходящих.

— Вот и ладно... Я смогу с ними связаться, а девушку Вы к Жене пустите. Глядишь, и на поправку быстрее пойдет.

— Ладно — сдался доктор, поглубже засовывая купюру в карман. — Пусть идет. Только чтоб без воплей и истерик!

— Договорились! — лучезарно улыбнулся ему Димка и направился к уже притихшей Вике. — Я обо всем договорился — сказал он ей. — Только ты, пожалуйста, успокойся, ладно? А то, вдруг, очнется Женька, а ты как рева-корова. Не ровен час, поплохее твоему жениху — последнее слово далось ему с трудом, но Вика ничего не заметила, погруженная в свои мысли.

— Позвони начальнику — скомандовал ей Черкасов — и скажи, что тебя не будет пару дней. Проект ты мне почти передала, я сам позабочусь об остальном. — Вика машинально кивнула и попыталась благодарно улыбнуться Черкасову. Тот только усмехнулся. — И не надо мне строить глазки, красотка. Ты у нас замуж выходишь — сыронизировал он.

— Да, есть у тебя номер Жениных родителей?

— Дда, Дим, сейчас — она достала свой мобильник и стала рыться в телефонной книге. — Ввот, телефон Жениного отца — заикаясь проговорила она.

— Запиши. — Вот и ладушки — вздохнул он. Иди с Николаем Сергеевичем. Он проведет тебя к твоему ненаглядному. А я, пожалуй, утрясу вопрос с его родственниками и

поеду домой. Если что-то понадобится — только позвони. В любое время дня и ночи.

— Хорошо, — кивнула Вика, с надеждой глядя на него. — Спасибо тебе огромное, Дим. — Она порывисто и крепко его обняла. У Димки внутри все сжалось от боли, но виду он не подал.

— До встречи, Вик.

— До встречи — сказала она и пошла вслед за доктором вглубь коридора.

Димка вышел из больницы, сел в машину, и только здесь дал волю эмоциям. Он тихо застонал и оперся лбом о руль. В душе было пусто и больно. Он отчетливо осознал, что, впервые в жизни, проиграл...

Два дня Вика не отходила от постели Женьки. Она тихонько плакала и уговаривала его не умирать.

Дура! Какая же она дура! Возомнила себе, что любит Черкасова, металась, хотела Женьку бросить... Теперь-то она ясно видела, что нужен ей только Тихомиров.

Иногда ее сменяла мать Жени Анна Андреевна. Пока Вика ездила домой помыться и переодеться, или уходила поесть, она сидела в палате сына. Большого ей Вика не позволяла: На Анну Андреевну было жалко смотреть. У нее постоянно колело сердце и скакало давление. Женькин отец поддерживал ее, как мог, но и сам сильно переживал. Бабушке родители вообще ничего не сказали, опасаясь за ее здоровье.

Димка сдержал слово и по работе Вику не беспокоили. Она же, в свою очередь, старалась лишней раз не звонить Черкасову. Рассудила, что он и так для нее слишком много сделал. Мог бы порадоваться беде соперника, а смотри ж ты... Помогал. Хотя сам лишней раз в больнице не показывался... То ли стыдился, то ли не хотел отвлекать.

На третий день рано утром Вике сквозь сон послышалось, что ее кто-то зовет. Она открыла глаза, и сперва даже не поняла где находится. Все тело затекло и нещадно ныло. Она встала со стула, подошла к Жениной кровати и застыла: он открыл глаза и смотрел на нее!

— Вичка, — снова позвал он — где я?

— Женька! Женечка, живой! Ты живой — тараторила Вика и восторженно смеялась.

— Так что, все-таки случилось? — нахмурился он — Почему это я в горизонтальном положении с кучей проводков?

— Ты в кювет вылетел — всхлипнула Вика, — машина перевернулась. Женечка, если бы ты только знал, как все мы за тебя перепугались...

— Ого! Перепугались — это хорошо — улыбнулся Женька. — Значит-любите.

— Дурак ты, Тихомиров — нахмурилась Вика. — Я пойду врача позову.

С того дня Женька быстро пошел на поправку. Так, что даже свадьбу, которую хотели отменить, он переносить запретил. Ругался с врачами, когда те запрещали ему слишком активно вставать и двигаться, сердился на Вику и родителей, когда они пытались за ним слишком рьяно ухаживать. А первого июля и вовсе заявил, что готов к выписке хоть сегодня. Врачи уже рукой махнули на беспокойного пациента: МРТ было практически в норме, ключица уже не так сильно беспокоила.

Так что третьего числа Женька уже был дома с предписаниями о полном покое, на которые, он, конечно, плевать хотел. На Викины возмущенные протесты он только отшучивался:

— Ну какой покой, если рядом такая девушка! — страстно шептал он Вике на ухо. Та только досадливо рукой махала.

Вика смогла выйти на работу только после выписки Жени: взяла вне очереди половину отпуска. От Черкасова не было ни слуху, ни духу, да и некогда было Вике о нем думать, пока Женька находился в больнице.

На работе же она узнала, что он самостоятельно протащил проект через Градостроительство и курировал его до недавнего времени, но три дня назад внезапно было объявлено, что Димка улетает на Дальний Восток вести переговоры с японцами, и за отели теперь целиком и полностью отвечает другой человек. Вике стало досадно. За всей этой свистопляской она даже его не поблагодарила как следует. Нехорошо вышло...

Вечером того же дня она извинилась за Димку перед Женей, объяснила ситуацию и сказала, что на свадьбе его, скорее всего, не будет.

— Вот чертяка! — расстроился Женька. — Кто ж у меня теперь свидетелем станет?

Седьмое июля выдалось пасмурным и неласковым днем для середины лета. Но это не могло испортить настроения гостям свадьбы, что собрались в ресторане «Аврора».

Вика сидела за праздничным столом рядом с Женькой и Милой и думала, что ее новоиспеченный муж был прав: грех отменять свадьбу, если лучшая подруга вложила в ее организацию всю душу. В самый разгар праздника администратор зала подошел к Камилле и шепнул ей что-то на ушко. Она выскользнула из-за стола и исчезла за дверью.

Через какое-то время показалась в дверях, заговорщически подмигнула Вике и объявила, что чете Тихомировых только что доставили еще один подарок от друга. Она показала гостям пухлый конверт внушительных размеров. Пока те шушукались, гадая, что это может быть, она села на место.

— Во время танцевальной паузы выйдем в дамскую комнату. — Вика только кивнула.

Когда ведущий объявил танцы, они вышли из зала и направились в туалет. Только закрыв дверь и оглянувшись по сторонам, Мила вручила Вике конвертик. Оттуда выпало Димкино приглашение и записка:

«Милая Вика (надеюсь, ты позволишь мне тебя так назвать в последний раз). Обстоятельства сложились таким образом, что я вынужден срочно уехать на Дальний Восток. Вернусь не скоро, хотя и не уверен, что вообще захочу возвращаться. Но перед отлетом я хотел бы еще раз извиниться за все плохое, что тебе сделал. Не скрою, даже рад тому, что меня сейчас нет в Питере. Не смог бы я смотреть, как Женька тебя обнимает, хотя то, что вы вместе-это правильно. А я третий лишний и должен уйти. Вот и ухожу, только перед этим хочу сказать тебе огромное спасибо за то, что научила меня любить по-настоящему, умея ценить того, кто рядом. Ты навсегда останешься моим самым светлым воспоминанием. Будь счастлива, и помни, что если вдруг потребуется помощь, ты всегда сможешь меня найти.

Д. Черкасов

PS: Раз вы теперь с Женькой семья, то я решил сделать вам подарок. Та дача, на которой мы были, помнишь? Она замечательно подходит для того, чтобы отдыхать там с ребятней. Пусть она, наконец, пригодится. В пакете дарственная»

— Ну, что там? Что он написал? — нетерпеливо спросила Мила — Написал, что улетает и больше не побеспокоит, извинялся. — вздохнула Вика.

— Ну и Слава Богу — тряхнула кудряшками Вельская.

— Идем?

— Сейчас — кивнула подруга. Она разорвала письмо и выкинула его в урну. Димка, наконец, остался в прошлом. Она его простила, отпустила и от всей души пожелала встретить свою любовь.

«Спасибо тебе, Дим» — прошептала она.

Больше книг на сайте - Knigolub.net